Коммунисты уходят в подполье (Подпольный обком действует - 1)

Алексей Федорович Федоров

SHOUT
SHARE
IT

- Федоров Алексей Федорович
  - ○

Федоров Алексей Федорович Коммунисты уходят в подполье (Подпольный обком действует - 1)

Дважды Герой Советского Союза
Алексей Федорович ФЕДОРОВ
ПОДПОЛЬНЫЙ ОБКОМ ДЕЙСТВУЕТ
Книги 1 - 3
Литературная запись Евг. Босняцкого
Книга первая
КОММУНИСТЫ УХОДЯТ В ПОДПОЛЬЕ
ОГЛАВЛЕНИЕ:
От автора
Глава первая. Бомбы падают на Чернигов
Глава вторая. Трудные дни
Глава третья. Обком действует
= =

ОТ АВТОРА

Четыре года войны с фашистской Германией были и самыми трудными и самыми значительными годами моей жизни. Да не только моей. Большинство граждан нашей страны могут сказать то же самое.

Пережить, увидеть, передумать пришлось очень много. Дневника я не вел. Жаль, конечно. Однако память у меня хорошая, а то, что не запомнилось, по всей вероятности, или не очень важно, или плохо мне известно. Я же решил написать лишь о том, что видел сам или, по крайней мере, совершенно достоверно знаю.

За время войны со мной произошло много перемен: секретарь Черниговского областного комитета коммунистической партии (большевиков) Украины, я на оккупированной врагом территории стал секретарем того же Черниговского, но уже подпольного обкома, впоследствии и Волынского обкома; стал я и командиром одного из крупнейших на Украине партизанских соединений.

Черниговский и Волынский обкомы объединяли несколько тысяч коммунистов и комсомольцев, оставшихся по тем или иным причинам в тылу врага, сотни коммунистических и комсомольских ячеек, десятки партизанских отрядов и групп сопротивления. Это была очень серьезная сила.

Одно лишь соединение, которым я командовал, уничтожило свыше 25 тысяч немецких захватчиков и их пособников; пустило

под откос 683 эшелона с живой силой врага и техникой: танками, самолетами, автомобилями, артиллерийскими орудиями; 8 бронепоездов со всей прислугой тоже полетели в воздух. Подрывники нашего соединения взорвали 47 железнодорожных мостов, 35 тысяч метров железнодорожного полотна, 26 нефтебаз и складов с горючим, 39 складов с боеприпасами и обмундированием; на минах, поставленных нашими партизанами, подорвалось 12 танков и 87 автомашин Это далеко не полный перечень ущерба, который понес враг в результате действий нашего соединения. Правительство очень высоко оценило эту деятельность: достаточно оказать, что 19 бойцов и командиров получили звание Героя Советского Союза, несколько тысяч человек награждены орденами.

Оказывая вооруженное сопротивление оккупантам, вступая с ними в неравную борьбу, коммунисты-подпольщики и партизаны поднимали дух народа, показывали народу, что партия и советская власть на Украине живы, что недалек тот день, когда над Украиной снова засияет солнце нашей Конституции.

Может быть, и не очень стройно, не очень красочно, но с большевистской искренностью я постараюсь рассказать, как подпольщики и партизаны Черниговщины и Волыни боролись за свободу и независимость нашей Родины.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

БОМБЫ ПАДАЮТ НА ЧЕРНИГОВ

Было воскресенье, когда я вернулся из поездки на большое строительство, километров за двести от Чернигова.

В пути нас застиг ливень. Дорога раскисла, машина забуксовала, а потом и совсем застряла. Тут еще обнаружилось, что мы забыли купить папирос. Нам казалось, что мы испытываем большие мучения: как же застряли в поле, под дождем, всю ночь придется провести без сна да еще не курить.

Ночью мы несколько раз пытались вытолкнуть машину из грязи. Все промокли и перепачкались. Домой я попал только к десяти часам утра. Хотелось спать, есть. Вспоминались впечатления поездки: встречи со строителями, культурные общежития, спелая урожайная пшеница, стенами стоявшая вдоль дороги, и рядом - поля, заросшие мелким кустарником каучуконосом, "кок-сагызом", который мы только начали культивировать на Черниговщине и которым мы так гордились...

Я принялся стягивать мокрые сапоги, мечтая растянуться на диване, когда со двора вбежала жена.

- Наконец-то! - крикнула она. - Тебя уж раз десять вызывали. Дежурный по обкому. Первый раз позвонил в семь утра и все звонит, звонит...

Она не успела договорить, как уже раздался звонок. Я взял трубку.

- Алексей Федорович, видете ли, Алексей Федорович... - дежурный явно волновался, повторял мое имя, отчество, а потом стал без числа сыпать вводные словечки: "значит", "вот". С трудом я его понял. Он никак не мог произнести слово "война".

Я опять натянул мокрый сапог, взял с тарелки кусок пирога, прямо из кувшина отпил несколько глотков молока. Вероятно, вид мой был не совсем обычный. Жена с тревогой смотрела на меня. Я рассказал ей, что произошло, попрощался, вышел из дому и направился в обком.

Домой больше я так и не попал до конца войны.

Придя в обком, я стал звонить в Киев, к секретарю ЦК КП(б)У Никите Сергеевичу Хрущеву. В голове теснились мысли. "Война с фашистами... Конечно, рано или поздно она должна была начаться... Спокойствие! Организованность! Прорвутся ли их самолеты к Чернигову?.. Ах, какой урожай, какой замечательный урожай, - вспоминал я пшеницу по сторонам от дороги. - Как его теперь убрать?.."

- Никита Сергеевич, это вы? Я, Чернигов, Федоров...

Никита Сергеевич говорил спокойно, несколько тише, чем обычно. Он рассказал мне, что немцы бомбили Житомир, Киев, что кое-где наши передовые посты смяты.

После этого товарищ Хрущев перешел к практическим указаниям.

Через полчаса у меня в кабинете собрались члены бюро обкома.

В двенадцать часов по радио выступил товарищ Молотов.

В течение дня я участвовал в нескольких митингах.

Рано утром 23 июня над Черниговом появились вражеские разведывательные самолеты.

*

Первые дни войны были особенно напряженными. И в области и в городе спешно проходила мобилизация, в Чернигове формировались части. Из районов на машинах, на поездах, на подводах, а то и просто пешком прибывали тысячи людей.

Работали все самоотверженно. Около полутораста тысяч колхозников, рабочих, служащих, домашних хозяек вышло на строительство оборонительных сооружений. Кроме этой проводившейся по плану работы, люди в каждом дворе устраивали бомбоубежища, копали щели, засыпали песком чердаки.

Я много ездил, бывал на заводах, которые, на ходу перестраиваясь, переходили на военное производство; ежедневно

посещал райвоенкоматы. Говорить, разъяснять, агитировать приходилось ежечасно: к вечеру, как правило, срывал голос.

Но и по вечерам и ночам происходили совещания, встречи с командирами частей, директорами предприятий, секретарями райкомов. Спал я не больше трех часов в сутки и то урывками. С женой и детьми я не виделся по нескольку дней.

Мне не удалось побыть с семьей и в день ее отъезда из Чернигова. Я приехал на вокзал чуть не за минуту до отхода поезда и пока прощался с женой и детьми, говорил напутственные слова, поезд тронулся - пришлось соскочить на ходу.

Главное чувство, которое владело всеми нами, было чувство ответственности.

Мы рассуждали так: мы - коммунисты, да еще руководящие работники, следовательно, мы отвечаем за людей, за народное имущество, за свободу народа. Вот почему только работа давала нам удовлетворение. Отдыхать было совестно. Один очень хороший, искренний человек сказал, что ему стыдно ложиться в постель и спать.

Над Черниговом все чаще появлялись вражеские разведчики. Бомбардировке в первую очередь подвергся железнодорожный узел. Это было в ночь на 27 июня. Через полчаса после налета я уже был на месте. Я увидел первые жертвы фашистов: двух убитых женщин, ребенка, растерзанного взрывом. Я старался быть спокойным, но меня охватил озноб. Происшедшее еще не укладывалось в сознании. Казалось, что это какая-то ужасная ошибка, несчастный случай. Надо только принять меры, и ничего подобного не повторится.

28 июня в Чернигов приехали секретарь ЦК ВКП(б) товарищ Маленков и Маршал Советского Союза Буденный. Совещание - вернее, беседа с ними заняло более Трех часов. Мы ездили по городу, осматривали военные объекты, а когда вернулись в обком, товарища Маленкова вызвал по телефону товарищ Сталин. В тот же вечер представители Ставки выехали.

Я рассказываю об этой встрече потому, что подействовала она и на меня и на других товарищей, которые приняли участие в беседе, вдохновляюще и отрезвляюще. Постепенно становилось ясно, что война - это работа, систематическая, планомерная и тщательно продуманная, работа невиданного еще размаха и напряжения.

*

До выступления товарища Сталина по радио 3 июля 1941 года у нас в области никто не готовил большевистского подполья, не работал над созданием партизанских отрядов. Не думал об

этом, признаюсь, и я.

Немцы развивали наступление. Западная часть Украины стала ареной боев. И хотя над Черниговом уже десятки раз появлялись немецкие самолеты и города области многократно подвергались бомбардировкам, нам, руководящим работникам Черниговшины, казалась невероятной возможность вторжения немцев сюда, в глубь Украины.

4 июля, выступая перед рабочими Черниговского депо, я говорил, что к нашему городу фашисты не прорвутся, что можно спокойно работать. И в это я искренне верил.

Вернувшись с митинга железнодорожников в обком, я узнал, что из Киева приехал секретарь ЦК КП(б)У - товарищ Коротченко. Он пробыл в Чернигове недолго, всего сутки. Наметил вместе с областными организациями план первоочередной эвакуации людей, промышленного оборудования, ценностей. Перед отъездом он посоветовал взять на учет партизан гражданской войны.

- Их опыт, товарищ Федоров, может пригодиться?

Вечером я получил телеграфный вызов из ЦК КП(б)У и, не задерживаясь, выехал на автомобиле в Киев.

Никита Сергеевич принял меня в ту же ночь. Он обрисовал положение на фронтах, оказал, что мы должны смотреть фактам прямо в лицо. Нельзя недооценивать немецкое наступление, нельзя допускать, чтобы продвижение вражеской армии в глубь страны застало нас неподготовленными.

Никита Сергеевич предложил немедленно начать подготовку большевистского подполья и заблаговременно организовать в каждом районе партизанский отряд.

- Как только вернетесь в Чернигов, без промедления приступайте к отбору людей, закладывайте в лесах базы для партизан, займитесь военным обучением подобранных людей. Подробно вас проинструктирует товарищ Бурмистренко.

Михаил Алексеевич Бурмистренко рассказал мне, как подбирать кадры для подпольной работы, что должны представлять собой партизанские отряды, как их формировать, познакомил меня с шифрами.

Меня поразило, что в ЦК уже продумана вся система: организации подполья.

- Помните, - напутствовал меня товарищ Бурмистренко, - на партийную работу в подполье следует направлять исключительно проверенных людей, смелых, выдержанных, самоотверженных. Разъясняйте людям всю меру опасности, какая их ожидает. Пусть продумают, смогут ли они найти в себе достаточно мужества. Если не могут, пусть не идут... Кого вы рекомендуете секретарем

подпольного Черниговского обкома?.. Вы думали над этим?

Не знаю, побледнел я при этом вопросе или покраснел, помню только, что сердце у меня забилось учащенно.

- Прошу оставить в подполье меня, - оказал я.

Товарищ Бурмистренко ответил не сразу. Посмотрев испытующе, он повторил:

- Вы думали над этим?

- Да!

- Сейчас я не могу дать вам окончательного ответа, - сказал он. - Во всяком случае, по приезде в Чернигов подготовьте еще одну кандидатуру. О вашем желании я доложу Никите Сергеевичу.

Я продолжал настаивать, говорил, что другого кандидата придется снова посылать в Киев за инструкциями; на это уйдет время. Я же получил инструкции, могу приступать к организации...

Товарищ Бурмистренко перебил меня:

- Поезжайте, делайте, что вам приказано; решение ЦК будет сообщено вам по телефону.

Через несколько дней, уже в Чернигове, я узнал, что просьба моя удовлетворена: ЦК КП(б)У рекомендует Черниговскому обкому избрать меня секретарем.

*

Понимал ли я тогда, на что иду, какие лишения придется пережить? Я человек немолодой, давно отвык от физического труда. Я ведь и спортом в последние годы не занимался, верхом на коне не ездил больше двенадцати лет.

На пути из Киева, в машине, я стал обдумывать свое решение. Обдумывать, но не колебаться. Я чувствовал, что гожусь для подпольной деятельности и на этой работе буду полезен больше, чем где-либо.

По прибытии в Чернигов я собрал бюро обкома. Мое сообщение об организации подполья застало товарищей врасплох.

Создавать подполье! Даже слова эти казались книжными, неживыми. "Большевистское подполье" - это ведь из истории партии. И вот мы, люди, хоть и не очень молодые, но советской формации, должны готовиться к переходу на нелегальное положение.

Когда я спросил: "Ну, что ж, товарищи, кто из вас изъявляет согласие?" - в кабинете стало так тихо, что я услышал разговор на улице, хотя окна были закрыты.

Меня удивило, что первым поднял руку Николай Никитич Попудренко. Удивило потому, что он был известен у нас как

нежный семьянин. В поездке ли, в обкоме ли, он при случае непременно ввернет слово о жене, сыне, пасынке, дочке. Попудренко, третий секретарь обкома, был отличным партийным работником, очень честным, прямолинейным и принципиальным. Впоследствии, в подпольной деятельности, а особенно в партизанском соединении он показал себя решительным, безгранично, иногда даже безрассудно храбрым. Но об этом позже.

Вслед за Попудренко подняли руки и другие. Все члены бюро обкома решили остаться на Черниговщине. На том же заседании был намечен подпольный обком КП(б)У в составе семи человек.

Намечены были и дублеры на случай, если кто провалится; такая возможность тоже учитывалась. Затем распределили обязанности, обсудили предварительный план действий.

Скоро все освоились с новым положением. Теперь в области было два обкома партии: легальный и подпольный. Об этом втором никто, кроме его членов, не знал. Через несколько дней таким же порядком был создан и подпольный обком ЛКСМУ. Во главе его стали товарищи Бойко и Красин.

Формально я оставался секретарем и легального и подпольного обкомов. Но с этого дня почти все свои легальные дела передал товарищам и занялся подготовкой к новой, неизвестной жизни.

*

Центральный Комитет партии требовал от нас, от обкома, серьезной подготовки Мы должны были предусмотреть все, вплоть до быта будущих партизан.

...Будущие партизанские командиры уже посещали специальные семинары, где их учили взрывать мосты, сжигать танки, похищать из немецких штабов документы; они уже расстались со своими семьями, а партийцы-подпольщики расстались со своими старыми фамилиями; приучались не оборачиваться, когда их кто-нибудь окликнет довоенным именем.

Всю вторую половину июля и часть августа подпольный обком был занят подготовкой к деятельности в нелегальном положении и формированием отрядов.

Мы распределили между собой обязанности: на мне лежала организация подпольных райкомов партии и комсомола. Помимо этого я занимался эвакуацией населения и богатств области.

Николаю Никитичу Попудренко поручили подготовку подрывников. Петрик занялся подбором литературы, организацией полиграфической базы, достал и паковал бумагу: он был секретарем по агитации и пропаганде. Новиков, Яременко и Рудько подбирали и проверяли кадры для низовых сельских и

заводских подпольных ячеек. Капранов готовил продовольственные базы.

В обком мы вызывали из районов по 10 - 15 человек в день. Почти всех их я знал и раньше, встречался на работе. Впрочем, это не совсем правильно. Кое в ком я ошибся. Война заставила пересмотреть сложившиеся ранее представления о тех или иных людях и нередко изменить эти представления.

Я вызывал товарищей по одному. Разговор начинался довольно однообразно. Впрочем, однообразно для меня - я разговаривал со многими, а для каждого вновь прибывшего неожиданность была полная.

- Здравствуйте, садитесь, товарищ. Вы знаете, зачем вас вызвали?

- Нет.

- Думали вы о возможности оккупации вашего района немцами? Что вы намерены предпринять, если возникнет такая угроза? Как вы посмотрите, если мы поручим вам остаться в подполье руководить районным комитетом?

Большей частью наступала продолжительная пауза. Я говорил:

- Подумайте, взвесьте, я подожду.

Если товарищ сразу соглашался, я объяснял, какие опасности его ожидают.

- Имейте в виду, вас могут предать, схватить врасплох. У вас будет другая фамилия, другие документы. Но при обыске могут обнаружить шифрованные директивы, списки организации. Вас станут пытать. Хватит у вас воли вынести все и погибнуть за наш народ, за дело партии?

Кое-кто отступал. И как только я замечал, что человек киснет, я отправлял его обратно. Зачем он мне - какой же это будет подпольщик?..

А попади он в лапы эсэсовцев... Человек-то он честный, но когда начнут калеными шомполами по спине вытягивать, такой товарищ вряд ли выдержит.

Поэтому ранняя, так сказать, диагностика трусости очень важна. При отборе людей вот этой самой ранней диагностикой я и занимался. С точки зрения политической вызываемые люди были проверены раньше. Меня главным образом интересовала твердость, стойкость характера.

И уж очень огорчительно было, когда хороший человек и работник оказывался зараженным этой ужасной бациллой трусости. Был один секретарь райкома. В него я верил: этот не подведет.

Вызываю, беседую... что с человеком сделалось!

И сам-то он болен, и вся семья-то у него больна, и не справиться ему, и память-то у него слабая.

Подконец прямо признался:

- Боюсь! Жить еще хочу!

Был в Чернигове председатель облсуда. Солидный мужчина лет тридцати пяти, очень самоуверенный и речистый. Мы его наметали на подпольную работу. Сперва он заерзал на стуле, но потом ничего, взял себя в руки, вынул блокнот, пишет. Под конец беседы жмет мне руку и прямо-таки с энтузиазмом произносит:

- Можете на меня положиться, Алексей Федорович. Я в первую минуту от неожиданности дрогнул, но теперь осознал... Повелевает долг! Родина зовет!

А в последнюю минуту сбежал. Он, конечно, очень нас подвел. Подбирать нового на его место было поздно.

Большинство же товарищей мужественно и просто принимали решение остаться в подполье. На мой вопрос: "Думали вы о возможности оккупации вашего района немцами?" - они отвечали: "Да, думал!"

И когда такой товарищ узнавал, что в немецком тылу будут и областной комитет коммунистической партии, и районные комитеты, и местные ячейки, и комсомольские организации, наконец, что партизанское движение будет руководиться партией, - то крепко жал мне руку, говорил:

- Как хорошо, Алексей Федорович! Значит, продолжаем вместе работать. Украину не бросаем? А я не знал, как быть... Значит, семью теперь я отправлю, а сам в полное распоряжение партии!

И я понимал, что руку товарищ жмет мне как представителю партии.

За месяц было отобрано и направлено на подпольную работу в районы свыше 900 человек.

*

В районах активно готовились к подполью и к партизанским действиям. Обком получал об этой подготовке ежедневные телефонные и телеграфные донесения наряду со сводками об эвакуации промышленности и об уборке хлебов. Разумеется, донесения о подготовке подполья передавались секретно.

К середине июля стало ясно, что лучше других дело ведет секретарь Холменокого райкома партии товарищ Курочка. Он пожелал сам остаться в подполье и очень ревностно относился ко всему, что касалось подготовки к этой Новой, никому не известной работе.

В его районе действовал истребительный батальон, укомплектованный добровольцами. Товарищ Курочка правильно

решил, что бойцы-истребители, которые уже накопили известный опыт борьбы с врагом в лесах, в условиях, близких к партизанским, могут составить костяк отряда. Все двести сорок бойцов истребительного батальона согласились остаться в тылу врага, записались в партизанские отряды.

Целиком вошли в состав будущего отряда первичные организации Холменского райкома партии, райисполкома, НКВД. В отряде уже начались занятия по стрельбе, гранатометанию, по тактике партизанской борьбы. В механической мастерской спиртозавода учебный пулемет Осоавиахима переделали на боевой. Между прочим, это было сделано почти со всеми учебными пулеметами, имевшимися в области; конечно, результат был не очень значительным - всего 30 - 40 пулеметов, но и они уничтожили немало врагов и сохранили жизнь десяткам, а может быть, и сотням наших партизан.

За пятнадцать дней до оккупации Холменского района истребительный батальон и все добровольцы, что присоединились к нему, ушли в леса, чтобы пропустить мимо себя фронт.

В Корюковском районе, где первым секретарем райкома был товарищ Коротков, члены районного актива сразу после обращения по радио к народу товарища Сталина, еще до вызова их в обком, разъехались по селам, чтобы подготовить коммунистов и передовых колхозников к возможности немецкой оккупации и партизанской борьбы с врагом. Было создано заблаговременно одиннадцать подпольных коммунистических ячеек. Всех, кто согласился остаться в тылу врага, подробно инструктировали.

В Носовском районе секретарь райкома товарищ Стратилат, впоследствии один из талантливых партизанских командиров, принял задолго до оккупации очень интересное решение: райком вызвал всех недавно прибывших в район, а также молодых коммунистов. Те из них, кто согласился остаться в подполье и годился для этого, были посланы в села и местечки, где их не знали. Там товарищи заняли второстепенные должности в сельских советах, в колхозах, в больницах и т. п. Люди эти организовали явочные квартиры, сколотили вокруг себя актив сопротивления.

Из Остерского района сообщали, что уже заложена база для партизан на сто человек. В базе спрятано продовольствие, рассчитанное примерно на восемь месяцев, оружие, боеприпасы и многое другое. В районе организованы два отряда: один - в пятнадцать, другой в двадцать, человек, и проведено общерайонное собрание будущих подпольщиков-коммунистов.

Не было ни одного района, откуда не поступали бы такие или подобные сведения.

*

Маленький, полный и чрезвычайно добродушный человек - Василий Логвинович Капранов, бывший заместитель председателя Черниговского облисполкома, а теперь член подпольного обкома, готовил партизанские базы.

Деятельность его была окружена глубокой тайной.

Он получал на складах десятки тонн муки, ящики консервов, бочки спирта. Подходили машины, грузчики укладывали на них тяжелые мешки, счетоводы выписывали накладные, но только один Капранов знал, для чего это предназначается.

Машина останавливалась в поле, на опушке леса, разгружалась, шофер поворачивал обратно... Когда пустой грузовик отъезжал на порядочное расстояние, из леса появлялась подвода, и какие-то люди перегружали на нее привезенное. Крестьянская лошадка сперва тащилась по проселку, а потом сворачивала в лес. Люди, которые сопровождали подводу, закидывали ветками и травой следы колес. Но чаще и подвод не было: от дороги все грузы тащили на себе.

Тут работали будущие партизаны. Они принимали самые разнообразные грузы: сахар, галеты, патроны, пулеметы, валенки, типографские шрифты.

До этого доверенные люди Капранова* проделали большую работу: выкопали глубокие траншеи, укрепили их стены...

_____

* Лучшими помощниками т. Капранова были тт. Афанащенко и Баскин.

Только члены подпольного обкома - и то не все - знали расположение капрановских кладовых. Потом, когда товарищи отправились на места, каждому сказали, где расположена ближайшая к нему база.

Несколько раз я выезжал с Василием Логвиновичем за сотни километров от Чернигова, куда-нибудь в чащу, и он показывал:

- Вот, Алексей Федорович, по-моему, здесь можно. Ближайшее село в десяти километрах, скот тут не пасется.

- А что за человек лесник?

- Проверен, свой парень, остается с нами.

Приходили товарищи с щупами и бурами - разведывали, глубоко ли подпочвенная вода. Ведь времени у нас было в обрез. Стали бы рыть наобум, потом оказалось бы - заливает, надо искать новое место и опять копать... Нет, Капранов был золотой человек, дело он вел наверняка.

Стандартная база выглядела так: траншея метра три

глубиной, площадью от тридцати до сорока квадратных метров. Стены укреплены толстыми бревнами по всем саперным правилам. И уж, конечно, лес для бревен спилен не тут, возле базы, а, по крайней мере, шагов за триста. Пол утрамбован, да еще закидан ветвями: от сырости. Землю вывозили подальше, незаметно рассыпали, сбрасывали в речки или овраги.

Такая база - по существу весьма капитальный подземный склад закрывалась накатом бревен, засыпалась землей в уровень со всей остальной поверхностью. Затем это место покрывали дерном или мхом, засаживали кустами и маленькими деревцами.

Капранов неоднократно приводил меня к замаскированным базам, и я ни разу не мог ни одной обнаружить. Он указывал мне зарубки, разные приметы, которые я должен был запомнить.

Так люди Капранова заложили девять баз. И сделали они это хорошо, лишь одну и то случайно обнаружили впоследствии фашисты.

Всего же по области районными отрядами было заложено около двухсот баз.

Если бы эта работа не была проделана, партизанским отрядам, особенно в первый, организационный период, пришлось бы худо. Базы решили судьбу многих отрядов. Население не всегда могло нас кормить, а у врага мы стали отбирать продовольствие уже после того, как вооружились за его счет.

*

18 июля обком получил новую директиву - помимо районных партизанских отрядов организовать областной отряд из 150 - 200 человек с подразделениями конников, подрывников, пехотинцев.

Началась запись добровольцев. Уже через несколько дней 186 человек, отобранных и проверенных, собрались в зале горсовета, чтобы получить последние инструкции.

Тут были представители самых разнообразных слоев: партийные работники, инженеры, служащие, рабочие, колхозники, актеры, музыканты, повара... Они и одеты были по-разному, в соответствии с тем, как жили и кем были. Рассказывать об отдельных лицах я сейчас не стану. Со многими я встретился в тылу у немцев, со многими прошел вместе по опаленной битвами украинской земле тысячи километров...

Итак, люди подобраны, базы заложены. Как будто к приему незваных "гостей" готовы. Но поняли ли наши подпольщики, что главное - в поддержке народа, что наше святое дело, когда враг будет здесь хозяйничать, быть с народом, поднимать его на борьбу? Ведь мы - коммунисты, организаторы, мы только костяк. Вот что ни на минуту нельзя забывать. И тогда никакая вражеская сила нас не сломит.

Утром 8 августа первая группа областного партизанского отряда ушла из Чернигова к месту своей дислокации. День был теплый, парило, ждали дождя.

Семьдесят человек, кто в ватниках, кто в драповых пальто, кто в кожанке, кто в шубе, уходили в лес.

Я провожал товарищей. Шли они пока всего лишь на практику, привыкать. Да именно так и была определена их задача. Пусть и командиры, и рядовые представят себе, что они уже партизаны. Пусть учатся прятаться, стрелять, невидимо подползать к "вражеским объектам".

Когда товарищи скрылись за поворотом, я долго смотрел им вслед.

10 августа уже весь областной отряд прибыл на место назначения - в урочище Гулино, Корюковского района, у реки Сновь. Этот участок был избран потому, что, по нашим расчетам, там не должно было произойти больших боев: партизаны смогут пропустить мимо себя фронт и остаться незамеченными.

Привлекли нас и природные условия. В густом кустарнике, покрывающем почти все побережье реки Сновь, можно укрыть целую армию. А в двух-трех сотнях метров от берега начинается лес.

На следующий день я навестил товарищей.

Командир группы капитан Кузнецов, бывший работник Осоавиахима, и комиссар товарищ Демченко, заведующий военным отделом обкома, уже роздали будущим партизанам оружие, регулярно занимались военным обучением: стрельба по цели, чистка винтовок, Устав строевой службы, Устав гарнизонной службы... Типичный лагерь Осоавиахима. Еды сколько угодно, опасности пока никакой... как будто и войны нет.

В Чернигове товарищам был дан наказ: не общаться с населением, не обнаруживать себя, но партизаны, очевидно, посчитали, что эта директива условна, и стали ходить в села за молоком, а кое-кто из молодежи погулять с девчатами.

По вечерам в лагере пели, плясали под гармошку. Что ж, природа чудесная. Тепло. Когда б не винтовки в козлах - просто дом отдыха.

В двенадцатом часу люди группами повалили в казармы: большой, хорошо оборудованный дом лесничества. Начальство расположилось там на кроватях, а рядовые на хорошо просушенном, душистом сене.

Но как только народ улегся, а кое-кто уснул, по моему приказу был дан сигнал "тревога". Я заставил заспанных людей выстроиться в шеренгу, приказал немедленно покинуть казарму и никогда больше не возвращаться в нее. Располагаться, сказал я

им, надо в кустарнике, в шалашах и, пока нет вражеских войск, прятаться от населения.

- Сумейте жить так, чтобы никто не знал о вашем существовании!

Кто-то подошел ко мне и начал горячо уговаривать:

- Там же болота, люди простудятся.

Но когда в небе заурчали немецкие самолеты и стали бросать осветительные ракеты, народ примолк, съежился...

Немцы летели бомбить Чернигов.

*

Самое скверное настроение, в каком я находился когда-либо в жизни, было у меня в дни 23 - 29 августа 1941 года.

Я ездил в Военный Совет Центрального фронта. На обратном пути в Чернигов мне повстречалась колонна легковых машин, я остановил головную и спросил сидящих в ней: "Кто, куда?" Проверили взаимно документы. Оказалось, что едут руководители Гомельской области и с ними секретарь ЦК КПб) Белоруссии товарищ Эдинов.

- Наши оставили Гомель, - сказал мне товарищ Эдинов. - Немцы движутся на Чернигов.

В обком я приехал очень усталым, голодным. Мне принесли в кабинет тарелку борща, я устроился у окна, поставил тарелку на подоконник.

Завыла сирена. В последнее время тревоги объявлялись раз по двадцать в день. Я уже привык к ним и часто не уходил в убежище. Интенсивных бомбежек еще не было.

Продолжая есть, я смотрел в окно. Мне была видна значительная часть города. Глядя поверх, крыш, я заметил вдали несколько самолетов. Из-за туч вынырнула еще одна черная стая, а через минуту немцы были над городом. Я видел, как сыплются бомбы, даже точно определил: первым взлетел на воздух театр, за ним здание областной милиции, почтамт... А я машинально продолжал есть. Бомбардировщики проплыли над зданием обкома. Взрывы, трескотня пулеметов, огонь зениток слились в ужасный гул... Люди метались по улицам. Кто-то страшно кричал, нельзя было понять - женский это или мужской голос.

Я вышел из кабинета и отправился в убежище. Мною овладело оцепенение. Ко мне подходили товарищи по обкому, я машинально отвечал на их вопросы. Было такое чувство, будто на плечи легла неимоверная тяжесть.

В затемненном коридоре меня остановил какой-то незнакомый человек.

- Я здесь с утра, товарищ Федоров. Приехал из района...

- Слушаю вас.

- Я исключен, из партии, подал апелляцию в обком... Идет война, товарищ Федоров, как же мне вне партии?..

- Но вы слышали, объявлена воздушная тревога. Чтобы разобраться в вашем деле, мне нужно вызвать товарищей, просмотреть документы. А товарищи в убежище... Прошу зайти завтра.

- Завтра будет поздно. Немцы подходят к нашему району...

В это время бомба разорвалась так близко, что под нами пол заходил.

На приезжего это не произвело особого впечатления. Я ускорил шаг. Он продолжал идти рядом со мной.

- Поймите, товарищ, - сказал я, - в такой обстановке невозможно.

- Да, да, - согласился он печально и протянул мне руку.

Лицо его я не запомнил. Но рукопожатие его было хорошим. Я искренно пожалел, что не смог ничего сделать.

Впервые я провел всю ночь в убежище. Немцы прилетали двенадцать раз. Сидеть и пассивно пережидать, ничего не видя и не зная, - занятие унизительное.

Утром, хотя тревога не прекращалась, я вернулся в обком.

Черные клубы дыма висели над крышами домов, языки пламени рвались к небу. Куда ни глянешь - всюду горит. Пожарные пытались заливать пламя Но что можно было сделать, когда ежеминутно возникали все новые и новые очаги и все в большем количестве! Люди уже не в силах были бороться с огнем.

К этому времени в Чернигове осталось всего несколько сот человек почти все население эвакуировалось.

Немецкое командование не могло не знать, что в городе нет ни воинских частей, ни военных объектов Германские летчики уничтожали каждое сколько-нибудь заметное здание, гонялись за каждым человеком, попадавшим в поле их зрения. Немецкие летчики действовали по звериной программе фашизма.

В перерыве между налетами я решил объехать город.

Мы поехали по улице Шевченко. Пламя вырывалось из окон каждого третьего или четвертого дома. Навстречу нам скакала хромая лошадь. Шоферу пришлось свернуть на тротуар, иначе обезумевшее животное налетело бы на машину.

Позади нас, метрах в пятнадцати, не больше, рухнула стена. Горящие балки завалили лошадь.

На широком тротуаре ползал на четвереньках какой-то человек в шляпе и очках. Я окликнул его. Он не ответил. Шофер остановил машину, я еще раз позвал.

- Товарищ!

Тогда он поднялся с четверенек, посмотрел на меня мутными

глазами и побежал в ворота какого-то дома. Гнаться за ним было бессмысленно.

Мы выехали на площадь Куйбышева. Большая часть домов горела, некоторые уже завалились, даже посредине площади обдавало жаром.

На площади, в центре, стоял, растопырив руки, высокий плотный мужчина. Лицо его было черно от копоти. Я окликнул его.

Он не замечал нас. Я снова его позвал: никакого впечатления. Шофер подвел машину к нему вплотную. Я взял товарища за руку. Он послушно влез в машину, однако еще долго не отвечал на вопросы.

Потом, когда я ему рассказал, как мы его подобрали, он пожал плечами:

- Ничего не помню.

Объехали еще несколько улиц. Когда были у городского сквера, "хейнкели" снова появились над городом. Один из них дал по нашей машине пулеметную очередь. Пули прожужжали над головой.

Мы подобрали еще двух человек. Одного из них пришлось связать: он лишился рассудка.

Ездили мы около часа. За это время над городом разгрузились две группы бомбардировщиков. Повернули обратно к обкому. Я боялся, что увижу одни развалины. Нет, обком каким-то чудом уцелел. В радиусе двухсот метров не осталось ни одного неповрежденного дома, а в обкоме только стекла вылетели, да и то не все.

В тот вечер было принято решение эвакуироваться. Обком партии, обком комсомола и облисполком должны были выехать в районное село Лукашевку, за 15 километров. Оставаться здесь не было уже никакого смысла: Чернигов был изолирован от внешнего мира; вышла из строя электростанция, прервалась телефонная и телеграфная связь. Жителей в городе почти не было, заводы и учреждения были также эвакуированы.

С тяжелым чувством покидали мы город, опустевший, разрушенный.

Когда я проезжал мимо своего дома, с удивлением обнаружил, что он цел. Хотел было я остановить машину, взять какие-нибудь вещи, хоть запасную пару белья, сапоги... Но махнул рукой. Впрочем, об этом довольно скоро пожалел.

На мне было кожаное пальто, гимнастерка, форменные брюки, яловые сапоги... На ремне висел планшет. Вот и все имущество.

*

26 августа уже из Лукашевки на двух машинах, легковой и грузовой, выехали в Холменский район еще двадцать шесть партизан и часть подпольного обкома во главе с товарищем Попудренко. Было решено, что я еще на некоторое время задержусь.

Прощаясь, я обнялся и расцеловался с каждым по очереди.

- Закончу дела по эвакуации населения и промышленности, провожу Красную Армию до границ Черниговщины и тогда пойду назад, к вам. Будьте уверены - я вас найду!

На следующий день стало известно, что и Холменский и Корюковский районы уже оккупированы немцами. Группу Попудренко переправили через линию фронта бойцы 18-й дивизии, находившейся на этом участке.

Не знал я тогда, что немало еще придется мне пережить, прежде чем снова встречусь со своими товарищами.

*

Расскажу немного о своем детстве и юности. Я был подкидышем. Меня взял на воспитание, спасибо ему, днепровский лоцман - паромщик Максим Трофимович Костыря.

Все знали, что я подкидыш, и ребятишки, разумеется, дразнили, хотя и побаивались: кулаки у меня здоровые. И не будь революции, я натерпелся бы немало в юности: на таких, как я, незаконнорожденных, ни одна порядочная девушка не глядела, замуж бы не пошла.

Жил я на окраине Екатеринослава, ныне Днепропетровска, в селении Лоцманская Каменка. Там меня и сейчас помнят. Спросите людей моего возраста:

- Заведенского помните?

- Как же, - ответят, - знаем!

"Заведенский" - это значит из "заведения", подкидыш.

Учился я в "министерском" двухклассном училище, Старался. Много баловался, но и к знанию тянулся. Может быть, потому, что и в раннем детстве понимал: жить мне придется трудно.

Уже в двенадцать лет я начал работать. Был у местного богатея подпаском. К четырнадцати годам оставил своего приемного отца и начал самостоятельную жизнь. Был пастухом, коногоном, работал у подрядчика на стройке. Так до девятнадцати лет.

В начале 1920 года я работал при бывшей земской больнице, делал все, что прикажут: двор подметал, дрова колол, печи растапливал, мертвых выносил. Попадали в больницу и красноармейцы; вероятно, не без их влияния мне пришла мысль вступить добровольно в Красную Армию. Лет мне было немало, мог бы и сам осознать, что Красная Армия - мое родное место.

Однако это было не так. Меня больше прельщала материальная сторона: одежа-обужа, хорошие харчи.

Окончил я кавалерийскую шестимесячную школу, дали мне звание помкомвзвода, направили в 54-й кавалерийский полк 9-й Кубанской кавдивизии. Был я в то время лихим парнем. На коне держался хорошо, но кубанских казаков лихостью не удивишь. Это все были бородачи, прошедшие и немецкую и гражданскую войны. Быть в их среде начальником, хоть и маленьким, я еще не мог, поэтому стал адъютантом у командира эскадрона.

Я принимал участие в нескольких боях. Сперва наша часть отступала, затем пошла в наступление. В моей личной судьбе ничего примечательного за то время не произошло. Разве лишь, что стал ярым кавалеристом, влюбился в лошадей, в клинок, в шпоры. И решил я тогда для себя, что быть кавалеристом - мой удел и мое призвание.

Однакож кадровым командиром я не стал: случилось, что во время похода на банду Тютюнника я простудился, слег в больницу с воспалением легких. Потом осложнение, в общем провалялся больше полугода. По выздоровлении военкомат направил меня в железнодорожный полк командиром взвода.

Там я служил, боролся с бандитами до 1924 года. А в 1924 году меня демобилизовали, и на этом моя военная карьера оборвалась.

Было мне 23 года. А у меня - ни профессии, ни даже сколько-нибудь определенных целей. Но я знал, и твердо знал, что в жизни не пропаду. Был я физически крепок, армия воспитала во мне волю.

Очень хотелось мне учиться. Но в институт или техникум я поступить не мог. Не хватало знаний. Решил работать и учиться одновременно.

Мне удалось поступить помощником крепильщика на строительство тоннеля железной дороги Мерефа - Херсон. Говорю, удалось, потому что в то время еще была сильная безработица.

Здесь, на строительстве тоннеля, я получил настоящую рабочую закалку и большевистское воспитание.

Работа досталась тяжелая: в сырости, в темноте. Но я любил труд, любил людей, в совершенстве владеющих мастерством.

На квартиру я стал в селении Мандриковка, неподалеку от строительства. Вскоре там и женился. Надо было обживаться, кое-чем обзаводиться для дома, так что работал я в полную силу.

Какие у меня тогда были мечты и стремления? Человек я был уже взрослый, женатый, вскоре и дочка родилась. Скажи мне тогда: вот, Алексей, подумай - не стать ли тебе партийным

работником: секретарем райкома, а потом, глядишь, и секретарем обкома? Я бы пожал плечами, рассмеялся. Я в то время не был даже комсомольцем.

Хотя и сам я тянулся к знанию, но советская власть и партия еще больше, чем я, хотели, чтобы люди, подобные мне, учились и росли.

У меня мечты были скромные: стать горным мастером. Поэтому я старательно приглядывался к старшим, более опытным товарищам и не отказывался ни от какой работы.

Стахановского движения не было, конечно, еще и в помине, даже ударничество появилось позже. Если, к примеру, рабочий сильно перевыполнял норму, кое-кто из стариков говорил: "Не сбивай расценок". Это мне уже тогда не нравилось. А профсоюзные работники иногда резко противопоставляли себя администрации: "За план пусть отвечает администрация..."

Нет, это мне было не по душе.

Образцом для меня были те рабочие, которые трудились не за страх, а за совесть.

Особенно, помню, нравились мне два сменных мастера - братья Григорьян - Артем и Иосиф. Простые в обращении, они всегда помогали советом и молодому и старому, а если надо - и денег одолжат. Они были замечательными мастерами, охотно делились своими знаниями. Это были веселые люди, любившие поплясать, провести свободное время в компании. От чарки не отказывались, но меру знали. Мне нравилось, как они одевались хорошо, без щегольства.

Самым же близким другом и наставником был работавший со мной в одной смене Иван Иванович Бобров, как и я, крепильщик, но разрядом выше. Бобров был коммунистом, вел большую общественную работу, в рабочкоме заведывал производственным сектором.

Бобров-то и приучил меня регулярно читать газеты, добился того, что чтение стало для меня насущной потребностью, привил мне вкус и к политической литературе. Он брал меня на заседания в рабочком, втягивал в обсуждение производственных вопросов и первый заговорил со мной о вступлении в партию.

В Мандриковке построили тем временем клуб. И если раньше мы проводили вечера по домам, ходили в гости или группами шатались по селянской улице, то теперь появились у нас новые интересы. В клубе библиотека, кружки: драматический, музыкальный.

В моей биографии для советского человека нет ничего особенно нового. Могу определить все в нескольких словах: меня воспитывала, тянула вперед партия, советская власть, мой

кругозор, мои интересы развивались вместе с культурным ростом страны.

Через год я стал членом рабочкома и клубным активистом. 27 июня 1926 года вступил в кандидаты партии. А ровно через год, 27 июня 1927 года, я стал членом партии.

К концу 1927 года, когда мы закончили тоннель, я работал горным мастером, получал по десятому разряду - вообще серьезный двадцатишестилетний человек. По общественной линии я ведал делами клуба, председательствовал в культкомиссии рабочкома и был избран членом бюро парторганизации.

Затем меня пригласили в Москву, в наркомат, и предложили поехать на Кавказ строить РионГЭС; там было немало скальных работ, и предполагалось пробить несколько тоннелей. Там я тоже работал мастером, а потом вернулся на Украину...

К тридцати годам, после того, как я вернулся на Украину и поработал в Днепропетровске на строительстве, мне удалось, наконец, осуществить свое давнишнее стремление к учению. Я поступил на третий курс Черниговского строительного техникума. Через год я окончил его, получил диплом и уже начал подумывать: не двинуться ли дальше, в институт? Но тут судьба моя резко изменилась. Меня вызвали в горком партии и сказали:

- Такие люди, как ты, нужны для работы в сельских районах.

- А что это за "такие люди"?

- Пролетарского происхождения, воспитанные на производстве, преданные партии. В сельских районах нам таких людей не хватает.

И меня направили в Черниговскую область, Корюковский район, председателем райпрофсовета.

Потом меня избрали председателем контрольной комиссии в Понорницком районе той же области. Немного позднее избрали вторым секретарем райкома.

Партия продолжала за мной следить, помогала мне расти. На курсах подготовки секретарей при ЦК КП(б)У в Киеве, а затем на курсах при ЦК ВКП(б) в Москве я получил недоставшие мне теоретические знания.

В начале 1938 года меня избрали первым секретарем Черниговского обкома КП(б)У.

Я кадровый работник партии. Это значит, что все свое время, все свои помыслы, все свои силы отдаю партии. И куда бы меня ни послали, что бы мне партия ни приказала - я безоговорочно выполню любое ее указание.

И, осматриваясь сейчас вокруг, приглядываясь к товарищам, которые со мной в одном строю, я вижу: огромное большинство

их - выходцы из народа. У них разные биографии, но интересы и цели одни. Эти цели определены программой партии большевиков.

ГЛАВА ВТОРАЯ
ТРУДНЫЕ ДНИ

Наши войска отходили с боями. Все районы Черниговщины, кроме Яблуновского, были оккупированы врагом. В Яблуновке, небольшом зеленом, уютном местечке, скопились сотни машин, десятки воинских частей, подводы с беженцами, группы неведомых людей. Немецкие бомбардировщики появлялись над головой днем и ночью. Они пикировали на скопление машин, поджигали села, расстреливали на бреющем полете толпы бредущих по проселкам людей, стада коров...

В этом местечке в последний раз 15 сентября собрались на совещание представители партийных, советских, комсомольских и других общественных организаций Черниговской области. Нас было человек тридцать.

Собрание происходило в райкоме партии. Окна были плотно завешаны. На столе горела керосиновая лампа без стекла. С улицы доносились шум телег, перебранка возчиков, гудение автомобильных моторов...

Дом вздрагивал от взрывов авиабомб и артиллерийских снарядов.

Лампа густо коптила. Я всматривался в лица собравшихся, ждал, пока наступит тишина, относительная, конечно. Совсем тихо и спокойно сидеть никто не мог. Почти каждого я знал лично, но многих не узнавал - небритые, с воспаленными от усталости и волнения глазами.

Я постучал по столу, призывая к вниманию. Сказал примерно следующее:

- На повестке дня один вопрос. Всем ясно, какой. Завтра наша армия оставляет последний район Черниговской области. А мы - черниговцы, товарищи! На Черниговщине дрались против немца прославленные отряды Щорса... Вас, я думаю, агитировать не приходится. Решение принято. Все мы завтра переходим на нелегальное положение. Каждый знает свои обязанности, свое место, свое новое имя, свою партийную кличку... Настал решительный час, товарищи!..

Меня прервал чей-то визгливый голос из темного угла:

- Нет, товарищ Федоров, неправильно!

- Что неправильно? Выйдите сюда, к свету!

Но говоривший предпочел продолжать "прения" из темного угла. Захлебываясь и запинаясь, он торопливо говорил:

- Это еще вопрос, где я буду полезнее. Конечно, решение, но я

не понимаю, почему. Мы не так вооружены. Руководящие партийные и советские кадры области могут быть уничтожены поодиночке в результате глупой случайности. Вы как секретарь обкома должны заботиться о сохранении...

Мне стоило больших усилий овладеть собой. Даже сейчас, через пять лет, когда вспоминаю этот гнусненький голосок из темноты, во мне закипает бешенство.

Я стукнул по столу кулаком, постарался сказать тихо и внушительно, а как получилось - не знаю:

- Слушайте вы, прекратите! За руководящие кадры не распинайтесь! Попрошу сюда к столу. И говорите только о себе. Чего вы хотите?

Он подошел, а точнее сказать, подполз, цепляясь за спинки стульев, а когда достиг стола, оперся на него ладонями. Он ни разу не взглянул мне в лицо. Это был Рохленко, бывший председатель облпотребсоюза и... будущий пастух. Он докатился до того, что симулировал душевную болезнь, обманул врачей, получил белый билет и где-то возле Орска пас коров.

Но это случилось позднее. Тогда же, на совещании, он, глядя из-под бровей, сказал:

- Я готов защищать Родину до последней капли крови. Но прошу направить меня в армию. Я не хочу бессмысленно погибнуть, как собака... Я не хочу, я не могу...

"Я не хочу, я не могу..." - так и остались в моей памяти его дрожащий голос, небритая, искаженная физиономия. А позднее мне рассказали, что в откровенной беседе он выступил со своей собственной программой. Он сказал: "В этой войне главное - выжить!"

Что ж, он, кажется, выжил.

Оглядываясь назад, спокойно взвешивая все, что видел за время войны, теперь понимаешь: отбор людей в тот начальный период не мог протекать без таких, мягко выражаясь, досадных ошибок.

...После того как "высказался" Рохленко, мы быстро договорились с товарищами, как пробираться к местам назначения.

Разбились по группам. Со мной остались товарищи Петрик, Капранов, Компанец, секретарь Житомирского обкома КП(б)У Сыромятников и Рудько.

*

16 сентября утром немцы начали минометный обстрел Яблуновки.

С этого момента Черниговский обком партии стал подпольным обкомом. Но существовал ли он тогда вообще?

Предполагается, что коли есть областной комитет, стало быть, имеются и районные и низовые организации. В том, что они существуют, я не сомневался. Однако где они? Как с ними связаться, как ими руководить? Эти вопросы очень меня беспокоили.

Вся стройная система легальной партийной организации области разрушена. А сами мы, руководящая верхушка, представляем собой небольшую группу плохо вооруженных людей, без определенного места, без средств транспорта и связи.

Но вера в силу партии, в силу сопротивления народа была моральной опорой для каждого из нас.

Цель была ясная: пробраться в северные лесные районы, туда, где наши базы, где Попудренко с областным партизанским отрядом. А уж оттуда можно наладить связь с райкомами и ячейками. Цель ясная, но как ее достичь?

Вечером мы решили, что пойдем в селение Бубновщина. Там переобмундируемся, т. е. раздобудем одежонку попроще: мы собирались выдавать себя за бежавших из плена красноармейцев.

Но утром выяснилось, что Бубновщина занята противником. В последний раз мы уселись в нашу обкомовскую легковую машину и поехали в Пирятин районный городок Полтавской области.

Пирятин был окружен. Немцы взяли в клещи город и большую часть района. Две или три наши дивизии держали круговую оборону и старались пробить кольцо врага.

О том, что такое немецкое окружение того времени, написано много. Я не был ни офицером, ни солдатом окруженной воинской группировки, не мне судить о достоинствах и недостатках Пирятинской операции. Буду Поэтому рассказывать только о том, что происходило с нашей небольшой группой.

В день приезда в Пирятин немцы так фундаментально бомбили город, что нам пришлось несколько часов просидеть в щели. Душевное состояние наше было ужасным. Но замечу, что и в тот день мы не разучились смеяться.

Когда мы бежали от своей машины к щели, один из наших товарищей, серьезный человек, увидев низко плывущий немецкий самолет, внезапно выхватил из-за пояса ручную гранату и замахнулся... Пришлось схватить товарища за руку. Он, в самом деле, намеревался метнуть гранату в самолет. Тут же он опомнился и вместе с нами посмеялся.

Оставаться в Пирятине не было никакого смысла. Мы решили уходить из города, пробираться на свою Черниговскую землю.

Комфортабельный "бюик" был нам теперь ни к чему. Мы попытались сдать его кому-либо из офицеров, но желающих

получить эту городскую красивую, но непрактичную машину не нашлось. В ее баке не осталось ни капли бензина.

У нас была в запасе четверть спирта. Я полил спиртом сиденье машины, мотор, остатки вылил на крышу, поднес горящую спичку - высокое голубое пламя разметалось по ветру.

Капранов, Рудько, Компанец, Петрик, Бобырь, Рогинец, Сыромятников и я пошли по дороге к загородному лесу.

*

Немцы хоть и окружили Пирятинский район, но непрерывной линии фронта не создали. Немецкое командование действовало тогда световыми и шумовыми эффектами, а также внезапными наскоками, обилием бестолкового и бесцельного огня.

Профессиональных военных среди нас не было; разбирались мы в том, что происходит, не очень-то хорошо.

Запомнилось в тот день обилие самых разнообразных встреч, лиц как знакомых, так и незнакомых. И все друг друга расспрашивали. Один спрашивает, где такое-то село, другой спрашивает, не встречалась ли нам рота саперов, третий просит курить и потихоньку наводит разговор, кто мы, что тут делаем?

Движение на опушке леса, где мы расположились, было, как в погожий день на улице Горького в Москве. Правда, менее упорядоченное, шуму же несомненно больше.

Над головами свистели снаряды, и слева и справа трещали пулеметы. Откуда ни возьмись, появился Рохленко. Подошел довольно развязно, руки, однако, не совал.

- А, - говорит, - товарищ Федоров! Вижу, и вы покинули Черниговскую область! Что ж, будем двигаться вместе?

Пришлось резко оборвать его. Впрочем, на Рохленко не так подействовала брань, как наше твердое решение пробираться в немецкие тылы. Он расстался с нами немедленно.

Были и приятные встречи. Самая приятная - с Владимиром Николаевичем Дружининым.

Кто-то из товарищей, кажется, Капранов, сказал:

- Смотрите, Дружинин!

Я его окликнул. Мы обнялись, потом вместе позавтракали остатками консервов, выпили по чарке. Мы не виделись уже год. До того были большими друзьями. Подружились еще в 1933 году, когда я работал в Понорницком районе. Он тогда заведывал орготделом соседнего, Новгород-Северского райкома. Привлекала меня в нем удивительная способность никогда не унывать. Он делал все и всегда весело, с шутками и прибаутками; энергичный, жизнелюбивый человек, к тому же превосходный организатор, Владимир Николаевич легко и непринужденно разговаривал с людьми из разных слоев - с рабочими, крестьянами,

интеллигентами.

С 1938 года по 1940 год он работал вместе со мной в Черниговском обкоме, был заворгом. Перед войной Дружинин уехал в Тернопольскую область, там его избрали вторым секретарем обкома.

И вот судьба вновь столкнула нас. Владимир Николаевич в шинели, с двумя "шпалами": батальонный комиссар, участвовал в боях. Мы стали уговаривать его присоединиться к нам, уйти с нами в подполье, в партизаны.

Предложение пришлось ему по вкусу. Его часть уже выбралась из окружения, штаб дивизии, куда он был послан для связи, "передислоцировался" при помощи самолетов.

Остался Дружинин сам себе командир - докладывать некому.

- Ладно, товарищ Федоров, перехожу под ваше командование. Будем в тылу сколачивать партизанскую дивизию.

И верно, мы вместе сколачивали наше соединение. Он - комиссаром, я командиром. Но это произошло нескоро. А тогда он так же внезапно исчез, как и появился.

У кого-то нашлась карта района. Разобравшись в ней, своими силами разведав обстановку, мы приняли решение двигаться всей группой к селу Кореньки обходным путем на Чернигов.

Когда стемнело, отправились. Шли по дороге. Погода мерзкая: холодный дождь, бестолковый, порывистый ветер. Темнота непроглядная. Только небо окрашено заревом: горел город, горели села. Бои шли и позади, и впереди, и по сторонам. То и дело возникала перестрелка, но кто стрелял, почему, не знали.

Какие-то люди, и штатские и военные, брели вместе с нами и навстречу нам. Мы часто натыкались на трупы человеческие, лошадиные, шагали через них. Какие-то машины, без фар, обгоняли нас.

Вскоре выяснилось, что в Кореньки идти бессмысленно: туда ворвались немецкие танки. Но идти куда-то надо было, и мы шли.

Тяжелые, плохо сшитые яловые сапоги натирали мне пятки. То ли портянки неумело намотаны, то ли задник слишком груб, но трут, черт бы их взял, и уж говорить ни о чем не можешь и думаешь только о том, как бы переобуться.

Но обнаруживать свою немощь перед товарищами было неловко. Тем более, что кое-кто уже начал сдавать. Большой, рыхлый Сыромятников заговорил о своем сердце: оно, мол, дает перебои.

- Ну, чего там перебои, - подбадривал я его. - Ты, товарищ Сыромятников, плюнь на сердце! И вообще, имей в виду: сердце - это тыловой орган, на войну его брать не рекомендуется.

Так я подбадривал Сыромятникова. Но когда он сказал, что не может побороть одышки, попросил устроить привал, я, признаться, обрадовался случаю:

- Ну, что ж, други, надо Сыромятникова уважить. Порок сердца у человека. Давайте посидим.

Сели мы у канавки. Я сразу же стянул сапоги, стал наново перематывать портянки: на пятках волдыри, а кое-где натерто до крови. Вырезал себе палку, довольно капитальную. Говорю:

- Дополнительное оружие. Если по немецкой каске долбануть, так, пожалуй, и голове достанется!

Но шутки шутками, а ноги болят. Сидим так на краю канавки, перебрасываемся словами.

Потом опять пошли в темноту месить грязь. На рассвете увидели, что вместе с нами движется довольно большая воинская часть. Немало идет и гражданского народа, но одни мужчины - женщин и детей не видно. У гражданских лиц, вроде нас: или кобура висит или карман от пистолета оттопыривается.

Слева от дороги, метрах в трехстах, - лес.

Леса в Полтавщине небольшие и негустые. Но все-таки днем лучше идти лесом, нежели полем, да еще дорогой. Это соображение пришло в голову, видимо, сразу многим. Кто-то направил к лесу разведку. Выяснилось, что там незначительные группы немцев. А нас на дороге, и военных и штатских, никак не меньше тысячи.

Офицеры собрались, посовещались и решили выбить немцев из леска. Была дана команда рассыпаться в цепь.

Наша группа тоже рассыпалась.

Немцы попытались отбить нашу атаку минометным и автоматным огнем, но перевес был явно не на их стороне. Лес мы взяли. Как он ни мал, а все же: деревья, кусты... В цепи ближайшим ко мне был Рудько. Его я нашел, а Дружинин, Капранов, Компанец и другие - исчезли бесследно.

С дороги мы ушли вовремя. Через полчаса там появились немецкие мотоциклисты, за ними последовали танкетки - штук тридцать. Столкновение с ними не сулило нам ничего хорошего.

*

Павел Рудько был много моложе меня, здоровее, ловчее. Когда надо было прыгнуть с кочки на кочку, я долго медлил, будто перед купаньем в холодной реке, прыгал тяжело, и натертым моим пяткам было мучительно больно. Рудько же прыгал, как коза, легко, улыбаясь. Но привалам он все-таки радовался больше меня.

Любил Рудько поговорить! Стоило нам где-нибудь присесть, Рудько начинал:

- Какой ужас! Вы обратили внимание, Алексей Федорович, у дубового пня лежал труп колхозника? Рука у него застыла со сжатым кулаком, глаза открыты, кажется, что он произносит страстную речь, обращается к народу...

Помолчит с минуту Рудько, посмотрит вокруг.

- Вот, - говорит, - птичка. Обыкновенный воробышек, щебечет. Ему и горя мало. Чирик-чик-чик. А пока он эту свою простую песенку спел, сотни, да что сотни, тысячи людей погибли под градом пуль!

- Слушай, Рудько, брось, помолчи!

- А что, разве я не прав, Алексей Федорович? У меня душа болит, Алексей Федорович, не могу я.

Один раз идем мы, шагах в двухстах - домик, лесник там жил, что ли... На крыльце стоит крестьянин в свитке. И вдруг крестьянин этот прижимает к животу автомат.

Мы сообразили, что это переодетый немец. Залегли. Тогда немцы открыли минометный огонь. Кладут мины в шахматном порядке, примерно по той линии, где скрываемся мы. Рудько видит, что еще полминуты, и его может срезать осколок.

- Алексей Федорович, - говорит он. - Алексей Федорович, дайте мне пистолет, дайте из человеколюбия. Разрешите, я застрелюсь!

Пистолета я ему не дал. Мы отползли назад, сделали круг и оказались в том месте, где мины ложились раньше. Все обошлось благополучно.

- Видишь, - говорю я Павлу Рудько, - жив, здоров!

- Да, Алексей Федорович, на этот раз повезло. Но что будет через полчаса? Что будет завтра? И чего стоит наша жизнь, когда нам, подобно червям, приходится ползать на животах? Разве для того я кончал университет?!

Так вел себя Рудько.

Я и сам чувствовал себя ох как плохо. Умопомрачительно хотелось спать, хотелось есть. Кроме того, меня мучили ноги. "Пусть бы, - думаю, скорее натерлись настоящие толстые мозоли". Надоело мне и мое кожаное пальто, во время ходьбы оно бьет по коленям. И кто сказал, что кожа не промокает? Она не только промокает, она вбирает в себя влагу и становится тяжелой, как вериги.

Но я никому не говорил о своих страданиях.

*

В этом лесу я встретился с полковником. Так как это был самый значительный воинский начальник, я подошел к нему, стал держать с ним совет. Знакомились не без осторожности. Сперва общие фразы. Дескать, знаете, дела неважные, линии фронта нет.

Где наши части, где немцы - не разберешь...

- А вы, собственно, кто такой? - начальственно спрашивает полковник и оглядывает меня с ног до головы.

- Как вам сказать... давайте, товарищ полковник, отойдем в сторону, взаимно проверимся.

Он оказался начальником артиллерии одного соединения. Фамилия Григорьев. Документы это подтвердили. Да и внешний вид, манеры, речь - все в нем обличало опытного кадрового командира. Я решил: "Вот человек, который партизанам очень пригодится". И уже без обиняков предложил:

- Как вы думаете, товарищ Григорьев, не организовать ли нам небольшой партизанский отряд?

Полковник ответил не сразу, задумался, походил.

- Да, - сказал он минуты через две. - Эта мысль уже приходила мне в голову. Вы - депутат Верховного Совета СССР и УССР, секретарь обкома партии - вполне можете стать комиссаром, а я возьму на себя командование!

Мы походили по лесу, собирая народ. К нам пришло несколько десятков человек, большей частью красноармейцев. Выстроились; по порядку номеров рассчитались. Выяснилось, что нас девяносто шесть человек. Подсчитали наше имущество: восемьдесят три винтовки, два ручных пулемета, сорок шесть ручных гранат, двенадцать автоматов ППД, двадцать три пистолета, сорок банок мясных консервов и четыре с половиной буханки хлеба.

Полковник объявил перед строем, что мы - партизанский отряд.

- Кто отказывается действовать с нами - два шага вперед.

Никто не отказался. Тогда полковник распределил обязанности, назначил людей в разведку, в хозяйственную часть, разбил отряд на два взвода, отобрал офицеров в штаб.

*

По дороге Куреньки - Харьковцы двигались почти непрерывно немецкие части: танки группами и одиночками, пехота на автомобилях, мотоциклисты, продовольственные обозы. На совещании командиров, где присутствовали, кроме полковника, еще два лейтенанта, было решено, что лес пора покидать. Немцы скоро его будут прочесывать.

По ту сторону дороги, метрах в двухстах, начинался другой лес. В отряде обнаружился местный человек, бывший тракторист. Он сказал, что из того леса удобнее пробираться в немецкие тылы. Не помню, какие были еще соображения, во всяком случае уходить надо было не медля.

- Будем переходить дорогу небольшими группами, - приказал

полковник. - Дайте мне, товарищ комиссар, ваш автомат. Я с этим трактористом пойду на ту сторону первым, определю, что и как, потом вернусь. Думаю, что на эту разведку мне потребуется не больше двух часов.

Я послушно отдал полковнику автомат, пожелал всего хорошего, потом приказал всем бойцам рассредоточиться по кустам и отдыхать. Все мы ужасно устали, не спали предыдущую ночь, да и прошлые ночи только дремали. Честно разделили остатки еды, спрятали для полковника и его спутника их долю и стали ждать.

Я уснул. Дежурный растолкал меня часа через три.

- Что, вернулся полковник? - спросил я.

- Нет, товарищ комиссар, полковника не видать. А с западной стороны начинают сильно постреливать. Пора бы отсюда уходить.

- Придется подождать командира. Приказ слыхали?

Ждем еще час - нет полковника. Дорогу он перешел благополучно, это видели.

Исчезновение полковника* произвело удручающее впечатление на всех. Мое настроение было тем более безотрадным, что я остался без автомата.

_____

* Я встретился с полковником Григорьевым через два с лишним

года, при обстоятельствах, о которых расскажу позднее.

Кто-то зажег в лесу костер, проезжавшие немцы увидели дым и открыли пулеметный и минометный огонь по лесу. Мы уползали подальше, вглубь. Рудько куда-то пропал. Я забеспокоился.

- Рудько! - крикнул я, подделываясь под крестьянский говор. - Где ты коня дел?!

Немцы дали по моему голосу несколько длинных очередей.

Я отполз еще на несколько метров, стал опять кричать "Рудько!" и опять привлек на себя огонь немцев. Бойцы стали роптать. И они были правы. Чего это ради я их выдаю своим криком?

Пришлось примириться с тем, что потерял товарища. Позднее выяснилось, что он попросту сбежал.

Отряд наш распался. Осталось всего семь человек. Никаких клятв мы не произносили, партизанами себя не именовали, но держались друг друга крепко.

Так, всемером, мы скитались по лесам Чернушского района, Полтавской области, дней пять или шесть. Голодали. Питались кислицей, кореньями, а один раз повезло: пастухи принесли нам чугунок вареной картошки и полбуханки хлеба. Это было

настоящим пиршеством, Но мы не насытились, а только разожгли аппетит.

*

Как-то вечером, когда стемнело, мы решили войти в село. Широкая грязная улица. Дома далеко друг от друга; их разделяют сады. Еще не поздний час, но нигде ни души. Гнетущая, отвратительная тишина. Конечно, в хатах есть народ. Обычно пройдись-ка вечером по селянской улице - собаки забрешут со всех сторон, под ноги будут кидаться. А тут идем семеро, и нигде ни звука.

Мы идем так: впереди я, следом за мной лейтенант и остальные пятеро гуськом, с интервалом шага в два. Может, и надо бы немного рассредоточиться, но каждый хочет слышать дыхание идущего впереди.

У меня ноги по-прежнему нестерпимо болят. Опираюсь на палку. Кожаное пальто тяжелое, жарко в нем. Кто же в сентябре ходит в пальто на меху? Но впереди зима, взять будет негде.

Идем молча. Я - ведущий, а куда веду? "Хоть бы, - думаю, - встретить бабу или старика". И только так подумал, вижу на крыльце хаты силуэт человека. Стоит человек неподвижно.

Я уж рот раскрыл, чтобы его окликнуть, а он поворачивается, и теперь на фоне светлого тополевого ствола видны очертания автомата, висящего на пузе, и каски.

Немец!

Это был первый живой немец, которого я увидел так близко.

Не отдавая себе отчета, по всей вероятности, от страха, я выхватил из кармана пистолет и выстрелил в него. Не знаю, убил или нет. Пригнувшись, я бросился в сторону, за хату, к огородам. Крикнул ребятам:

- Немцы!

И в ту же секунду началась пальба, застрочил автомат, потом другой, третий, взвилась осветительная ракета. Я мчался что есть духу по огородным кочкам, спотыкался, падал, поднимался и опять бежал. Под ногами треснула какая-то доска, и я провалился в яму. Кое-как выбрался и бегу дальше. Плетень, да высокий, с кольями. Перемахнул его с ходу; штаны зацепились за кол и разорвались чуть не пополам.

- Хальт!

Дал в сторону "хальта" два выстрела и качусь дальше, по косогору к речке... Тут опять ракеты и пули. Колено почему-то страшно заболело. Думаю: "Ранили, сволочи", но бежать могу. И со всего размаху - бултых в реку.

Она встретилась на пути совершенно неожиданно. Мы ее днем перешли; здесь она, оказывается, делает изгиб. Плыву я к

противоположному берегу. Пальто мое раздулось поверху, фуражку сорвало и понесло.

- Хальт, хальт, хальт! - неслось теперь и слева и справа.

Два фрица заметили меня и чешут из автоматов по реке. А тут еще эти проклятые ракеты. Как взовьется, - я голову в воду. Но долго ли под водой просидишь? Ракета висит дольше... Река эта, под названием Много, не очень широка, но глубина порядочная. Плыть в пальто и сапогах ужасно трудно. Подплыв к противоположному берегу, я не вылез, а пошел водой, в тени кустов. Голову держу над самой поверхностью реки. Один сапог сам снялся: завяз в глинистом дне. Другой я скинул. Хотел сбросить и пальто, но мелькнула хорошая мысль: воткнул палку в глину (она так и осталась в руке, просто забыл кинуть), повесил на нее пальто; планшет с картами и бумагами сунул в грязь и еще ногой для верности затоптал. А сам ползком, ползком, по-пластунски, к кустам.

Трудно мне было по-пластунски ползти. Живот мешает. Локти сразу заныли. Колено продолжало нестерпимо болеть... Потрогал: крови нет. Стало быть, не ранен.

Уселся я под кустом, ноги поджал, дышу. А стрельба идет по моему пальто. Как ракета взовьется, так немцы его дырявят. Минуту спустя оно упало в реку и поплыло.

Сижу под кустом и, верите ли, рассмеялся. Представил себя со стороны: толстый человек, с орденом на гимнастерке, без сапог, без пальто, без фуражки, весь мокрый, скорчился в три погибели.

Когда выстрелы стихли, я выбрался из-под куста и быстро пошел по полю. Но оказалось, что это вовсе не поле, а срезанный камыш. Вот когда я пожалел о сапогах! Портянки и носки уже через сотню шагов разодрались вдрызг, и ноги, чувствую, поколол и порезал. Но что делать? Иду. Сколько прошел - километр, два? Вижу силуэты каких-то хатенок, а чуть левее скирда пшеницы. Я - к ней. Рядом со скирдой приклад - маленькая скирда. Между ними я и устроился. Соломы надергал, кое-как укрылся, ноги мои, наверное, торчали. Я сразу же уснул, можно сказать, без памяти упал.

Очнулся я только часа через четыре. Сжался в комок, как в детстве, когда вставать не хочется. Лежу, дрожу от холода, в одной руке пистолет сжимаю, а другой занозы из ног вытягиваю. В карманах у меня были запасные патроны. Я пистолет перезарядил. И все лежу, не решаясь даже выглянуть из-за снопа. Ну, конечно, вспоминаю, как драпал от немцев. Ведь трусость я всегда осуждал...

Долго я корил себя, а потом стал раздумывать, что делать

дальше.

Тут в шагах пятистах от меня хаты, а в хатах колхозники. Как-то они отнесутся к моему появлению?

Я партийный работник - человек массовый, человек для людей. Одиночества я никогда не знал, не искал и не нуждался в нем. Я это говорю к тому, что прятаться в одиночку лишь для того, чтобы сохранить себе жизнь, я не мог. Сама мысль об этом была для меня невыносима.

Но в тот момент я, признаться, растерялся. А тут еще физическая немощь, ноги опухли, кровоточат... уверенности в себе нет.

Пропел петух. "Так, - думаю, - дело к утру". И вдруг рядом что-то зашуршало, зашевелилось, сноп, которым я прикрылся, дрогнул и упал...

Я стою на коленях; вцепился в пистолет, держу его перед собой... Уже светлеет, и никого нет. Только куры: ко-ко-ко. Вот ведь какая гадость, как напугали!

*

За всю войну я не был так близок к гибели, как в те дни. Внешне я выглядел так, что мог вызвать и жалость и смех. Говорю об этом не стесняясь, думаю, что всякий, кто вот так же, вроде меня, начинал войну, в душе признает, что и у него был момент физического упадка.

Но вернемся к тому, что происходило со мной. Повторяю: никогда я не был так близок к гибели. Я поддался усталости. Ведь подумать только - я спал чуть ли не четыре часа в этой скирде пшеницы, меня ничего не стоило взять сонного. А в карманах моей гимнастерки были такие документы: партийный билет, удостоверение секретаря обкома, удостоверение члена ЦК КП(б)У, орденская книжка, депутатские билеты Верховного Совета СССР и УССР.

Итак, на рассвете, когда меня потревожили куры, поблизости не оказалось ни одного живого человека.

Я поднялся и только собрался шагнуть, как начался минометный обстрел поля; совсем недалеко, метрах в трехстах, завязалась и автоматная перестрелка. Кто с кем дрался - не знаю. Но я уже привык остерегаться всего. Да и глупо было бы с моим жалким пистолетом ввязываться в эту потасовку.

Я снова лег, зарылся в скирду. А куры вовсю работали, копались возле меня, кудахтали, петухи гордо и независимо кукарекали. Я уже чувствовал к ним ненависть. Мне была известна немецкая страсть к "куркам" и "яйкам". Придут, станут охотиться за белым мясом - и наткнутся.

Ужасно захотелось покурить. Но я так продрог, что не мог

пошевелиться... Папиросы, правда, намокли, спички тоже.

Стрельба вскоре прекратилась. Я услышал чьи-то шаркающие шаги и кашель, определенно старушечий. Никто не разговаривал, значит, старушка появилась в моей зоне без спутников.

Она стала звать кур, что-то шептала, ворчала.

Я вытянул занемевшие ноги, решительно повернулся, отбросил от себя солому и вскочил.

- Чур, чур, чур! - закричала старушка и замахала руками.

Увидеть такого дядю было, наверное, страшно - босой, небритый, мокрый, в голове овсюги.

Она перекрестилась и оцепенела. Я тоже с полминуты молчал, привыкал к свету: утро выдалось солнечное.

- Слышь, бабуся, - сказал я как мог спокойнее, - не бойся. Я не кусаюсь. Немцы далеко?

- Та ни, вон село. Воны в сели хлиб да животину грабуют.

- А у тебя, старая, нет чего перекусить? Может, хлеба кусок? Или молока крынка?

Говоря с ней, я оглядывался по сторонам; то, что в темноте принимал за хаты, оказалось будками для кур. Сюда, на поле, колхоз вывозил птицу для борьбы с вредителями и построил довольно просторные курятники. Старуха, видимо, была птичницей.

- Так как же, бабуся, есть у тебя перекусить чего-нибудь для русского солдата?

- Ничего немае, милый... хиба ж можно так людей пугать?

- В том лесу тоже немцы? - и я показал на опушку, что начиналась метрах в четырехстах от моей скирды.

- Всюду нимцы, везде, - сказала она.

Из-за курятника появился еще один человек. Старик, дряхлый, с длинной зеленоватой бородой. Вокруг шеи у него был повязан башлык.

- Вот, диду, хлопец, - сказала старуха. - Есть просит.

Старик исподлобья глянул на меня, ничего не сказал и начал развязывать башлык - долго он его разматывал. Затем вытащил большой ломоть хлеба, шмат сала и так же молча протянул мне, сам же сел на землю. Пока я уплетал, старики, не отрываясь, глядели на меня.

- Слышь, хлопец, - прервал, наконец, свое молчание старик, - тут шагах, мабуть, в сотне убитый солдат лежит. Шинель на нем, дуже добра шинель. Чем так дрожать, пойди сыми.

Продолжая жевать, я отрицательно покачал головой.

Старик вопросительно взглянул на меня:

- Не нравится? Э-эх!

Он встал и пошел за ту скирду, где я пролежал ночь и утро.

Вернувшись, он притащил грязную и поразительно драную шинелишку.

- Не хочешь с мертвого, може, моей не побрезгуешь? Бери, хлопец, спасай жизнь.

Шинель была разодрана чуть не до ворота. Я наступил на полу, разорвал ее до конца. Одну половину накинул на плечи, другую разделил еще надвое, обмотал кусками ноги.

Старики следили за моими действиями без слов. Я тоже не пытался продолжать разговор. Куда уж мне: зуб на зуб не попадал, руки, ноги - все дрожало. Одежда после вчерашнего купанья еще не обсохла.

Обмундировавшись таким образом, я поднялся, простился со стариками и поплелся к лесу.

- Эй, хлопец! - кликнул меня старик.

Я обернулся.

- Дай те бог!.. Оружье-то у тебя есть?

Я утвердительно кивнул.

- Ну, так раньше, чем помрешь, може, хоть одного нимця приголубишь. Ну, чего стал? Давай-давай, хоть не зря помирай!

На опушке леса маячили какие-то человеческие фигуры. Думалось, что то русские люди. Очень бы хотелось снова встретиться с лейтенантом, со всей группой, что вчера потерял. Справа, метрах в пятистах, располагалось небольшое село.

*

По полю от села бежала девочка, босая, в одном платье. Она бежала во весь дух и кричала:

- А-а, а-а-а!

Увидев меня, она резко остановилась шагах в пяти и перестала кричать. Я тоже остановился. Это была маленькая, белобрысая крестьянская девочка лет девяти. Она глядела на меня широко раскрытыми глазами.

Я шагнул к ней, протянул руку, хотел потрепать по головке. Она отступила на шаг, губы ее дрогнули.

- Солдатику! - проговорила она, с трудом преодолевая одышку. - Идемо зи мною, ой, солдатику, идемо швыдше! - она вцепилась в мою руку и потащила к селу. - Нимцы мамку топчут, нимцы мамку тянуть. Ой, дядю, ну, пойдем, швыдше!

Быстро идти я не мог, а девочка хотела, чтобы мы бежали, она продолжала говорить: "Спасите маму".

Пройдя шагов пятнадцать, я сообразил, что нельзя мне с ней идти, не имею права поддаваться чувству. Я остановился.

- Ну, чего? - крикнула на меня девочка и дернула мою руку. Потом посмотрела мне в глаза, щеки ее судорожно задергались, она бросила мою руку, побежала обратно к лесу и опять

закричала:

- А-а, а-а-а! - в голосе ее была такая тоска, такое отчаянье, что я рванулся за ней, крикнул:

- Стой, стой, девочка, идем к маме!

Но она не оборачивалась. Она бежала так быстро, что мне, с моими изодранными ногами, нечего было и думать ее догонять. Она кричала без передышки, и голосок ее я еще слышал минуты три... Он звучал в моих ушах и на следующий день и через неделю. Я его слышу и сейчас:

- Солдатику, идемо зи мною!

*

На опушке леса, в кустарниках, я увидел трех красноармейцев. У всех троих за плечами висели большие, туго набитые мешки. Вид порядком помятый, но шинели целые, хотя грязные, и сапоги, видать, крепкие.

Все трое оказались шоферами. Коротко рассказали они историю своего окружения. Я назвался комиссаром полка. Не знаю, поверили шоферы, или им было все равно, но в компанию приняли и "зачислили на довольствие".

- Пойдем, комиссар, будем совет держать, - сказал один из них, грубый малый с отечным лицом и мрачным взглядом.

Сказав так, он подмигнул своим приятелям. Они, а за ними и я направились к большой скирде; в ней кто-то сделал просторное углубление род пещеры. Мы влезли туда и свободно разместились.

Шофер с мрачным взглядом развязал свой мешок, вытащил две банки консервов, флягу с водкой, краюху хлеба. Не спеша, нарезал хлеб, одним ловким движением вскрыл банку, разложил мясо на кусках хлеба, а в банку налил водки и первому протянул мне.

Потом, по очереди, выпили все. Закусили. Один из шоферов, черноволосый, подвижный, по внешнему виду еврей, сказал мрачному:

- Что, Степан, так и будем здесь, в скирдах, отсиживаться?

Степан бросил на него быстрый взгляд и ничего не ответил.

Третий шофер, рябой парнишка с вятским говором, хлопнул мрачного по плечу:

- Давай, Степа, будем через фронт пробиваться, к своим. Комиссар в наше подразделение явился, по всем видам - крепкий мужик, его возьмем.

Степан уперся теперь взглядом в меня, протянул длинную, волосатую руку к ордену на моей груди, потрогал.

- Вот, комиссара нам как раз и не хватало, - он, видимо, быстро хмелел. - Ну, чего, дура, нацепил? - сказал он, таращась на

орден. - Сыми, а то я сыму!

- Поди, не сымешь, - сказал рябой. - Не бузуй, Степан, давай дело говорить!

- Дело? Какое наше дело? Наше дело - хана! - проворчал мрачный. Он вновь налил себе водки, выпил, утерся ладонью и продолжал так же, не спеша: - Наше дело простое: возьмем под белы руки комиссара, сведем в ближайшее село к коменданту, а там пусть разбирают, кого в лагерь, кого на виселицу. С комиссаром нам и у немца больше доверия! - Заметив, что я полез за пазуху, он схватил мою руку. - Стой, браток, не пугай, подраться успеем. Эта штука и у меня имеется... кидай свою бляху в сено. А вот тебе и документ.

С этими словами он вытащил из кармана несколько немецких листовок "пропусков". Напрягшись, я высвободил руку из его цепких пальцев, достал пистолет... Сидевший справа от меня рябой внезапным ударом выбил у меня оружие. Я хотел кинуться на него, но тот сам с быстротой кошки прыгнул на Степана.

- Что, сволочь, продался!..

Черноволосый бросился к нему на помощь, вдвоем они прижали своего спутника к земле.

- Погоди, братки, братишки! - кричал Степан, он отбивался и кулаками и ногами, кусался, но вдруг как-то неестественно захрипел, стал колотить каблуками землю.

Минуту спустя все было кончено. Я вылез на волю, глубоко вздохнул. И сразу вслед за мной вылезли, захватив свои мешки, и черноволосый с рябым. Рябой, глядя в сторону, ни к кому не обращаясь, сказал:

- Собаке - собачья и смерть!

Вытерев руками пот с лица, он обратился ко мне:

- К чему, товарищ комиссар, понапрасну стрелять, шум поднимать. Иногда хорошо втихую...

Больше об этом случае не говорили. Пошли в глубь леса, и каждый думал о своем. Я думал о том, что эти два красноармейца дали мне урок решительности и необходимой жестокости.

*

В мешке черноволосого нашелся плащ. Короткий, старый, но я его с наслаждением натянул. Он кое-как защищал от ветра и дождя. Дали мне ребята и потрепанную пилотку. Теперь я действительно стал походить на бежавшего из плена.

Выяснилось, что мы компания непрочная. Рябой парень во что бы то ни стало решил перебираться через линию фронта. Он искал попутчиков. Мои намерения оставались неизменными: я шел в Черниговскую область. Черноволосый - его звали Яков Зуссерман - стремился на родину, в город Нежин. Город этот тоже

в Черниговской области, до поры нам с Яковом было по пути.

В лесу бродило много людей. Вероятно, большинство такие же, как мы, скитальцы. Часто бывало: идет какой-то человек, явно видит нас и направляется к нам. Мы уже ему кричим:

- Свои, давай, друг, сюда!

Но он вдруг сворачивает в сторону, пускается бежать. Одиночки особенно боялись. Да это и понятно: кто знает, что за люди...

Заночевали мы на лужайке, в стоге сена. Спали по очереди. На утро я с удовольствием отметил, что ногам моим немного лучше.

Когда перекусили, приняли твердое решение: быть настойчивее в поисках людей, сколачивать группу, если не партизан, то хотя бы единомышленников. Больше народу - больше силы.

Пока мы совещались, смотрю, невдалеке пробегает мальчишка. Окликнули его. Он довольно смело подошел.

- Не видал, хлопец, тут партизан?

- А що це таке партизаны?

Хитрит мальчик. Кстати, на плече у него висят два огромных армейских башмака.

- Где взял? - спрашивает рябой. - Дал бы нашему командиру, видишь, человек разут.

Парнишка без сожаления снял с плеча башмаки. Оба они оказались на левую ногу, но влезли. А так как башмаки были просторными, то я еще обмотал ноги остатками шинели. Поблагодарил парнишку, спросил:

- Ну, а як же насчет партизан, не видел?

- Да тут, за балкой, какие-то дядьки, а що за народ, хиба я знаю. Идите вон туда, - он показал нам направление, и мы двинулись.

Теперь я стал кум королю. Ноги в тепле. Кто бывал солдатом, понимает, как это важно. Правда, я часто спотыкался, но все же повеселел.

А еще больше я повеселел, когда в группе, что устроилась за оврагом, нашел знакомых - двух красноармейцев из нашего отрядика, с которым расстался два дня назад.

Они рассказали, что из шести человек в ночной перестрелке был ранен и схвачен только один. Другим удалось скрыться. Меня считали погибшим. Лейтенант с кем-то из товарищей отправился утром на разведку, да так и не вернулся...

Всего сидело у костра, возле оврага, семь человек. Двое стремились на родину, в Киевскую и Житомирскую области, остальные непременно хотели перейти через линию фронта; к

ним присоединился и вятский шофер.

Никто в этой группе у костра друг друга как следует не знал. Настроение у всех было, конечно, далеко не веселое. Но могут ли русские люди, собравшись у костра, молчать? И мы разговаривали.

- Эх, страна-то у нас большая, - сказал огромный детина в шинели. Он лежал на спине и смотрел в небо. - Страна-то наша выдержит, в этом сомневаться не приходится. Только вот вопрос...

В чем вопрос, он так и не сказал.

Из таких неопределенных восклицаний, реплик и состояла, в сущности, наша беседа. Мы то и дело прислушивались к отдаленным выстрелам, к шороху листьев. Мы и друг друга остерегались; я часто ловил на себе внимательные, оценивающие взгляды.

- Ну и дела! - воскликнул маленький красноармеец, перетянутый поясом до отказа. - Ваську Седых осколком уничтожило, а меня миновало, жить приходится. - Кто мы есть, ребята, без армии? Кто мы по отдельности? Песни про родину мы петь умеем: "Широка страна моя родная", - а как остался сам-на-сам, так страна вся в пузе помещается.

- Это как для кого, - возразил детина, глядевший на небо. И не выдержал, поднялся: - Что ты языком треплешь? И что ты о стране да о родине знаешь? Дал бы я тебе сейчас разочек... чтобы в понятие вошел! - он стал сворачивать папиросу, хотел, видно, собраться с мыслями. - Вот я лежал сейчас и думал, как ты скажешь, о чем?

- Известно, о чем, - ответил маленький красноармеец, - о бабе, о детях, о своем паршивом положении, да о том, когда-то снова пообедать придется.

- Дурак ты и есть. Вот нас здесь десять. А проверь каждого, и выйдет, что о материальной своей нужде человек не думает, а, наоборот, от этого отмахивается. Вот я думал сейчас об Уралмаше, есть такой завод у нас в Свердловске: сколько на нем танков можно выпускать... А ты о чем размышляешь? - обратился он неожиданно к соседу справа.

Тот сидел разувшись, грел у огня нарывающий палец. Это был человек с серым, очень утомленным лицом и бесцветными от усталости глазами.

- Я-то? А я не размышляю, уважаемый товарищ. Я мечтаю. Я вообще-то мечтатель. У меня мысли, как бы это Германию приспособить к делу, а то они, то есть немцы, только человечество истребляют. Вот нога у меня полегчает, я сапог кое-как натяну, винтовку на плечо - и пошел. И, сколько ни буду идти, как ни придется петлять, да кружить, до Берлина дойду!

Когда схватим Гитлера за глотку, тогда и будем толковать... - он закашлялся, видно было, что и говорить ему трудно, так он устал.

- Да ты, друг, до Берлина-то семь раз помрешь! - крикнул ему маленький красноармеец.

- Помереть-то я не помру, а погибнуть в бою, может, и придется. Только и перед тем, гибельным своим боем, я и мечтать буду и планы строить буду...

Хоть сказал он все это тихим, спокойным голосом, нельзя было ему не поверить, такая убежденность была в его лице.

- Верно, друг, верно! - радостно, даже весь просветлев, вскричал какой-то человек с другой стороны костра. - У нас, у таких, как мы с вами, людей, я хочу сказать советских людей, нет жизни без мыслей о будущем. Я техник, работал на Днепрогэсе. Я там и учился, на строительстве еще. И вот лежу этой ночью, укрывшись листьями. От холода зубами ляскаю, а сам думаю, как будем после немцев восстанавливаться? Ведь ясно, что они все взорвут, и ясно, что потом будут бежать, и ясно, что мы потом построим еще лучше! Ведь, правда, ясно, товарищ?

Никто ему не ответил, он смутился, юношески покраснел.

- Ну, а коли ясно, то нечего и говорить, - проворчал тот огромный человек, который первый начал разговор. - А ну, давай, товарищи, поднимайсь! Не слышите, фрицы к нам идут?

В самом деле, все ближе и ближе были слышны автоматные очереди. Немцы, верно, начали прочесывать лес.

Разделились мы не сразу. Еще два дня бродили группой в десять человек, разведывали, расспрашивали у встречных, где немцы, как лучше пройти.

Лес тут был редкий, смешанный, часто перемежался лужками и болотцами. Над нашими головами то и дело пролетали на юг птицы.

Опадала желтая листва, накрапывал мелкий дождь. Лес был грустным, и настроение у большинства из нас было не то чтобы грустное, но приниженное.

Рассказывали о себе скупо, неохотно. Я лишь на второй день узнал, что находившийся в нашей группе лейтенант Иван Симоненко - член партии. Он сказал, что был до войны инструктором Волынского обкома КП(б)У. Я припомнил кое-кого из общих знакомых, описал их внешность, манеры. Постепенно наши отношения становились все более непринужденными, исчезла настороженность. Оказалось, что Симоненко сам черниговский и что он направляется к матери в Мало-Девицкий район. Удивительно кстати. Через этот район мне и нужно было пробираться к областному отряду. Мы оба очень обрадовались, крепко пожали друг другу руки, подозвали Якова Зуссермана и решили этой же ночью втроем отправиться на Черниговщину.

*

Мы брели втроем по дорогам Полтавщины, а потом и Черниговщины дней восемь. Вероятно, если описать эти дни скитаний, могла бы получиться самостоятельная повесть. Оба мои спутника оказались отзывчивыми, хорошими людьми. Яков Зуссерман был самый молодой из нас, ему было двадцать шесть лет.

Я говорил ему:

- Яков, не ходи в Нежин. Ну, жена, дети, все это так, но что ты один можешь для них сделать? Тебя схватят, потащат в гестапо. Видно же, что ты еврей. Оставайся с нами. Будем партизанить. Если семья погибнет, хоть отомстишь.

- Я понимаю, - отвечал он, - может, вы и правы: нечего мне делать в Нежине. Но душа горит, хочу повидать и мать, и жену, и сестренку, а самое главное - сыночка. Он такой маленький, всего четыре года, а уже написал мне письмо: "Папа, Вова пай". Ну как это - я живой, и они здесь близко, а я не пойду? Отпустите меня!

Что значит отпустить! Я ему не начальник, держать его не

могу. Но, идя с нами, он считал себя в коллективе и, пожалуй, если настаивать, подчинился бы. Но я не хотел настаивать. Парень рвался в Нежин Он бредил семьей и домом. Видно было, что для него нет на свете ничего дороже, "пусть я потом помру и пусть меня мучат, но как же я мог пойти и не пошел?"

Симоненко его лучше понимал, чем я. Он и сам стремился к матери. Он твердо решил, что в тылу у немцев не останется, обязательно перейдет линию фронта Он шел в тыл лишь "успокоить старушку".

Три случайных товарища, три советских человека, днем спали в скирдах пшеницы, в стогах сена, а как только вечер, - отправлялись в путь.

Мы шли по Украине, только что захваченной немцами.

Даже на проселках попадались нам немецкие надписи: стрелки на столбах. Если поблизости не было людей, мы надписи сбивали, ломали на куски, разбрасывали по полю.

Однажды под вечер мы брели по довольно широкому, хорошо утрамбованному грейдеру. Погода выдалась теплая и тихая. Грело солнце, и кругом все было хорошо. Шли мы медленно, будто прогуливались. И справа и слева от дороги разросся густой кустарник, красные и желтые листья покрывали землю. Вдали белели пятна хуторов; вокруг хат - тополя и толстые, уже оголившиеся ветви фруктовых деревьев.

Тихо, дышится хорошо, аппетит прекрасный, и кажется, вот дойдем до ближайшего села или хутора, хозяйка нам борща сварганит...

Да, такие мирные картинки бывали, как ни странно, и в тылу противника.

Это ведь наша, родная природа и родные места. А мы еще попали в район, где совсем не было боев, война не оставила здесь своего черного следа.

По этой дороге, обрамленной кустами, а кое-где и молодыми деревцами, мы шли часа полтора, не меньше. Мы почти не разговаривали, у всех троих, вероятно, было одно настроение.

Вдоль дороги, по бокам, были прорыты неглубокие каналы - кюветы. Над ними свисали ветви кустов. Листьев на ветках осталось мало, поэтому мы все трое одновременно заметили лежавшего в кювете человека. Это был красноармеец. Трупов мы видели много и раньше, но тут, в тихой мирной местности... Мы хотели найти документы, узнать, кто убит, но ничего не нашли. Карманы в гимнастерке были расстегнуты, а карманы брюк вывернуты; убит был человек выстрелом в затылок.

Шагов через двадцать увидели еще один труп, тоже в кювете, и пуля у него тоже в затылке. Мы пошли быстрее. Об увиденном

не говорили: будто ничего не произошло. Но от мирного настроения и следа не осталось. Сразу почувствовали, как ужасно утомлены.

Немного погодя Яков подобрал немецкий пакетик с хлорными таблетками. Он вскрыл его, понюхал и хотел бросить. Но Симоненко, желая пошутить, сказал:

- Стой, Яков. Тебе еще может пригодиться. Кинешь в лужу - и пей без вреда для здоровья!

Яков обиделся:

- Ты что думаешь, я здоровье берегу? - и он со злостью отшвырнул пакетик в кусты.

Шагов через двадцать Симоненко поднял ложку, оглядел: немецкая - и бросил. Потом, смотрим, валяется металлическая пуговица; на ней блестит орел.

- Похоже, - говорю, - ребята, что здесь фрица раздевали.

Прошли еще шагов пятьдесят и увидели мы на небольшом холмике маленький крест. Зрелище чрезвычайно приятное: на кресте немецкий стальной шлем. Но, значит, где-то здесь неподалеку и те, что хоронили... Дорога, впрочем, проглядывалась вперед далеко. На ней пусто.

Все же мы решили отойти от грейдера. Двинулись в гущу кустарника и, пройдя несколько минут, услышали шорох и стон.

Цепляясь окровавленными руками за кусты, пытался подняться на колени парень в выцветшей красноармейской одежде. Симоненко подбежал к нему, схватил подмышки, хотел помочь, но парень ужасно закричал, вывернулся и упал на спину; он продолжал кричать и лежа. Глаза его были широко раскрыты, но он, вероятно, ничего не видел и не понимал. Волосы, грудь, руки - все было залито кровью. Правая же сторона лица была так размозжена, что обнажилась кость челюсти.

Симоненко прижал к губам красноармейца флягу. Вода разлилась, но несколько капель все же попало в рот; раненый сделал глотательное движение. Он продолжал кричать, но уже не так громко. В глазах появилось осмысленное выражение. Он хрипел и что-то торопливо шептал.

- Бушлат, мама, накрой! - эти слова я запомнил; он повторил их несколько раз. Потом взгляд его совсем прояснился: - Братишки, помираю! Никодимов мое фамилие... из шестой роты... лей, лей больше, - теперь он жадно сосал из фляги, - спасай Никодимова Серегу! - Он стал пить все торопливее. Симоненко поддерживал ему ладонью затылок, приподнимал от земли голову. - Положь! - приказал раненый. - Да положь, терпеть невозможно!

Симоненко опустил голову красноармейца на землю.

Зуссерман и я топтались рядом, переглядывались.

- Есть дайте. Эх, не проглочу, зубы гады выбили. Расскажите, ребята, как Серега Никодимов в плену у немцев был...

Он говорил и прерывал сам себя. Рассказ временами переходил в бред. Но все-таки мы из несвязных слов его поняли, что группу пленных, в которой был он, вели дня четыре и не кормили. Конвойный ефрейтор бил чем попало, а недавно застрелил по очереди двоих: они отставали. Тогда Никодимов разбил ефрейтору камнем голову.

- Я его свалил и рвал, зубами рвал. А меня ногами и прикладом били, у меня того гада отняли... живой я еще, а, братишки?.. Почему, для чего живой?

Потом, в полубреду, он сел, опершись руками на землю. Он ругал нас, и себя, и всех, кто попал в плен; нас он, конечно, принимал за пленных. Вдруг он стал кататься по земле; кровь хлынула у него из горла. Когда он затих, мы поняли: все кончилось.

Надо было его похоронить. Но нечем выкопать могилу. Мы хотели узнать подробности; куда потом написать, где семья? Но ничего на нем не нашли.

Мы сняли пилотки, постояли с минуту. Я посмотрел на Зуссермана. По лицу его катились слезы. Заметив мой взгляд, Яков закрыл лицо руками и побежал, ломая кусты, в сторону. Минут через двадцать он нас нагнал. У него судорожно дрожала щека. Стараясь быть спокойным, он сказал:

- Разволновался я, ребята.

*

Районы, которыми мы тогда проходили, не были еще всерьез задеты войной.

Боев тут не происходило.

Фронт откатился километров за полтораста, немецкие гарнизоны только устраивались, гестаповцы и другие каратели не подоспели.

Однажды нас подсадил на подводу старик-колхозник. У него было удивительно мирное настроение.

- Видите, ветряк крутит крылами. Еду к нему за мукой. Разве я когда-нибудь думал при нимцях зерно молоть? А нимцив-то всего три на целый район. У нас як был до войны колгосп "Червоный прапор", так и тепер. И голова тот, и счетовод тот самый... Вот пшеница стоит не кошена, осыпается хлеб. Едемте, товарищи, будем работать. У нас и молодицы гарни, у нас и бабы славни... Работников дуже мало.

Стали мы расспрашивать старика, откуда он, такой добродушный, и чего это ему немцы больно нравятся? А он

рассуждает так: что же делать, если не удержались, сдали немцам Украину, и Москву, и Ленинград - надо применяться, мол, к обстоятельствам.

- А нимцив тих я и не бачив. Яки таки нимцы?

- А откуда ж вы, папаша, знаете, что Москва взята?

- Староста сказал.

- А вы ему и верите?

- Да кому ж верить? Раньше газеты приходили, радио было. Тепер що староста каже, то, значит, и правда.

Так мы и не поняли толком, хитрит ли старик, притворяется ли придурковатым, или в самом деле его распропагандировали немецкие ставленники.

Когда же выяснилось, что старик из села Озеряне, Варвинского района, Черниговской области, меня как током ударило.

- Так что ж, выходит, мы уже на Черниговщине?

- А як же...

- А был тут в области руководителем Федоров. Не слыхал, папаша, куда он теперь делся?

- Федоров? Олексий Федорович! Так я ж його до войны, ось, як вас, бачив. Он часто приезжал. А где тепер, хто знае? Одни кажуть - нимцям продался, другие кажуть - убытый... Може, старостуе десь...

Тут я не удержался. Хотелось за глотку схватить старика.

- Ах ты, старый черт! - сказал я всердцах. - Что же ты брешешь, что Федорова знал? Я и есть Федоров!

Но старик не только не смутился, он вдруг побагровел, повернулся ко мне и закричал:

- Я брешу?! Шестьдесят четыре года в брехунах не ходил и теперь подожду. Думаете, если пистолетов пид сорочку напихали, так уж напугали шибко? Я старый человек, мне смерть не страшна. Який вы есть Федоров?! Колы б прибув до нас Федоров, народ бы за ним в партизаны пошел, народ бы мельницу спалил да старосту повесил... Э, хлопцы, нашли кого выспрашивать... А ну, слазь с подводы, слазь, кажу! - закричал он свирепо и толкнул меня под бок.

Что было делать? Пришлось слезать. Старик раскрутил кнут, вытянул коней по бокам, они рванули и понеслись. И, когда старик отъехал шагов за сто, он погрозил нам кулаком и злобно выругался:

- Тю, полицаи свынячи!

Крикнув так, он сейчас же наклонился, будто ждал пули. Мы, конечно, не стреляли.

Он опять выпрямился и опять стал ругать нас на чем свет

стоит.

Так мы въехали в Черниговскую область.

*

О чем могут говорить между собой три мало знакомых человека, когда судьба свела их на пустынной дороге в тылу врага? Нет, мы, конечно, не молчали, но и не развлекали друг друга анекдотами. Каждый рассказал кое-что о себе, о том, как начал воевать. Коснулись кратко прошлого, вспоминали жен и детей: "каково-то им сейчас и где они..." Таких общих тем хватило на первые два-три дня. Было уже решено, что мы всего лишь попутчики, вот-вот расстанемся. Так что особенно раскрываться и строить совместные планы на будущее было ни к чему. В драку с немцами нам вступать не пришлось. Но я уверен - случись что-нибудь подобное, ни один из нас не бросил бы другого в беде. В этом был главный смысл нашего товарищества.

Между Симоненко и Зуссерманом установился тон взаимного добродушного подтрунивания. Зачинщиком чаще был Симоненко. Зуссерман отшучивался, иногда сам переходил в наступление. Так начался и последний наш разговор. Серьезный разговор... Впрочем, судите сами.

Мы, как я сообщал, брели уже по своей. Черниговской области. Ближайший населенный пункт отстоял от нас километров за восемь. Возле него дорога разветвлялась. Там-то Зуссерман и намеревался расстаться с нами идти к Нежину. Недавно прошел дождь, дорога раскисла, ноги скользили по глине. Быстро идти невозможно. Около небольшого мостика были свалены бревна для ремонта. Мы присели отдохнуть, закурили. Симоненко, подмигнув мне, сказал Зуссерману:

- Ну, ты влип, Яков. Определенно. Зря перешел с нами границу Черниговской области. Надо было раньше отделяться...

- То есть это почему?

- Чудак, не понимает... Слышите, Алексей Федорович, друг-то наш не понимает, что ему грозит. Ты ведь в Нежин собираешься, к семье, так?

- Я с семьей повидаюсь, может, помогу им, а потом поверну к фронту, постараюсь перейти к своим.

- Не отпустит тебя Федоров. Прикажет, и, будь здоров, придется подчиниться. Он теперь на своей территории. Пойдешь с ним партизанить.

- А ты? - Зуссерман, кажется, всерьез обеспокоился.

- Мне он приказать не может. Я теперь не Черниговский. Ушел в армию из Волынской области. Ты-то ведь из Нежина...

- Я не член партии...

- Комсомолец?

- Я, когда в армию пошел, в Нежине с учета снялся...

- Не имеет значения. Ты, брат, все равно черниговской организации. И слово секретаря обкома партии для тебя закон... Верно, Алексей Федорович?

Я не успел ответить. Зуссерман с виноватой, просительной улыбкой сказал:

- Товарищ Федоров, я только отпуск прошу. На несколько дней, если можно. Там все-таки жена и, главное, сыночек. А потом куда угодно...

Тему для розыгрыша Симоненко выбрал неудачную. Он ведь и сам не собирался партизанить, тоже хотел повидаться с матерью и вернуться потом к линии фронта. Пришлось мне вмешаться в разговор и перевести его на серьезные рельсы.

- Дело, конечно, не в том, на территории какой области мы находимся. Ты меня, Яков, извини, парень ты, кажется, неплохой. Спасибо, выручил меня в тяжелую минуту. Но пора и самому разобраться, что значит комсомолец и как нужно себя вести в данной обстановке. Экзамена я тебе устраивать не намерен, однако ответь, в чем ты как комсомолец себя проявил? И как думаешь - может комсомолец в тылу врага интересоваться исключительно своей персоной и домашними делами?

Якова даже пот прошиб, хотя было совсем нежарко. Он снял пилотку, провел по волосам ладонью, встал и опять сел.

- Я, товарищ Федоров, - сказал он смущенно, - горючее экономил и резину. То есть я был стахановцем, и мы соревновались, моя машина прошла без капитального ремонта... Ах, я понимаю, вы сейчас не об этом... Я не знаю... Честное слово, я даже не предполагал, что попаду в такую историю. Конечно, правильно, что я должен... Пожалуйста, я могу не ходить в Нежин, товарищ Федоров...

- В Нежин пойти ты, конечно, можешь, не в этом дело...

Я нарочно не закончил мысль. Хотел, чтобы Зуссерман сам понял, чего от него ждут. Он, видимо, напряженно думал, смотрел мимо меня в поле и, может быть, даже не слышал моих последних слов.

- Товарищ Федоров, - сказал он после длительной паузы, - я уже, кажется, сообразил. Меня принимали в комсомол пять лет назад, и я уже тогда сознавал, что надо быть впереди. Я был даже членом бюро в автопарке. Но если бы мне тогда сказали, что будет немецкая оккупация и мне придется работать с подпольщиками и партизанами...

- Ты не вступил бы в комсомол, так что ли?

- Нет, что вы, товарищ Федоров, - наоборот...

- Как это наоборот?

- Наоборот в том отношении, что я бы с большим сознанием занимался политучебой. Вот сейчас теряюсь, не знаю свои обязанности. Как себя вести и так далее. Я шофер. Понимаю свое дело, поверьте мне. И если вы мне дали бы машину, чтобы я на полном газе ворвался с партизанами к врагам, - это я могу. То, что я комсомолец... Сейчас, конечно, важнее, чем до войны.

- Не то, чтобы важнее, но проверка всем советским людям, а коммунистам и комсомольцам в первую очередь, предстоит серьезная. Ответственность на мне, на нем, на тебе лежит огромная. Ты-то ведь уже наполовину забыл, что состоишь в комсомоле. А забывать никак нельзя. Надо признать, в порядке самокритики, что и я как-то упустил из виду, что ты комсомолец. Симоненко идет со мной дальше. С ним еще предстоят разговоры. А ты сейчас сворачиваешь к Нежину...

- А может быть, не надо, может быть, и мне с вами дальше?..

- Если дело касается только семьи, то напрасно ты идешь, боюсь, что тебя ждет тяжелое разочарование. Но если ты пойдешь, как человек дела, если пойдешь с заданием, как связной обкома, тебе и горе будет легче перенести, и самочувствие будет другим. Постарайся наладить связь с нежинскими подпольщиками. Скажи им, где обком, помоги и им, и подпольному обкому партии... Задание ясно?

- Товарищ Федоров! - Яков схватил мою руку, сжал в своих ладонях и долго тряс. Он даже задохнулся от волнения. Право, я не думал, что вызову у него такое горячее чувство. - Товарищ Федоров, - продолжал он, - как хочется скорее что-нибудь уже сделать!

Мы поднялись, пошли дальше. И весь остаток пути до разветвления дороги Зуссерман расспрашивал меня: как нащупать подпольщиков? Что им передать от обкома? Как передать в обком результаты?

- Знаете, что, товарищ Федоров! - воскликнул он. - Ведь моя жена тоже комсомолка. Она машинистка. Она может печатать листовки и прокламации. Попробуем в городе. А если там уж никак невозможно будет жить из-за национальности, я возьму ее с собой к вам, в отряд. Можно? Если нельзя с мальчиком, мы устроим его у знакомых...

Я поставил перед Яковом несколько конкретных задач. Дал адреса двух городских явок.

- Ну, смотри, Яков, не попадайся немцам, - напутствовал я его. - Если же тебе удастся семью выручить или хоть самому ноги унести, иди в Корюковский район. Там встретимся.

Мы расцеловались. Я, правду сказать, думал, что прощаемся навсегда.

Долго мы с Симоненко смотрели вслед одинокой фигуре Якова. Он шел быстро. И даже по походке было видно, что настроение у него хорошее. Рабочее настроение.

*

Мы направились в село Игнатовку, Среблянского района. Там я кое-кого знал.

27 сентября, поздно вечером, после двенадцати суток скитаний, мы с Иваном Симоненко впервые вошли в человеческое жилье.

Постучались в окно хаты учителя Захарченко. Я его немного знал. Незадолго до войны его приняли в члены партии.

Нас впустили не сразу. Кто-то притушил огонь лампы, подошел к окну и прижал ладонь к стеклу. Правил светомаскировки тут никто не соблюдал.

- Что за люди? - спросил мужской голос.

- Свои, товарищ Захарченко, откройте.

Прошло минут пять, загремел засов, дверь отворилась, мы прошли в хату. Жена хозяина подняла фитиль, хозяин долго и молча нас разглядывал.

- Где-то я вас, кажется, видел. А спутника вашего не встречал определенно. Ах, товарищ Федоров, - он ужасно покраснел, съежился и заговорил полушепотом. Жена тотчас же стала завешивать окна.

- Вас никто не заметил, товарищ Федоров. А то ведь понимаете... Да, да... неожиданность. Знаете, товарищи... Понимаете ли... Староста осведомлен, что я коммунист. Ну и, конечно, за мной особое наблюдение. Правда, немцев в селе сейчас нет... Однако...

- Разве только один староста осведомлен, что вы коммунист? Я тоже! Знаю, что вы состоите в нашей Черниговской организации. У вас я пробуду недолго. Расскажите, каково положение, что предпринял райком, как у вас распределены обязанности по подпольной работе?.. А пока будете рассказывать, ваша хозяйка, быть может, устроит нам помыться и чего-нибудь там... перекусить...

Я действовал экспромтом. И что ж, мой уверенный тон произвел правильное впечатление.

"Пусть, - думал я, - хозяева расценивают мое появление как естественный, будничный случай: секретарь обкома обходит районы, знакомится с деятельностью низовых организаций"

Ничего о наших многодневных скитаниях я не говорил. "Начинается работа", - решил я. С этого момента я уже не зверь, за которым охотятся, которого травят. Нет, теперь - я охотник. И пусть немецкое зверье подожмет хвосты. Пока приходится

прятаться, быть осторожным, но погодите, когда мы развернем свои силы...

Я стал расспрашивать Захарченко:

- В районной комендатуре, надеюсь, не регистрировались?

- Как можно, товарищ Федоров...

Но по тому, как он ответил, стало ясно, что если он и не зарегистрировался, то подумывал над этим. Ничего, с сегодняшнего вечера он станет думать по-другому.

- Хорошо, значит вы - подпольщик! Секретарем райкома у вас?..

- Товарищ Горбов. Его я еще не видел... Нет, к сожалению, не знаю, где он прячется. То есть я хотел сказать... скрывается.

- Кто еще из коммунистов остался в районе?

- От знакомых я слышал, что а селе Гурбинцы действует группа; во главе ее бывший начальник районного НКВД. Фамилию товарища не помню.

- Еще о ком у вас есть сведения? О других группах вы не осведомлены? Вероятно, хорошо законспирированы... Вот что, товарищ Захарченко. Завтра утром или лучше сейчас ночью вы пойдете в Гурбинцы, разыщете эту группу Пусть пришлют за инструкциями.

Тут в разговор вмешалась жена учителя.

- Нельзя Костю.

- Чего нельзя?

- У нас дети, если мой чоловик попадется...

- А если бы он был на фронте?

- Фронт - это другое дело.

Муж давно уже делал жене энергичные знаки: мол, не в свое дело не суйся.

- Иди ты, иди. Лучше бы покормила людей, - сказал он.

Когда она выходила, я подмигнул Симоненко. Он направился за хозяйкой в кухню. Поминутно вытирая глаза, она растопила печку, поставила греть воду для мытья и принялась готовить яичницу.

Сам учитель уже справился со своей растерянностью. Он деловито расспрашивал, как и что делать. Я посоветовал ему в ближайшее же время переехать в другое село, как можно дальше, где люди его не знают.

Захарченко снабдил меня брюками и рабочей курткой на вате. Дал он мне и кепку, но она оказалась мала. Пришлось сзади подпороть. Бриться я не стал, решил запускать бороду: поможет конспирации.

Мы умылись, переоделись, поели и легли спать на теплой печке. Ночь прошла спокойно.

Утром меня с трудом растолкал хозяин. С ним пришли из Гурбинцев три товарища.

Работа, кажется, и в самом деле начиналась.

*

Захарченко вошел в дело с головой. Мужчина лет тридцати пяти, здоровый, до нашего прихода он мучился от вынужденного безделья. Именно потому, что некуда было приложить силы, он много думал о возможных опасностях. Пассивный по природе, он ждал внешнего толчка. Таких людей немало. Вне организации они теряются. Лишь организация их подтягивает, вливает в них бодрость, энергию.

Жестикулируя, Захарченко начал было со всеми подробностями рассказывать, как незаметно, огородами, проник в село Гурбинцы, как, никого не расспрашивая, нашел конспиративную квартиру...

Но я его прервал. Не терпелось услышать, что скажут товарищи.

Прибывшие рассказали: создана подпольная группа, состоит она из четырех членов партии и семи комсомольцев. Диверсионная и партизанская деятельность еще не начата.

Видно было, что товарищи чем-то взволнованы. Оказалось, что на днях группа понесла большую потерю: погиб в селе Демеевке один из членов группы - председатель колхоза "Партизан" Логвиненко.

- Мы не знаем, товарищ секретарь обкома, как к этому случаю относиться, - сказал в заключение кто-то из прибывших. - Конечно, Логвиненко погиб геройской смертью, пожертвовал собой, но действовал-то он неорганизованно, необдуманно.

А дело было так. По дороге мимо села ехала немецкая машина, в ней сидело несколько немецких чинов. Логвиненко, увидев машину, выхватил из-за пояса гранату и с криком "Да здравствует Советская Украина, смерть немецким захватчикам!" метнул гранату в немцев. Взрывом убило двух солдат. Остальные выскочили из машины и погнались за Логвиненко. Он не успел далеко убежать. Тут же, в поле, его расстреляли. Все это произошло днем.

- А что говорит народ? - спросил я.

- Жалеют очень, кое-кто поругивает, но все восторгаются его удалью.

- А что вы сами об этом думаете?

Я задавал вопросы потому, что и сам не сразу нашел ответ. Поступок Логвиненко понятен. Несколько дней назад я тоже чуть не поддался первому движению души, когда девочка позвала меня, просила спасти ее мать. Конечно, Логвиненко, член партии,

пламенный патриот, колхозный вожак, мог принести гораздо больше пользы, если бы не поддался порыву, действовал продуманно, сообща с товарищами. Но его поступок проникнут любовью к народу, ненавистью к поработителям народа.

Мы еще довольно долго обсуждали героический подвиг председателя демеевского колхоза. Решено было разыскать его тело, торжественно похоронить на видном месте, близ села. Его героическая гибель должна быть закреплена в памяти народа. В надписи, которая будет на могиле, мы назовем его народным мстителем, партизаном.

Товарищи подробно рассказали, как хозяйничают немцы в районе.

Немцы обнаружили возле скирды одиннадцать спящих красноармейцев-окруженцев. Всех их, даже не разбудив, перестреляли.

Во многих селах уже назначены старосты. Большинство из бывших кулаков и подкулачников. В Озернянах, например, староста - немец, из колонистов. Впрочем, кое-где на должность старосты сознательно пошли честные советские люди, чтобы бороться с захватчиками. Подпольная группа налаживает с ними связь. Тем же, о которых достоверно известно, что они мерзавцы и предатели, посланы записки с предупреждением...

- Сейчас уже не время предупреждать, грозить, - вмешался Захарченко. - Партия дала ясное указание - уничтожать пособников врага!

- Это правильно, - подтвердил я. - Но всех старост-предателей вы силами своей незначительной группы уничтожить не можете. Наметим сейчас, кого нужно убрать в первую очередь. И пусть народ знает - ни один пособник врага не уйдет от суровой кары! Немедленно начинайте агитационную работу. Радиоприемник у кого-нибудь сохранился? Нет? Надо найти. Надо регулярно принимать и сообщать населению сводки Совинформбюро. Все факты немецких зверств собирайте, запоминайте и сообщайте колхозникам в листовках или в устной беседе.

Я дал товарищам еще ряд указаний, сказал, по какому примерно маршруту буду двигаться.

- Постарайтесь держать в курсе и райком и обком партии.

Это первое совещание длилось несколько часов. И все время на крыльце сидела жена Захарченко, следила, чтобы никто не вошел. Она, как и вчера, непрерывно утирала набегавшие слезы и так же непрерывно лузгала подсолнухи. Ей муж посоветовал: "Грызи семечки - вид будет независимый".

Дети учителя - одному год, другому два - были все время с нами. Когда меньшой поднимал крик, я брал его на руки и, качая,

продолжал вести заседание. У Захарченко руки были заняты: он вел протокол.

После обеда, в сумерки, мы с Симоненко собрались в путь. Жена учителя насовала нам по карманам пирогов. Прощаясь, она опять плакала.

Захарченко долго жал руку и говорил:

- Вы, товарищ Федоров, не обращайте внимания на ее слезы. Я и сам долго не мог привыкнуть.

- Смотрите, не утоните в бабьих слезах.

- Ну, нет, теперь уже не утону. Теперь некогда... Вот, не знаю, как быть со школой. Я, по вашему совету, решил отсюда переехать. А ведь, говорят, немцы начальную школу разрешают. Жаль мне детишек.

Что ответить? Много вопросов тогда еще не было продумано. Ясно было одно: если немцы и "разрешат" школу, школа эта не будет советской.

- Как ни жаль ребятишек, но придется им эту зиму остаться без учения. Не по фашистской же программе им заниматься!

Трое гурбинских подпольщиков пошли нас провожать в соседнее село Сокиринцы.

*

Я пишу не роман, а воспоминания. Поэтому заранее прошу у читателей извинения. Некоторые действующие лица не появятся больше в книге, что с ними произошло потом, автор не знает. Очень бы хотелось установить, как вели себя впоследствии учитель Захарченко и его плаксивая жена, что стало с Иваном Симоненко... Мы расстались с ним через несколько дней. Буду рад, если кто-либо сообщит мне о судьбах этих людей.

В тот вечер я вышел из Игнатовки уже в ином настроении. Вдохновляло и ободряло сознание, что мы действуем.

Предстояло пройти полем около двадцати километров. Товарищи проводили нас с Симоненко до половины пути. Моросил дрянной дождь, на ноги налипала глина, но я шел бодро, развивал перед товарищами планы:

- В Черниговской области будет партизанская дивизия. Готовить людей, вооружать их идейно, поднимать на борьбу, - вот в чем задача подпольщиков.

На прощанье пожали друг другу руки. Ладони были у всех мокрые, под ногами чавкала грязь, слова относило ветром, приходилось их повторять. Осенью в степи грустно, особенно, когда вот так мокро и ветрено. Сидеть бы в такую погоду дома, натопить бы жарко печь, побаловаться горячим чайком...

- Ну, что ж, товарищи, простимся. Надеюсь, не в последний раз!

И только я сказал это, вдали блеснул огонек, за ним другой. Мы услышали шум моторов, а минуту спустя мимо нас, освещая дорогу фарами, подпрыгивая на ухабах, далеко разбрызгивая грязь, промчалось пять немецких грузовиков. В кузовах стояли немецкие солдаты и орали какую-то воинственную песню...

Мы вынуждены были отбежать в сторону, в поле, и прижаться к мокрой земле. Я держал пистолет наготове, спустил предохранитель... Ох, как же мне хотелось выстрелить!

Гурбинские подпольщики ушли. Мы опять остались с Иваном Симоненко вдвоем. Уже третью неделю мы шли с ним. Два советских человека, два партийных работника, мы брели по дорогам, прятались от немецких пуль и от глаз предателей. Но настоящей дружбы между нами не было.

Пройдут годы, я не забуду Симоненко, встречусь - обрадуюсь, а коли узнаю, что с ним произошло неладное - очень огорчусь.

Мы делили кусок хлеба, иногда последний. Бывало и так: я сижу где-нибудь за скирдой, прячусь от ветра, а Иван идет добывать еду. Внешность моя для таких дел не подходила. Симоненко больше был похож на простого солдата. Ему просто сочувствовали, ко мне же непременно приглядывались. Может, и доброжелательно, но с повышенным вниманием. И он не попрекал меня за то, что я не иду.

Почему же мы с Симоненко не стали друзьями в полную меру? Я звал его с собой. Я хотел сделать его подпольщиком, партизаном. Он не то что отказывался, но не сказал ни разу прямо: "Пойду". Он не спорил со мной, но я видел: не верит человек в силу подпольного сопротивления. "Повидаюсь, говорит, - с матерью и обратно - на фронт".

Товарищем же он был превосходным.

Ложились мы с ним где-нибудь под скирдой, вместе вглядывались в утренний туман и сворачивали одну козью ножку на двоих.

Впрочем, на Черниговщине под скирдами мы уже не спали. И в Сокиринцах, куда мы вскоре пришли, так же, как и в Игнатовке, нашелся для нас приют.

Постучались мы в первую попавшуюся хату, открыла какая-то бабка, мы назвались пленными, рассказали, что вот удалось нам отстать от колонны, спрятаться за скирдой...

Тогда мы очень старательно сочиняли длинные истории. Позднее я понял: шила в мешке не утаишь. Слушать-то нас слушали, но не очень нам верили. В те дни я бы ужаснулся, когда б узнал, что люди догадываются, Кто я. А теперь считаю, что так было лучше. Догадывались, даже знали, а не выдавали... Да и мудрено было меня не узнать. В этих районах я баллотировался в

депутаты Верховного Совета УССР, тут я выступал. Приезжал я сюда не раз и как секретарь обкома.

В Сокиринцах оказался бывший заведующий отделом народного образования Варвинского района. Через него я передал инструкции секретарю подпольного райкома партии.

Пробыли мы в селе сутки и в ночь ушли. Ночь выдалась на редкость хорошая. Светила полная луна, даже и ветра не было. Одежду за эти сутки подсушили и, хоть спали мало, чувствовали себя неплохо. До Лисовых Сорочинц было уже близко.

Симоненко предложил сокращенный путь. Я полагал, что тут, вблизи родного села, он не собьется. Однако мы заблудились. Симоненко свалил все на луну: дескать, в ее неверном свете предметы принимают иные очертания.

Путь нам пересек широкий противотанковый ров, до краев наполненный водой. Мы долго его обходили. В общем прокружились мы часа три...

Мы пересекли небольшой лесок, и, странное дело, вдали виднелся яркий свет костра. Кто в такое время зажигает костер в степи?

Немного приблизившись, мы определили, что возле костра мечется какая-то одинокая фигура. Симоненко же, у которого зрение было острее моего, увидел еще неподалеку от костра не то лошадь, не то корову.

Симоненко сказал:

- Подберусь, погляжу. Если человек местный, может, и дорогу на Лисовые Сорочинцы укажет.

Пригнувшись, он пробежал немного вперед, затем обернулся и поманил меня. Уже не скрываясь, мы вместе подошли к костру.

Высокий костлявый старик с неаккуратной бородой, одетый в узкие брючки, старомодные штиблеты и длинное, городское пальто, подбрасывал в огонь охапки бурьяна и перекати-поле. На носу у старика пенсне. Голова непокрытая, волосы растрепанные. Он был так озабочен своим занятием, что не сразу нас заметил. А заметив, блеснул в нашу сторону стекляшками пенсне и отвернулся, не ответив на приветствие. Я переглянулся с Симоненко, тронул пальцем лоб.

Шагах в тридцати от костра пощипывала жалкую траву худощавая корова.

Степной, травяной костер неуютен. Он хоть и ярок, и пламя дает горячее, но бурьян ведь сгорает быстро. Минуту не посидишь спокойно: отправляйся за новой порцией. Но мы все же присели, протянули к огню промокшие ноги. Старик бросил в огонь новую охапку. Не глядя на нас, он пробурчал:

- Современное воспитание!

Мы смолчали. Погодя, он продолжал:

- Всякий порядочный бродяга понимает: пользоваться чужим костром можно лишь при условии, что принесешь свою лепту. Вы же, граждане, шли из лесу. Шли к моему костру. Не так ли? Так. Несомненно, так! Стало быть, могли принести дровишек. Максима Горького читали? Нужно думать, вы ответите утвердительно, ибо лица у вас одухотворенные. А коли читали должны знать бродяжью этику. Кто такие? Откуда? Куда?

Мы ответили, что пленные, пробираемся к дому.

Старик сказал:

- Ложь! Это, впрочем, ваше дело. Вы считаете нужным скрывать истину. Разрешите и мне, в таком случае, сохранить инкогнито, - с этими словами он отвернулся от нас и уж больше не говорил ничего.

Мы набрали бурьяну и сухих веток. Но старика этим к себе не расположили. Он даже не пожелал ответить, когда мы спросили, где находимся.

Немного погодя он подвел поближе к костру свою корову. Вбил ногой в землю колышек, привязал к колышку животное. Потом расстелил с подветренной, просушенной костром стороны свое длинное ветхое пальто и завернулся в него. Уже улегшись, он пробурчал:

- Следите, граждане, за тем, чтобы меня не поджечь.

Нас разморило. Кто первым уснул - не помню. Заснули сидя, поджав к животу колени.

Проснулся я от резкого, гортанного крика. Я вскочил. Костер погас. Но было светло, луна еще не зашла. Очень низко, противно рыча, летели тяжелые немецкие бомбардировщики.

Старик, задрав лицо к небу, махал кулаком и ужасно ругался, посылая в адрес летчиков проклятия на немецком языке: "Ферфлюктен!" - и еще какие-то слова...

Он бегал по полю и так размахивал своими костлявыми, длинными руками, что, казалось, сейчас оторвется от земли, нагонит самолет и вцепится в него.

Увидев меня, старик закричал:

- Слушайте, вы! Стреляйте, стреляйте! Есть приказ - по самолетам врага из всех видов оружия! Стреляйте же, черт вас возьми!!!

Когда самолеты скрылись из виду, старик в изнеможении опустился на землю, прижав ладони к лицу.

- Не можем ли мы для вас что-нибудь сделать? - спросил Симоненко участливо.

- Оставьте меня в покое, - ответил старик. Потом уже мягче добавил: Не обращайте на меня внимания. Мне уже нельзя

помочь. Я тоже никому и ничем не могу помочь. Я теперь бродяга - и только.

Что ж, мы оставили его в покое и пошли дальше. Раза два оглянулись. У кучи пепла лежала корова, рядом с ней сидел бородатый человек. Симоненко заметил, что плечи его вздрагивают.

Было ясно: старик перенес большое потрясение. Какое? Почему он бранился по-немецки? Уже одно то, что он грозил с такой страстью немецким самолетам, показывало, кто его враг.

- Где-то он найдет себе приют? - тихо сказал Симоненко.

Вскоре он узнал дорогу, ведущую в Лисовые Сорочинцы. И тут спохватился:

- Слушайте, товарищ Федоров, я вернусь, позову его с собой. Мать возьмет его к себе, обогреет. Обождите меня, товарищ Федоров, ладно?

- Ладно, только смотрите, не пригрейте змею. Кто знает, что это за человек...

Но Симоненко только махнул рукой и побежал назад.

Я устроился за придорожным кустом. Ждал долго, продрог, сжался в комок и незаметно уснул опять.

Симоненко с трудом меня растолкал.

- Идемте, Алексей Федорович! - кричал он мне в ухо.

- А где старик? Вы что, не нашли его?

- Он отказался. Был очень растроган моим предложением, но... по-видимому, и, верно, голова у него уже слаба. Повторяет одно: "Они меня везде найдут..." Кто они, почему найдут? Ничего я не понял. Но идти со мной наотрез отказался. А на прощанье пожал руку. Горячо тряс. "Спасибо, говорит, - за внимание..." Что с таким делать? Немцы, если увидят его, могут расстрелять. Они, говорят, всех душевнобольных уничтожают.

*

Следующая остановка, и довольно длительная, была уже на родине Симоненко, в Лисовых Сорочинцах. Тут и на мою долю перепала толика материнской ласки.

Два промокших, голодных мужика ночью ввалились в хату одинокой старушки.

- Ой, сыну, мий сыну! - вскрикнула старушка и повисла на шее Ивана Симоненко.

Я стоял в стороне, ждал. Сын и мать любовались друг другом: она расспрашивала - он отвечал, затем он расспрашивал... Я наслаждался теплом хорошо натопленной хаты и преглупо улыбался.

Старушка разогрела воду, дала и мне чистое белье, мы помылись с головы до ног. После купанья сели за стол. Ели

курятину. На тарелке лежали красные, свежепосоленные помидоры и плотные с пупырышками огурчики.

Весь этот вечер и чуть не весь следующий день мы вольготно отдыхали. Как я спал этой ночью! Простыня снизу и простыня сверху, ватное одеяло... В окно стучал дождь, ветер со свистом крутил в трубе, а я спал... Проснусь, послушаю, подумаю, что вот - где-то по соседству немцы, повернусь на другой бок и снова спать... Утром мы опять наелись досыта.

Старушка Симоненко, критически оглядывая меня, заявила:

- Як же це можно, така велика людына, а обирвана...

Она добыла из комода кусок "чертовой" кожи, чтобы сшить мне из нее гимнастерку и брюки. Попыталась сама скроить, разметила, но резать не решилась и, взяв материю, куда-то ушла.

Вернулась и говорит:

- Пойдем, Олексий Федорович, к портному, он вас ждет.

Если следовать правилам строгой конспирации, надо бы, разумеется, насторожиться. В самом деле, и старушку-то толком не знаю, портного и подавно. С чего же это он согласился сшить мне костюм, да еще за один день, как сказала хозяйка - не ловушка ли? Пистолет мой под подушкой. Пойти взять его - не обидишь ли хозяйку?

Однако желание получить чистый и новый костюм превозмогло опасения.

"Ладно, - решил я, - никто в лицо меня здесь не помнит. А помнит, так в этом виде не опознает..."

Костюм, сшитый сельским портным из Лисовых Сорочинц, останется в моей памяти на всю жизнь.

Мне сразу стало ясно, что хозяин догадывается, кто его заказчик, что не секрет это и для его жены, дочерей. У них в семье все портняжничали. Костюм потому и сделан был с такой быстротой, что взялись за него всем домом. Так вот, все в семье от мала до велика знали, что помогают депутату Верховного Совета, секретарю обкома партии, знали, что жизнью своей рискуют. Но никто из них и виду не подал. Снял хозяин мерку, спросил, как полагается, есть ли приклад, пуговицы, материал на карманы.

- Нет? Что делать, свои поставим. Завтра утром приходите за костюмом.

- А платить, - спрашиваю, - сейчас или потом?

- Что вы, товарищ... - тут портной чуть не назвал меня по фамилии, но жена так на него глянула, что он спохватился и просто сказал: - После войны рассчитаемся...

Прожил я в Лисовых Сорочинцах дней шесть. Деятельности там особой не развивал, а только набирался сил, приглядывался к

людям, оценивал положение, думал.

Иван Симоненко куда-то уходил, его мать хлопотала по хозяйству, в комнате я оставался один. Чистенько, цветы, полотенце под образами, равномерное тиканье ходиков. В такой обстановке я никогда подолгу не находился. Во время командировок по селам я, само собой, в таких хатах неоднократно останавливался, ночевал. Но тогда все было иначе: хата всегда была полна людей, приходили районные и сельские работники, говорили, спорили до глубокой ночи. Утром уезжали в поля.

А тут сижу один, никто меня не ищет, никто ни с чем не обращается.

Я ходил взад и вперед, напевая под нос, останавливался, прижимался спиной к теплой печке, затем опять ходил, иногда садился к окну, всматривался в сельскую улицу. Книг не было. Письмо написать - и нечем и некому. Давным-давно я не видел газет, не слушал радио.

Между тем я должен был действовать, руководить... Изменились условия работы... Но партия-то ведь по-прежнему - организатор и руководитель масс, народа...

И никто с меня ответственности не снимал. Предположим, вызовут меня в Центральный Комитет и спросят... Меня спросят, конечно, в первую очередь, как живет народ в оккупированном селе, каково экономическое положение села, какие настроения у людей, как народ сопротивляется захватчикам. И меня еще спросят, разумеется: что вы, Федоров, делаете и каковы ваши планы на будущее, как вы намерены построить работу подпольной организации?

Именно эти вопросы я и задал себе самому в тихой комнатке симоненковской хаты. И остался собой недоволен: к ответам не готов.

Я заметил, что надо мной еще довлеют старые привычки, что строй мыслей у меня еще зачастую довоенный, или, точнее, легальный.

Смотрю в окно, моросит дождь, вдали, в поле, несколько женщин скирдуют хлеб. Смотрю и отмечаю, что погода для будущего урожая хорошая, а вот со скирдованием запаздывают... Но вдруг обрываю себя: теперь же все наоборот, здесь немцы. И погода хороша для немцев, а заскирдованный хлеб немцы отнимут у крестьян.

Вспоминаю, что дня три назад, на дороге, я заметил донышко разбитой бутылки и машинально отбросил его ногой в сторону. Движение это понятно. Так сделает всякий культурный человек: на стекло может напороться проходящая машина - изрежет

баллон, испортит камеру. Но по дороге-то могла пройти только немецкая машина, Сообразив это, я возвратился и положил осколок в колею.

Надо приучить себя пользоваться любым, даже мельчайшим случаем, чтобы насолить, напакостить врагу.

А теперь вот женщины скирдуют хлеб... Я накинул на плечи куртку и пошел быстрым шагом в поле.

- Кто приказал скирдовать? - спросил я у женщин.

Они сбежались, окружили меня.

Одна невысокая, молодая, крепкого сложения колхозница ответила вопросом:

- Ну, а як же, хлиб же загниет?

- Кто приказал? - переспросил я раздраженно.

- Бригадир.

- А где бригадир?

Все показали на ту самую молодую колхозницу, что ответила первая.

Странно: никто из женщин не спросил, чего это я суюсь, куда меня не просят; никто даже не осведомился, чем я тут занимаюсь, тону моему тоже никто не удивился.

Бригадирша по-деловому объяснила, что приказания ни от кого не получала, а сама как стахановка собрала людей и повела на работу.

Когда же я спросил, для кого она этот хлеб сберегает, бригадирша поняла, к чему я клоню, и ужасно разволновалась: слезы выступили у нее на глазах.

- Що вы, товарищ, - сказала она. - Я ж стахановка, я ж на сельскохозяйственную выставку в город Москву издыла. Невже ж вы могли подумать, що тепер для нимцив!.. Люди просто привыкли работать, руки это требують.

Мы разговорились. Я посоветовал весь хлеб растащить по дворам и потихоньку обмолотить, да как следует спрятать, закопать по ямам.

- А немцам ни зерна! Поняли?

- Поняли, товарищ.

Женщины рассказали, что старосты в селе нет. Имеется лишь заместитель - бывший председатель колхоза - некто Бодько. В прошлом член партии. Его исключили, кажется, за срыв хлебозаготовок.

- Хороший человек, людей не обижае...

- А немцев? Тоже не обижает?

Оказалось, что в селе немцы не останавливались, а только проходили. Хватали наспех кур, поросят, конфисковали штук пять лошадей. Когда чего им требуется, - идут к Бодько.

Спросил я, много ли народу в селе, есть ли мужчины, что они делают.

И бригадирша неожиданно ответила:

- Думають. Сыдять по хатам, та думку думають: що дальше робыть. И свои и пришлые - все грустят, размышляют...

Нашу группу заметили в селе. Подбежала еще одна женщина. Откуда ни возьмись, появились мальчишки. Я счел благоразумным распрощаться. И уже отошел шагов на сто, когда меня нагнала бригадирша.

- Товарищ Федоров, - задыхаясь, спросила она, - а то-то верно люды кажуть, що вы всех в партизаны зовете? Визьмить и мене з собою!

- Я не Федоров! - сказал я как мог внушительнее.

- Це я розумию, що вы сейчас не Федоров, так никто ж не слышит. Визьмить мене до себе, я ж стахановка, я ж на сельскохозяйственной выставке в Москве была. Не могу я тут больше!

Да, с конспирацией обстояло определенно плохо. Что ж это происходит? И портной узнал (ему, правда, могла сказать мамаша Симоненко), и теперь вот девушка-бригадир; пожалуй, и вся бригада не очень-то верила, что перед ней отбившийся от колонны пленный. Сам "пленный" тоже хорош, до сих пор таскает по карманам все свои документы, разговаривает начальственным тоном...

Так я попрекал себя, вернувшись в тихую комнатку. В глубине же души пряталась радость: если узнают, а, узнавая, не только не выдают немцам, но еще и слушают внимательно, стало быть, народ ждет слова партии, ждет руководства.

Пора поднимать знамя партизанской борьбы.

В хату вошел Симоненко в сопровождении дядьки лет сорока пяти. Дядька плотный, ладно одетый. Он протянул мне руку, а Симоненко сказал:

- Знакомьтесь, товарищ Федоров, - это мой кум и друг - председатель колхоза Егор Евтухович Бодько.

Я было хотел пожать протянутую руку, но, услыхав фамилию, невольно отшатнулся. Так вот он, местный управитель, обласканный оккупантами. Я заложил руки за спину и довольно бесцеремонно стал его разглядывать.

Впервые мне пришлось столкнуться с предателем с глазу на глаз. Исключенный из партии, по всей вероятности саботажник. Именно из таких людей немцы вербуют помощников. Зачем только Симоненко привел его сюда да еще назвал ему мою фамилию? Какая это, к черту, конспирация?.. Руки мои невольно сжались в кулаки, хотелось ударить этого иуду.

Однако во взгляде Бодько не было ни смущения, ни торжества. Он смотрел просто и открыто.

- Вижу, товарищ Федоров, - сказал он, - вы мне не доверяете. Это правильно. Разрешите доложить? Принял должность заступника старосты по санкции подпольного райкома партии. Правда, сам я с некоторых пор беспартийный, но именно потому, что я исключен, меня немцы и назначили. А старостой у нас по совместительству куркуль из соседнего села Колесники. Я на эту должность, по немецким правилам, не гожусь: был все-таки председателем колхоза и колхоз считался передовым.

Так, значит я ошибся. Но ошибка эта была приятной. Бодько оказался человеком серьезным, вдумчивым, наблюдательным. Был у него один крупный недостаток: честный, прямолинейный, он и во всех людях предполагал те же качества, слишком легко доверял им.

- Много у меня до вас, товарищ секретарь, насущных вопросов, - сказал Бодько. - В райкоме меня проинструктировать подробно не успели. Приходится все делать по своему разумению. А положение мое очень даже щекотливое. Артистом никогда я не был, притворяться мне трудно. Да и роль не написана. Кручусь, как сам понимаю. Собрать народ, растолковать откровенно - нельзя. Есть, товарищ секретарь, и сволочи.

Вчера один по такому делу явился. "Як, - спрашивает, - у полицаи записаться? Мени люды казалы, що в районной комендатуре принимают в полицаи, для цього потрибна ваша рекомендация". Такому что скажешь? По морде дать, пожалуй, неправильно поймет. А не дать - тоже нельзя. Ну, конкретно, я ему, конечно, приложил. Съездил по уху и говорю: "Ах, ты, так тебя, при радянськой влади в комсомол заявление подавал, а теперь в полицаи метишь!" А он в ответ: "Я, товарищ староста, в комсомол хотел пролезть". "Какой я тебе товарищ? Пан заступник старосты - ось як треба мене величать!" - и раз его по другому уху, а потом на законном основании - под зад коленом.

Только этот ушел, другой вваливается. Прибыл из Прилук. Наследник нашего сельского куркуля Шокодько. "Будем, каже, знайоми, мой батько в 1932 роци высланный радянською владою, а сейчас в Сибири в ссылке. Я работал контролером в райсберкассе. Думаю, что теперь справедливость победит. И я как прямой наследник могу вступить господарем нашего нерухомого майна. Будьте добры, возьмите бумагу, переданную вам районным бургомистром паном таким-то. Приказано оказывать содействие". А его нерухомое майно - недвижимое имущество - это изба-читальня и детские ясли, два чуть ли не самых лучших дома в селе. Ну что делать с таким фруктом? Разговор

интеллигентный, обращение деликатное. Стукнуть по шее? - нет подходящей придирки.

Бодько замолчал.

- И, надо сказать, он не первый, - продолжал он после минутного раздумья. - Уже четыре кулака и два подкулачника прибыли. "Выселяйте, требуют, - колхозников куда хотите. На то вы и власть. Есть немецкий закон: все возвращать нам". "Интеллигента" этого я в хату-читальню вселил. И сказал еще, что книги, всю, какая есть, библиотеку отдаю ему в компенсацию за его страдания. Посоветовал, как следует их спрятать. Так он даже политическую литературу, книги Ленина и Сталина, тоже припрягал. Что значит кулацкая натура! Все прибережет. Ну, и пусть бережет. Наши вернутся, мы свое возьмем. А других, которые на дома колхозников зарятся, я пока за нос вожу. Народ на них ужасно зол. Одного уже "в темную" малость изуродовали. Пришел, конечно, слезы лил. "Что, - говорю, - я могу сделать? Народ несознательный. Полицаев у меня пока що не мае. Почекай трохи, поки укрепыться нимецький порядок..." И что я скажу, товарищ секретарь, это даже хорошо, что кулаки возвращаются. Народ злее против немца будет.

Меня уж в старостате в Прилуках спрашивают: "Какая у вас способность поставок, сколько в селе зерна да сколько свиней? Ведите потихоньку учет, а если преуменьшите данные - капут!" Ну, а я учет как веду? Прихожу в хату, если человек свой, советский, спрашиваю: "Лопата есть? А почему яму не копаешь? Имейте в виду, что все надо прятать. А главное, хлеб надо прятать. Поросят, овец, крупный рогатый скот надо резать, солить и поглубже закапывать в землю". Тут у меня богомолка одна стала активной помощницей. Она, как только первые немцы в селе появились, взвод самокатчиков, вышла к ним навстречу с хлебом-солью. Повязалась белым накрахмаленным платочком, низко кланялась. А дня через два прибыли мотоциклисты. Эти у нее поросенка забрали. Ох, и смеялись же соседи над той бабкой! Теперь ходит как агитатор и всюду немцев клянет последними словами: "Бандиты, - кричит, - ироды, останнього кабанчика забралы! Ховайте все, люды добрые. Це сам сатана гряде!" В таких житейских, маленьких делах я, товарищ секретарь, немного разбираюсь и, надеюсь, не пошатнусь. Хотя должностишка моя теперешняя довольно ядовитая. Что людям ни говори и сколько для народа ни старайся, - многие катом считают. Только и утешение, что история оценит... - усмехнулся Бодько. - Здоровьем меня бог не обидел, руки, ноги в силе, голова не болит, зато душа болит, товарищ секретарь... Ну, да что обо мне говорить. Кто я, что я?

В этом самоуничижительном вопросе почувствовал я и нотку обиды. После долгих расспросов Бодько сказал, что не может, никак не может примириться с решением райкома об исключении его из партии. Но суть дела, причину исключения Бодько не стал мне излагать.

- Не время сейчас говорить об этом, Алексей Федорович, - сказал он. В душе я по-прежнему большевик. Кончим войну, тогда и определите, гожусь ли я и допустимо ли простить мои прегрешения против партии. А сейчас я, в моем положении исключенного, могу партии большую помощь принести... Впрочем, давайте лучше о наших делах.

Первое: как быть с колхозом? То есть с имуществом? Что можно, мы по дворам роздали. Скотину всю, семенной фонд, мелкий инвентарь. Но есть у нас молотилки, крупорушки, сеялки. Уничтожать? Рука не поднимается. Второе - кадры. Люди-то в последние годы стали совершенно другого калибра. У нас и трактористы, и бригадиры-полеводы, и доярки-рекордсменки. Они в маленьком, личном своем хозяйстве нервничают, скучают. По немецким инструкциям полного разделения артельного хозяйства нет. И, говорят, не предвидится. Оставляют общины, чтобы легче тянуть. Но мы в общине так: шаляй-валяй. А люди привыкли по-настоящему, от души работать. Ведь до чего доходит: захожу как-то вечером к трактористке одной на огонек. Подруги к ней собрались, сидят кружком. Думаю, не иначе, гадают. Нет, смотрю книга. "Чем, - спрашиваю, - увлекаетесь?" И, что вы думаете? Они, оказывается, техминимум по трактору повторяют.

Ну, как тут быть, товарищ секретарь? Ругать, хвалить, плакать? Люди к книге приучены, к радио, к фильмам: к нам каждые три дня кино привозили.

Недавно тоже случай вышел, стыдно рассказывать, меня чуть дети не убили, пионеры. Стал я замечать, что кто-то потихоньку разбирает и растаскивает части с веялок, молотилок, конных граблей. Хозяйственный двор теперь без охраны. Я, признаться, даже и не подумал как следует - хорошо это или плохо. Скорее хорошо, потому что подходит под указание партии, чтобы разрушать хозяйство, не давать немцам. Но сам еще не додумался.

На днях иду полем в сторону крытого тока. Вдруг, смотрю, брызнули оттуда мальчишки, скрылись в кустарнике. Подошел к току, - там у нас движок стоит, - маховик снят, запальный шар отвинчен и все остальные гайки уже наполовину откручены. Я головой покачал. И не то, чтобы с сожалением, а просто от неожиданности. Потом осмотрелся кругом, вижу неподалеку от

кустов земля свежая и на ней приметный камень лежит. Пошел туда, тронул ногой камень, вдруг что-то мимо уха просвистело. Я наклонился. Бах в спину, прямо по хребту. Оборачиваюсь - гайка валяется. Разозлился ужасно и напролом в кусты. Представьте, поймал Мишку - по прозвищу Кочет. Схватил за шиворот, трясу, а он мне руки кусает, плюется и еще командует кому-то: "Кидайтесь, хлопцы, чего смотрите!"

А Мишка этот в прошлом году очень помог колхозу. Объявил игру "Тимуровское движение". Во главе бригады пионеров колоски собирал, в колхозном саду организовал охрану... Был друг он, а теперь - враг. Глаза горят, как у волчонка, и прямо воет от злости. Вдруг кидаются на меня еще пятеро. Свалили на землю и дубасят кулачонками под ребра. У меня уже злость пропала. Я кричу: "Стойте, хлопцы, не убивайте, я такой же, как и вы..." Поверили, отпустили, а потом мы с полчаса в тех кустах тайное совещание проводили. Я им блегка приоткрылся. Тогда и они рассказали, что части с машин обмазывают автолом и зарывают в землю. А сверху кладут приметные камни. Я это дело утвердил, НО только мы придумали другую систему знаков. С камнями было слишком заметно.

А теперь важный вопрос, товарищ секретарь, наиважнейший вопрос. Мне известно, как партия учит: люди - самый ценный капитал. Я здесь местный управитель, поставленный будто бы немцами, а на самом деле советской властью и подпольной партией большевиков. И я приучен к плану и к учету. Я приучен считать. Подсчитал. Есть в селе 206 трудоспособных мужчин и 512 трудоспособных женщин. Без старух, без стариков, без подростков. Мужчины разные - и пришлые - сомнительные, и проходящие - из пленных, из бродячих по случаю войны. Я их от немцев, конечно, и берегу и буду беречь. Это к слову. Но есть немало и своих, так сказать, кровно принадлежащих нашему селу. А женщины почти поголовно здешние.

Спросите: к чему считал? Да вот к чему: ведь это сила. И с мирной точки и с военной. А сила эта по домам сидит. Голову на руки положат, по окошкам глядят. Как же, ну как, товарищ секретарь, эту силу против немца повернуть, чтобы каждый боролся?!

Бодько говорил все это с сердцем, почти кричал, он то садился, то поднимался и ходил по комнатке; и видно было, что вопросы он задавал не столько для того, чтобы получить на них ответы, сколько хотелось ему выговориться, излить душу.

Старушка Симоненко внесла в хату ведро с водой. Бодько взял ведро обеими руками, поднес к губам и долго, не отрываясь, пил. Я обратил внимание на его большие, все в черных шрамах

рабочие руки. Жадный к жизни и труду человек! Судьба же подсунула ему роль мнимого предателя.

Пришлось кое в чем его поправить:

- Вы вот говорите, товарищ Бодько, чтобы каждый боролся против немца. Каждый - не выйдет! Сейчас надо к людям подходить с большей осторожностью, чем когда-либо. Ведь вы сами рассказывали: возвращаются кулаки. Вы назвали цифры: столько-то мужчин, столько-то женщин. Давайте разберемся, как они и о чем думают и мечтают у себя по хатам...

Бодько плохо слушал. Он рвался в бой.

До моего ухода из Лисовых Сорочинц мы виделись с ним еще не раз. Зашел я и к нему домой. Жена его и взрослая дочь приняли очень радушно. Усадили за стол:

- От опробуйте домашнего окорочка. Зарезали порося совсем молоденького. Наш батько говорит - риж усе, щоб нимцям не дисталося.

За столом сидели какие-то гостившие у Бодько люди. Я тихонько спросил у хозяина: "Что за народ?"

- Не беспокойтесь, Алексей Федорович, свои, советские люди, от немца прячутся.

Один из этих "своих людей" пришелся мне явно не по сердцу. В лице его было что-то постное, сектантское. Человек лет сорока пяти, глаза маленькие, бегающие, редкая прозрачная борода. Я его про себя назвал "баптистом". Одет он был в красноармейскую форму, но держался так, будто у него власяница под гимнастеркой: все время ежился. Он как-то преувеличенно низко кланялся:

- Спасибо хозяюшкам за приют да за ласку!

Потом долго жалостливо тянул:

- Где-то далеко, на той сторонушке, детки мои тятеньку ждут. А тятенька к немцам попал, тятенька слезы по деткам льет...

- Слушай, друг, а кем ты до войны работал? - не удержался, спросил я.

- По вашей части, - ответил он и сразу же поторопился осклабиться.

- То есть, как это по моей, я из лагеря вышел, - пошутил я, но вдруг заметил, что этот тип осторожненько подмигивает, как бы предупреждая, чтоб я не очень-то раскрывался. На мой вопрос он ответил довольно развязно:

- Где служил - тем не дорожил, а теперь, видите, брожу - побираюсь.

Пока обедали, он все ко мне жался и, улучив момент, шепнул:

- Хозяин-то, видать, из сильно советских.

Так же шепотом, подыгрываясь под него, я спросил:

- С чего это ты взял?

- Были разговоры... Кто его только в старосты определил?

И тут я его сразу огорошил так, что он сник и больше уж не расспрашивал:

- Я его назначил и тебя не спросил!

У Бодько всегда кто-нибудь гостил. Он охотно впускал к себе в дом, кормил, лечил, снабжал одеждой. Перебывало у него, наверное, не меньше человек двадцати пяти, за это ему, конечно, честь и хвала. Большинство его "постояльцев" присоединились позднее к партизанским отрядам. Но горяч был больно Егор Евтухович и всем без разбора душу раскрывал. Я предостерегал его, но это не помогало.

По моей просьбе Бодько сходил в Прилуки, чтобы связаться с тамошними подпольщиками. Связаться ему не удалось. Но кое-что интересное узнал:

- На совещании старост говорили, что в районе и в городе арестовано больше тридцати партийных и советских активистов. Восемнадцать из них уже расстреляны. Там же говорили, что в области появился Федоров. Дано задание всем старостам и полицаям немедленно докладывать о любом слухе, по которому можно установить ваше местопребывание.

Тут Бодько заговорил шепотом, но и шепот у этого человека был такой, что его, верно, на улице слышали:

- А меня районный бургомистр особо вызывал: "Слышал я, что Федоров двинулся в направлении ваших мест. Покажите, на что вы способны. Если нам с вами удастся изловить..." И такого он насулил, что я до дому чуть не бежал. Надо вам, Алексей Федорович, перебираться...

*

Ночью, часа, наверное, в три, я проснулся и мгновенно вскочил с постели. Состояние было очень тревожным. Я вынул из-под подушки пистолет, положил рядом с собой. Сердце стучало так громко, что мешало прислушаться. Казалось, за дверью хаты кто-то шепчется. Я старался себя успокоить, не хотел напрасно, по пустякам будить хозяев.

Густо капало с крыши, потрескивал под образами фитиль лампады. Больше ни звука. Я хотел уже снова лечь, решил, что взбудоражили меня разговоры с Бодько и теперь всюду мерещатся преследователи. Но опять за дверью зашептались - я различил несколько голосов. Кто-то прошлепал под окном, шумно оступился в лужу и ругнулся. Я растолкал Ивана. С печи сползла хозяйка, махнула мне рукой и на цыпочках подбежала к двери. Иван дал мне в левую руку гранату и встал рядом. Его мамаша

прижалась ухом к двери.

В окно постучали. Но не требовательно, как это сделали бы немцы или полицаи, а робко, мякотью пальцев.

- Кто? - громким шепотом спросила хозяйка.

Иван прижал губы к моему уху:

- На обман берут, сейчас скажут, что свои.

И, в самом деле, из-за двери ответил женский голос:

- Свои, бабушка, отворите...

Симоненчиха повернулась к сыну:

- Це Зинка Татарчук, бригадирша, чего ей тилько надо? Открывать?

- Видчиныте, не тревожтесь... - уговаривал женский голос.

- А кто с тобой?

- Усе свои, бабушка, Никита и Сашок, да еще Дулева Верка, видчиныте, мы до гостя вашего, вин сам велел.

Старушка сняла крюк с двери. Иван осветил фонариком лица вошедших. Я сразу же узнал бригадиршу, с которой беседовал дня три назад. Ту самую, что в Москву, на сельскохозяйственную выставку ездила.

- Проходьте скорее, - торопила старушка, - не холодите хату!

За бригадиршей в комнату стали протискиваться трое, четверо и еще лезли из темноты.

Хозяйка замахала руками:

- Скилько вас тут, идыть, идыть на двор! Чи ты, Зинка, сказилась.

Бригадирша приказала двоим остаться, а остальных выдворила за дверь. Потом обратилась ко мне:

- Може, и мы выйдем, товарищ...

- Орлов, - подсказал я ей. Понравилось, что она запомнила с того раза и уже не называет меня настоящим именем. - В чем дело? Нельзя ли поскорее? Говорите здесь, этим людям я доверяю.

Бригадирша хорошо улыбнулась.

- Бабушке Симоненко усе можно доверить. Вона, як маты ридна... А прийшлы мы вот чого, товарищ Орлов. Вы мне третьего дня говорили, що треба сколотить группу, идти до лису. Так вот она и группа - двенадцать хлопцив и трое нас, дивчат. Оружие у нас таке: восемь гранат, две винтовки; уси за поясом с ножами, хлиба та сала на недилю, одного нема, товарищ Орлов...

- Плана действий?

- Ни, план есть. План такий: пробыраемось на Ичнянськи леса, а колы там партизан не найдемо, пидем дальше, к Орловской области. Не може того быть, чтобы партизан не нашли. Тилько вот у нас який недочет: споримо, кому командиром быть.

Ребята кажут - не надо командира. А я считаю - так идти не можна. С того часу, як мы выйдем - уже группа наша партизаньска. Так, товарищ Орлов?

- Правильно.

- Ну, що я казала? - обратилась она к хлопцам. - А колы мы партизаны, значит, треба и дисциплинку знать. Кто побежит - дезертир, и тому, - в голосе ее появилась жесткая, металлическая нотка, - тому, кто побежит или, того хуже, руки до горы поднимет, - смерть!

- Думаю, что командиром вам как инициатору и надо быть, - оказал я бригадирше.

- А, може, вы, товарищ Орлов, не думать будете, а властью своей назначите? Так воно крепче, тем более люди наши догадываются, что назначение и приказ от партии... Видчыныте, бабушка, трохи дверь. Хай партизаны приказ товарища... Орлова послухают.

Было в голосе этой девушки столько требовательности и сознания своей правоты, что старушка безоговорочно ей подчинилась. Я тоже понял, что командование ей доверить можно и что мой приказ имеет большое значение для всех членов группы.

- Зайдите сюда! - позвал я молодежь.

Выяснилось, что из пятнадцати членов группы - девять комсомольцы. Самой старшей была бригадирша. Ей - двадцать два года. Самому младшему Мише - четырнадцатый. Я хотел было его отговорить, посоветовал остаться. Не так-то просто было это сделать. Он рассказал о своих тимуровских подвигах... Высокий, крепкий хлопчик с дерзким взглядом.

- Я из боевой винтовки в самое яблочко попадал, я гранату умею кидать и мне, дядя, никогда не бывает страшно!

Первое впечатление от группы сложилось у меня очень хорошее: даже возникла мысль идти дальше, к Ичнянскому отряду, вместе с ребятами. Но уже в следующую минуту я отказался от этого намерения. Один из хлопцев сказал, что раньше, чем идти в лес, надо в селе уничтожить всех, кто тянется к немцам, назвал три или четыре фамилии. Он выдвинул совершенно сумасбродный план: сейчас же, ночью, пойти по хатам вернувшихся кулаков и подкулачников, закидать гранатами, а потом бежать. Парнишка был молодой, увлекающийся. Я думал, остальные сдержат его, объяснят парнишке, что так неорганизованно и непродуманно действовать нельзя. Нет, его план вызвал восторг большей половины собравшихся. Бригадирша, правда, пыталась утихомирить страсти:

- Яки ж вы, хлопцы, неразумны. Мы и до лису не дойдем - нас нимцы выловят, усих повесят и село сожгут. Вот придем до партизан, там наша сила, там командир есть, вин знае, куда направить удар.

- Боягузка ты, вот что! - закричал автор плана.

Пришлось мне повысить тон. Я приказал немедленно замолчать. Ребята подчинились, но понятно было, что внутри они кипят. И я догадывался - как только выйдут из хаты, опять начнут спор.

Мы вели беседу в полутьме, лиц моих гостей я почти не видел. Голоса они определенно меняли, старались для солидности басить. Закуривая, Симоненко поджег в печи бумажку. Он ярко осветил на мгновение всю группу, и тут я увидел, какую зеленую молодежь собрала бригадирша. Тогда я опросил каждого по очереди. Только пятеро работали в колхозе как подростки, остальные - ученики шестого и седьмого классов. Они, конечно, не представляли еще, какие трудности выпадут на их долю в партизанском отряде. Увлеклись. Хотели поскорее начать драку, стрелять, кричать ура.

Отказаться совсем от помощи такой безусой молодежи? Нет, разумеется, ребята эти могут принести немалую пользу подпольным организациям и партизанским отрядам. Жаль, ах как жаль, что так мало времени мы смогли уделить предварительной подготовке людей.

Я отобрал шестерых - самых старших, им разрешил идти в отряд. Мише и остальным школьникам предложил организовать на месте подпольную группу: писать листовки, подбрасывать их в хаты, наладить связь с молодежью соседних сел. Они согласились, но были явно разочарованы.

На этом мы расстались. Остаток ночи я не спал. "Ведь в каждом селе, думал я, - десятки подростков так же, как и эти ребята, непродуманно, неорганизованно полезут в драку. Многие, по недостатку опыта, Пропадут. Намерения у них чистые, благородные. Их толкает на борьбу патриотизм, воспитанный советской школой, комсомолом. Но ни школа, ни комсомол не готовили, конечно, из них подпольщиков и партизан".

Старушка Симоненко, будто угадав мои мысли, рассказала, что когда первый раз остановились в селе немцы, мальчишки безбоязненно шныряли среди них, а Некоторые даже передразнивали солдат.

- Соседский хлопчик Микола немецкого ефрейтора так раздразнил, що вин его связал и пид стол бросил. Три дня нимцы в селе стояли, и три дня Микола связанный пид столом лежал. Солдаты, як обидать садятся, - Миколку ногами шпыняют и куски

ему, як собаке пид стол кидают. Вин ничего не ел и пить не просил. И выжил. Откуда тилько сила в таком малыше?

Позднее я убедился, что сил и революционной страсти в этих маленьких гражданах нашей страны очень много. И всюду, где к этому прибавлялись хотя бы попытки организованности, сельские комсомольцы и даже пионеры оказывали очень существенную помощь подпольщикам и партизанам.

*

Мой хозяин - Иван Симоненко - тоже собирался в путь. Мамаша его напекла в дорогу пироги, начинила домашнюю колбасу. Я продолжал звать Ивана с собой - к партизанам, а он стоял на своем: "Партизанское дело темное, неверное, да и как с дубинкой и, в лучшем случае, с винтовкой и автоматом идти против танков, авиации, артиллерии? Нет, товарищ Федоров, этот дедовский способ воевать наскоками из леса устарел, ни к чему хорошему не приведет".

Что ж, пришлось расстаться с моим товарищем по скитаниям.

Он пошел на восток - к фронту, я - на запад.

Последнее дело, которое мы сделал и вместе, было хоть и необходимым, но грустным и неприятным.

Поздно вечером мы вышли в сад и вырыли под яблоней могилку глубиной сантиметров в семьдесят - схоронили в ней наши документы.

Нелегко было решиться на это. Хоть и была ясна директива Центрального Комитета: уничтожить или надежно спрятать все обличающие партийных работников бумаги, расстаться с ними было очень больно. Больно потому, что каждый документ - частица твоего прошлого, твоей души.

Часа три, не меньше, мы с Иваном потратили на подготовку... Готовиться, собственно, было нечего. Мы перелистывали, пересматривали бумаги; кое-что вспоминали и рассказывали друг другу. Вот мое удостоверение члена ЦК КП(б)У. Оно затекло и побурело, будто прошлогодний лист. Замочил я его, перебираясь вплавь через реку. Другие документы пострадали не так сильно. Депутатский билет Верховного Совета СССР, ярко-красной кожи с золотым тиснением, только чуть намок. Мне его вручил народ, тот самый народ, что и теперь окружает меня. И старушка Симоненко, и Егор Евтухович Бодько, и портной, костюм которого я вчера надел, - это все мои избиратели. Алую книжечку, свидетельство их доверия, мне придется сейчас закопать в землю. Достану ли я ее когда-нибудь?

Мы тщательно обвернули каждый документ газетой и всю пачку обмотали резиной от противогаза. Потом спустили на дно ямки, засыпали землей, притоптали...

У меня осталась только одна справка: "Дана сия Костыре Алексею Максимовичу в том, что он был осужден в 1939 году за растрату и 18 августа 1941 года освобожден досрочно из лагеря..." Все это удостоверяли соответствующие подписи и печать.

Вечером я попросил старушку Симоненко меня проэкзаменовать.

Ивана в это время не было дома. Старушка чистила картошку для прощального ужина и попутно "допрашивала" меня:

- А где ж вы работали до ареста?

- В магазине No 16 Горловского горторга, в Донбассе.

- Який же то был магазин, промтоварный чи продуктовый?

- Хлебная палатка. Я ею заведывал.

- А ты як же, проворовався, чи обвешивал потребителя?

- Всякое бывало, господин следователь, и воровал о обвешивал.

- А на окилькн роиив тебе засудили?

- На шесть лет.

- Тилько шо на шисть рокив? Що ж це таке за суд? Он и воровал, и народ обманывал и тильки що на шисть рокив?! - старушка так искренне возмущалась, что я решил прекратить экзамен. Видимо, роль мною была выучена хорошо, отвечал я вполне убедительно.

Другого случая проверить мое актерское дарование не представилось. Справку о том, что я растратчик, никому предъявлять не пришлось. Желающие могут ее увидеть в музее партизанского движения в Киеве.

*

Больше двух недель прошло с того дня, как я ушел из Пирятина и уже неделю находился в Черниговской области. Перевидал я за это время немало людей.

Тягостно было, что все еще не действую активно. Жажда конкретной деятельности, непосредственной борьбы с немцами была так велика, что я уже стал подумывать, стоит ли мне продолжать свое путешествие, Вот в Лисовых Сорочинцах есть немало людей, желающих бороться с оккупантами. Почему бы мне не сколотить здесь партизанский отряд? Вначале он будет небольшой, потом к нему присоединятся соседние села. План этот все больше меня привлекал, и я рассказал о нем как-то Бодько. Тот отнесся, конечно, восторженно, оказал, что с десяток винтовок добудет и что у одного хлопца есть даже автомат с несколькими запасными дисками. Соблазн был велик, но все же мне пришлось от этой мысли отказаться. Прежде всего надо же собрать в единый узел всю областную организацию. В том, что она существует, не могло быть сомнения... Через некоторе время,

хотя и не очень скоро, я узнал, что в дни моих одиноких скитаний, в конце сентября и в начале октября, в Черниговской области действовали уже многие подпольные райкомы партии и комсомола, сотни ячеек и групп сопротивления; усилия партии не пропали даром.

В начале книги я говорил о секретаре Холменского райкома партии Иване Мартьяновиче Курочке, пожелавшем остаться в подполье. Читатель, наверное, помнит, как энергично проводилась им подготовка подпольных организаций и партизанских отрядов. С первых же дней оккупации подполье в его районе начало действовать так слаженно, что почти не было села, не охваченного влиянием коммунистов, где бы не выступал народ против немцев: крестьяне саботировали выполнение приказов, уничтожали немецких ставленников, помогали окруженцам и пленным бойцам Красной Армии. Во всех населенных пунктах района были явочные квартиры; куда бы ни пришли представители подпольного руководства, они всюду находили надежных людей.

В одном лишь селе Холмы имелись четыре явочных пункта для подпольщиков. Это были обыкновенные колхозные хаты. У хозяев были припасены сухари и солонина на случай, если подпольщику надо немедленно бежать в леса. У некоторых и одежда была припасена. Придет вот такой Федоров в ватной куртке, а выйдет в полушубке. Глядишь, разведчики врага и собьются со следа.

Немецкие власти потребовали, чтобы рабочий и молочный скот, свиньи, а также запасы зерна, фуража, овощей и другое имущество колхозов было собрано и учтено. Новые власти-де приедут и распределят.

Подпольщики решились на дерзкий шаг: провести сессию Холменского райсовета по вопросу, как уберечь от немцев колхозное добро. Разослали повестки, пригласительные билеты, и днем 16 сентября, будто и нет кругом никаких немцев, в Холмы собрались депутаты, активисты, председатели и члены правления колхозов.

Руководил сессией секретарь райкома партии товарищ Водопьянов. Он сделал короткий доклад о ходе войны и о задачах советских людей, оставшихся в оккупации.

Сессия постановила всячески противиться немецким приказам и обязала колхозы немедленно, раздать имущество крестьянам. Что возможно закопать надежно спрятать, что нельзя - уничтожить. Вслед за сессией райсовета были проведены собрания и в колхозах. На каждом таком собрании участвовали секретари райкома партии и депутаты. Население воочию

убедилось: партия и советская власть живы, они действуют и, вопреки немецким приказам, издают в интересах народа свои постановления.

Первый секретарь Холменского райкома партии Иван Мартьянович Курочка лично руководил всей организацией сопротивления, руководил через людей, которых хорошо знал. В районе, одном из первых занятом немцами, действовало к этому времени шесть небольших партизанских отрядов. Они устраивали засады на дорогах, взрывали мосты, уничтожали немногочисленные группы противника. Особенно ценно было то, что с первых же дней оккупации холменцы наладили систематический прием по радио сводок Совинформбюро. Не реже двух раз в неделю коммунисты, комсомольцы и беспартийные активисты-агитаторы проводили в селах беседы с крестьянами, рассказывали о положении на фронтах, разоблачали немецкую лживую пропаганду.

В подпольной работе района благодаря умелому руководству участвовали все слои населения. Очень много делала сельская интеллигенция. Учителя, врачи, агрономы, ветеринары стали пламенными агитаторами и пропагандистами, принимали по радио сводки, переписывали их, распространяли среди населения, читали по хатам вслух.

Вот краткий рассказ о семье беспартийного учителя Маложена из села Жукли.

Савва Емельянович Маложен, больной, хромой старик, сам передвигался с трудом. Он почти безвыходно сидел дома. Писал листовки. Писал и в прозе и в стихах Его злые сатирические частушки и песенки передавались из уст в уста. Их пели и читали не только в Жуклях, но и в соседних селах. Писал старик, распространяли дочь Оксана и племянница Ирина. Обе комсомолки, смелые, находчивые, инициативные.

Учителя схватили агенты гестапо. Ему грозил расстрел. Оксана пришла в комендатуру и сумела убедить коменданта, что такой жалкий, больной старик, как ее отец, не может быть коммунистическим агитатором. Учителя освободили. Но вскоре попалась его племянница. Немцы пытали ее. Она никого не выдала. Незадолго до расстрела ей удалось передать Савве Емельяновичу две записки. В первой она писала:

"Дорогой дядя! Я не боюсь смерти, но только жалко, что мало пожила, мало сделала для своей страны".

Вот ее вторая, прощальная записка:

"Дядя, я уже привыкла, я здесь не одна, нас много. Не знаю, пустят ли домой. Быть может, и не пустят. Была на допросе. Мне показали заявление старосты А. Устиженко. Он предал нас, дядя.

Но все равно, я не боюсь смерти и умирать мне не страшно. Окажите маме - пусть она не плачет. Ведь все равно долго с ней я не жила бы. У меня своя дорога. Пусть мама спрячет хлеб, а то, немцы заберут его. Прощайте, ваша племянница Ирина".

В том же Холменском районе зародилась в сентябре 1941 года подпольная комсомольская организация с романтическим наименованием: "Так начиналась жизнь". Вначале это была небольшая группа комсомольцев, но постепенно она все разрасталась - в нее вошла вся лучшая молодежь Холмов. Каждый вступающий в организацию произносил торжественную клятву:

"Вступая в ряды подпольной комсомольской организации "Так начиналась жизнь", я перед лицом своих товарищей, перед Отечеством, перед всем моим многострадальным народом даю присягу вести смертельную борьбу против лютого врага - фашистов, бороться против них, не жалея своей жизни, пока земля наша не будет свободна от немецкой погани. Присягаю, что честно буду выполнять все поручения, возложенные на меня подпольной организацией, и лучше умру, чем предам товарищей".

Во главе группы стоял Коля Еременко, до войны инспектор политпросветработы. Группа очень энергично принялась за дело. Ребята и девушки писали, разбрасывали и раздавали листовки, были связными между райкомом партии и партизанскими отрядами, ходили в разведку, собирали для партизан оружие и боеприпасы.

В Черниговской области членов этой группы называют "холменскими краснодонцами". Да, они боролись, как краснодонцы, и большинство из них погибло героической смертью. В дальнейшем я расскажу подробнее о них; а в то время, о котором идет здесь речь, они только начинали свою работу.

В Холменском районе и партизанская, и подпольная деятельность коммунистов была хорошо подготовлена, а потому и развивалась быстрее и успешнее, чем по всей области.

И во многих других районах сопротивление народа немецким захватчикам стало к тому времени ощутимым.

В Остерском районе два партизанских отряда 15 сентября дали первый бой немецким автоматчикам, помогли группе красноармейцев выйти из окружения.

В Гремяченском районе подпольный райком сумел организовать саботаж в "выборе" старост. Население упорно не являлось на сходки. Тогда немцы решили обойтись без комедии выборов, назначили старост административным путем. Но в пяти селах: Гремяч, Бучки, Буда, Воробьевка и Каменская Слобода, - все назначенные старосты отказались выполнять какие бы то ни было распоряжения врага. Гремяченского старосту - товарища

Иваницкого немцы расстреляли, старосту села Бучки - товарища Калабуху - повесили, старосту села Воробьевка - товарища Федоренко - высекли розгами.

Слухи о немецком терроре распространились немедленно по всему району. Население стало уходить в леса.

В Козелецком районе первый секретарь райкома т. Яровой объединил несколько небольших отрядов и начал борьбу против сельских гарнизонов, полицаев и старост-предателей.

Комсомольцы-подпольщики Семеновского района собрали несколько десятков винтовок, пять тысяч патронов, сотни гранат и передали партизанам.

В Иваницком районе партизаны так активизировались, что немцы боялись сунуться в села. В населенных пунктах повсеместно работали органы советской власти.

Боевая группа Добрянского подпольного райкома КП(б)У пустила под откос два воинских эшелона, уничтожила немецкую дрезину и взорвала несколько вражеских автомашин.

В городе Нежине начал околачивать подпольную организацию прославившийся позднее слепой комсомолец Яков Батюк.

Но я обо всем этом узнал позднее и, когда выходил ночью из Лисовых Сорочинц, чувствовал себя одиноким.

Брел я по шпалам. Ночь стояла лунная, ветреная, очень холодная. Невдалеке выли волки, а может быть, волков и не было, в то время даже земля, казалось, должна была выть.

Пройдя километр с небольшим, я увидел взорванное здание станции Коломийцево. Путь был разворочен. Нигде вокруг не светилось ни огонька. Все, казалось, здесь вымерло. Я миновал станцию, перешел через небольшой мостик. Вдруг слышу, кто-то меня нагоняет.

- Хозяин, эй, хозяин! - голос как будто знакомый.

*

Прихрамывая, опираясь на палочку, ко мне спешил сухопарый мужчина в шинели и в шапке с опущенными ушами. Лицо, обросшее редкой бороденкой...

На всякий случай я нащупал в кармане гашетку пистолета. Задыхаясь от быстрой ходьбы, подошедший сказал:

- Узнал вас, батенька, легко узнал. По уверенности, по размашистой походке. Вы и при луне, как днем. Хозяин - всегда хозяин!

Это был тот самый "гость" Бодько, которого я окрестил про себя "баптистом".

- Разрешите присоединиться, Алексей... не помню, как по батюшке...

- Максимович, - ответил я недоброжелательно.

"Баптист" рассмеялся.

- Куда путь держите? Да чего я спрашиваю? Куда б ни пошли - всюду вам место и прием, сразу видать - хозяин. Другое дело - мы, пришлые. В родные места шагаете?

"Если субъект этот послан за мной один, я с ним в любое время справлюсь. Но похоже, что он меня не за того принимает", - так думал я и решил дать ему выговориться.

Он болтал охотно и гораздо откровеннее, чем у Бодько. Я заметил, что он пьяноват.

- Я тут, на вокзале, - продолжал он, - по стародавней привычке устроился... Уж сколько на веку своем путешествовал... Есть там две комнатки, пожаром нетронутые, холодно, так я самогоночкой подтопился. Куда пойдешь? В селах косятся и за деньги ничего, кроме самогона, не дают, ночевать не пускают...

- А что ж меня пускают?

- Так я вижу. И давно попутчика ищу такого.

- Какого это такого, чего жмешься?

Он опять рассмеялся, быстрым взглядом окинул меня и махнул рукой. Смех его мне ужасно не нравился. Верно, что по смеху можно определять человека.

- Говорить? - спросил он и огляделся по сторонам.

- Чего ж не говорить? Никого ж нет. Говори, конечно.

- Вижу я в вас настоящего хозяина... Был и я когда-то таким, да не столько я, сколько родитель мой. На мою же долю советская власть пришлась. Но и я, было время, держался. Землицу арендовал, мельницу отстроил. Не ветряк, как у вас здесь в Малороссии, а водяную мельничку...

- Какая к черту Малороссия?

- Понимаю и сочувствую. Но только уж очень меня тянет на слова, которые при советской власти запрещались. Да ведь не в том счастье, что Малороссия или Украина, а в том, что наконец-то опять наш закон будет! Хорошо вам. А к нам в Костромскую губернию когда-то еще немец придет.

Мы стояли у маленького железнодорожного мостика. Позади возвышались развалины станции, вокруг нее несколько служебных построек, по всему видать, брошенных. За мостиком начиналась степь. Километрах в трех чернело село. Там была явочная квартира, указанная мне Егором Евтуховичем Бодько. Смотрел я на этого костромского кулачка и не знал, что мне с ним делать. А он продолжал заливаться:

- Иду я так по Украине вашей, Алексей Максимович, и вижу - много еще дела надо, чтобы порядок восстановить. Пробовал сперва прямо говорить народу, что из хозяев я, что рад новой

власти. Только что не били, а есть никто не давал. Может, потому, что кацап. Нет, не то. Другой рязанский парень в момент пристроится. Хотел я один раз и горлом взять: давай, мол, вот немецкий пропуск, а то к властям пойду! Того хуже. Нет, Алексей Максимович, надо еще такую агитацию плеткой по заду, чтоб вспомнили царя-батюшку!!! - и в голосе его даже визг появился, так зло он это сказал.

Он явно рассчитывал на мое сочувствие. Мне очень хотелось тут же вот, не сходя с места... Вспомнил я шоферов: как они предателя просто решили. Ведь и этот ждет не дождется, когда ему немец в протянутую руку плетку вложит. Но там, почти в виду фронта, где убитых валялись сотни, случай с шофером прошел незамеченным. А я уже километров за сто в тылу. Чего доброго, явятся немецкие следователи из Прилук! Я соображал, как быть. Очевидно, кулачок что-то почуял недоброе, сразу осекся.

- А как у тебя насчет здоровья? - спросил я.

Он не ответил, понял, что происходит совсем не то. Лицо его прямо-таки почернело.

- Так, говоришь, костромской? Не бойся, идем вместе, со мной не пропадешь!

Я положил ему руку на плечо. Решил выйти с ним в степь. Там, в стороне от построек, было бы просторнее разговор кончать.

Он внезапно присел, извернулся и прыгнул в канаву, в тень моста. Я дал туда несколько выстрелов и прыгнул тоже вниз. Он громко закричал, застонал и вдруг ответил выстрелом. Зашуршал сухой бурьян, и в этот момент, как назло, луну закрыло облаком. Я еще с минуту елозил по дну канавы. Опять выстрел. Канава оказалась глубже, чем я думал. По ней текла вода, а берега обросли такой густой колючкой, что в темноте и разобрать-то ничего было нельзя. Меня еще слепила ярость. Лез напролом и запутался в колючках. Он же, верно, низом, по-над самой водой прополз.

- Утра, света дождусь, никуда, сволочь, от меня не уйдешь! - кричал я с остервенением в темноту. Но, когда немного остыл, понял: так нельзя.

Выбрался из канавы. Луну заволокли тучи, стал моросить дождь. Но глаза уже привыкли, кое-что видно, очертания дороги разобрал. Постоял еще у моста с пистолетом минут десять. Ох, и ругал же я себя! Но что делать? Пришлось уйти.

То, что он не стрелял мне вслед, дало мне основание думать, что я его ранил и даже, может быть, смертельно. Никому я об этом случае не рассказывал. Глупо вышло. До сих пор мне совестно: явный предатель ускользнул у меня из-под носа.

Я шел по степи удрученный и очень злой. Дождь усиливался, мокрый ветер бил меня по лицу. Но уж никак я не думал, что этой же ночью на мою долю придется еще одно приключение довольно неприятного свойства.

Часа в четыре утра я вошел со стороны огородов в село Левки Мало-Девицкого района и постучался в окно хаты, указанной мне Бодько.

За дверью переругивались два голоса - мужской и женский. Женский был решительным и властным, мужской - раздраженным и визгливым. Мой стук не сразу услышали.

- Эх ты, голова! - кричала женщина. - Голова ты был, головой и остался. Да что у тебя в той голове? Ну, чего молчишь? Говори, чи в твоей голове - навоз, чи опилки?

Мужчина предпочел этот прямо поставленный вопрос пропустить мимо ушей.

- Ты, Марусенька, взгляни в корень, конкретно...

Я постучал громче. Спорщики разом смолкли, потом зашептались, потом стали двигать какой-то тяжелый предмет. Минуту спустя женский голос, стараясь казаться ласковым, спросил:

- Кто там? Кулько хворый лежит.

- Отворяй, хозяйка, отворяй. Да поскорей, свои! Скажи Кузьме Ивановичу - Федор Орлов, старый друг его.

Федор Орлов - моя партийная, подпольная кличка. Ее знали все оставленные для нелегальной работы в области.

Хозяйка ушла; вероятно, совещалась с мужем. Вскоре она вернулась и отворила дверь. Не поздоровавшись со мной, она ткнула в сторону печки:

- Там лежит!

Кузьма Кулько лежал на печке, закутавшись в одеяло до самого подбородка. Его жена подняла повыше каганец, чуть не сунула мне в лицо.

- Узнаю, - сказал Кулько. - Действительно, Федоров. А мы, Федоров, с жинкой все нимцев ждем, так вот выработали план конспирации: я тифом "болен". Они, говорят, к тифозным никого не ставят и вообще ужасно сторонятся.

- Совершенно верно, - серьезно ответил я. - Хаты тифозных, туберкулезных, дизентерийных и всех прочих инфекционных больных они заколачивают снаружи, обкладывают соломой и сжигают вместе со всем добром.

Не знаю, поверил мне Кулько или нет, только с печи сарвался, как ужаленный. Он быстро натянул порты и рубаху, сел к столу и молча стал смотреть на меня. Жена его тоже молчала, но я заметил, что по лицу ее блуждает довольно ехидная

улыбочка.

Я уже немного обогрелся и стал, не торопясь, оглядывать комнату. Поведение хозяев было странным. И раньше, чем начать беседу, мне хотелось понять, с кем я имею дело. Кулько я знал только, так сказать, в официальном порядке: встречался в Чернигове на разных областных совещаниях, разговаривал с ним, когда приезжал в Мало-Девицкий район. Средний работник. И внешность у него довольно ординарная: средний рост, средняя полнота, лысина посреди затылка. Одевается, как все. В село Левки он переехал из районного центра по указанию подпольного райкома. Хата, где он устроился, принадлежала не то его родителям, не то родителям жены.

Как ни плохо освещалась комната, я, по многим признакам, понял, что хозяева не то делят имущество, не то готовятся его вывозить. Большой сундук был так набит, что крышка не закрывалась. На составленных стульях лежало несколько свежедубленых полушубков. Новые ведра, штук десять, засунутые одно в другое, стояли в уголке и тут же, рядом, в куче, валялись сбруя, уздечки. Под диван торопливо засунут углом ящик с хозяйственным мылом. На большой кровати в беспорядке свалены детские пальтишки. В довершение всего из-под кровати вдруг высунул голову и заблеял баран.

- Ну, что ж, товарищ Кулько, расскажите, - попросил я хозяина, - что у вас делается, как идет работа? Где немцы? И вообще все...

- Тут в Левках, - начал довольно неуверенно Кулько, - есть народ. Несколько приезжих и свои, районные коммунисты. Готовимся помаленьку... Це дило новое, так оказать, оргпериод. Предполагаем собрать расширенное бюро.

Его прервала жена:

- Брось ты, Кузьма, трепаться. Расширенное бюро, заседания! Что же, так и будешь сиднем сидеть? Чи мы дурнее других? Ну, чего очи таращишь? Ты, Кузьма, ясно скажи: он тебе друг? (Последнее относилось ко мне.) Ну, чего молчишь?

Кулько растерянно моргал глазами.

- Друг, друг! - сказал я хозяйке. - Будьте уверены.

- Ну, а колы друг, то и будемо балакать. Вы, уж не знаю, як вас краще звать, може бобыль бессемейный, а у мого диток куча. Повисять його, так нехай хоть нам-то кусок хлиба забезпечыть. Вы йому друг - так втемяште в його пусту башку, що нимцы, пока мы тут балакаемо, и прикатять...

- Прятать, конечно, нужно, - сказал я. - Что это у вас снаружи валяется? Тут, я вижу, и колхозное добро. Немцы, действительно, могут нагрянуть...

- Так, товарищ Федоров, чи я не понимаю! - воздевая руки, вскричал Кулько. - Мы ж только что все это из подполья повытаскивали. Тут зараз почуешь - пустота, - стукнул он ногой по половице. - Нимцы-то ведь тоже не дурни. Попляшут на половице: а ну, скажут, давай, открывай.

- Вот так вторую недилю, щоб йому пусто, споримо, - опять начала жена. - То складем, то вытягнем... Ведь чего хочет, подлая душа: отнесем, каже, на той конец села, до мого батька. Та добре, если нимцы тебя схватят, так то я у свекра допрошусь... Все заберет. Дулю твоему батьке, дулю, да еще с маслом!

- Да мой батько честней тебя в сто раз.

Участвовать в семейной сцене не входило в мои планы. Я поднялся, надел кепку. Кулько, следуя моему примеру, тоже стал одеваться. Но жена уцепилась за его рукав:

- Никуда я тебя не пустю и не мичтай. Мало ты в своей райради назасидався, так и тепер тащишься.

- Да скажите, товарищ Кулько, к кому тут можно сейчас пойти, где тут у вас нормальные люди?

Он попытался высвободиться из рук жены, промычал что-то нечленораздельное. Я вышел, хлопнув с досады дверью.

Меня обдало ледяным ветром. "Ну и влопался, - подумал я. - Будь они неладны, и Кулько и его жена. Что же теперь делать? Стучаться в первую попавшуюся хату? Или поискать по старой привычке скирду?.." И я уже свернул было с улицы на зады, чтобы поискать за огородами стог сена, когда опять открылась дверь кульковской хаты, хозяин вырвался из нее, сопровождаемый плачем и угрозами.

- От ведь чертова баба! - воскликнул он, тяжело дыша. - Идемте, товарищ Орлов, проведу я вас до настоящих людей. А я, видать, загубленная душа! Э-эх, Олексий Федорович, научили бы хоть вы, как быть...

И пока мы шли, а шли мы вместе не меньше получаса, Кулько плакался на судьбу, говорил, что не было ему с этой женой никогда счастья.

- Вот погодите, Олексий Федорович, вы ее характер еще узнаете. Помянить мое слово, завтра к старосте побежит, скажет: секретарь обкома здесь.

- Да вы что, с ума сошли?

- Истинная правда, Олексий Федорович, хоть и моя она жена. Пятнадцать рокив я с ней живу, - говорил он, - вредная баба! От нее любой подлости можно ждать.

- Как же вы с ней жили?

- Так я и не жил, Олексий Федорович, только мучился.

Луна зашла, брели мы в абсолютном мраке, холодный ветер

сбивал с ног.

- Слушайте, Кулько, - сказал я в темноту: - Как только вы доведете меня до места, вы понимаете, что я вам говорю?

- Да, товарищ Орлов!

- Так вот: вы доведете меня до явки, немедленно вернетесь домой и заставите свою жену молчать.

- Так я лучше домой не пойду, Олексий Федорович...

- Нет, вы пойдете домой! Вы пойдете и сделаете то, что вам приказано!

- Слушаюсь, товарищ Орлов.

- Она знает, куда мы пошли?

- Знает!

- И знает всех, кто состоит в подпольной организации?

- Не всех, но многих.

- А вы всех знаете?

- И я не всех.

- Скажите, а вы понимали, на что идете, когда оставались в тылу у немцев?

- Ну, а як же. И тепер понимаю. Я свою супружницу эвакуировал, я ее сам на пидводу с детьмы усадил. Так вона одъихала километров на тридцать, круку дала и назад вертается... "Тю, - говорю ей, - погибель на твою голову, чого прикатыла? Тикай, куда хочешь, мени працювати надо". А вона уперлась и ни с места. А тым часом нимцы. Левки окружили и фронт передвыгнувся. Ну, що тут робыть?

Голос Кулько дрожал: казалось, он вот-вот заплачет от досады и беспомощности. Мне, однако, не было его жаль.

- Вы хорошо тут ориентируетесь? - спросил я. - Растолкуйте, как найти мне явочную квартиру, а сами дальше не ходите. Вам же приказ: делайте, что хотите, но Марусеньку свою заставьте замолчать. Глаз с нее не спускайте, не оставляйте ни на минуту, черт бы ее побрал!

Кулько минуту или две бормотал еще какие-то слова, потом все-таки повернул обратно. Я подождал, пока стихли его шаги, а потом и сам повернул, пошел совсем в другом направлении. Я пошел прямо через поле, по стерне, шагал часа два и к утру набрел на село Сезьки. На мое счастье, немцев там не оказалось.

*

Когда в Чернигове, у меня в кабинете, собирался подпольный обком и мы обсуждали, что и как будет в случае оккупации области немцами, в представлении рисовалась идеальная схема организации. В каждом селе, во всяком случае в большинстве сел, - подпольные ячейки, группы сопротивления. Во всех без исключения районах - партизанские отряды и райкомы партии. Первый секретарь, второй секретарь, на случай провала - их дублеры. Связь между отрядами, райкомами и ячейками повседневная. Обком инструктирует райкомы, райкомы инструктируют низовые организации, время от времени люди собираются на совещания. Конечно, строжайшая конспирация.

Даже позднее, после собрания в Яблуновке, после пирятинской неразберихи, после многих дней одиноких скитаний, я все еще воображал, что стоит попасть в Черниговскую область, в любой ее район, - я сейчас же встречу расставленных

по местам людей, кипучую деятельность.

Впрочем, казалось, что и немцы быстрее организуются на занятой их войсками территории. Уж никак я не мечтал, что смогу днем ходить открыто по дорогам, да что по дорогам - по сельским улицам. Думалось, что придется чуть ли не каждые два часа переодеваться, что за мной будут следить сыщики и я стану всякими хитроумными способами водить их за нос...

Заблаговременная подготовка баз для партизан, утверждение секретарей подпольных райкомов, организация подпольных точек сыграли огромнейшую роль. Абсолютное большинство оставленных в подполье людей с первого же дня начало работать. Только работа и обстановка оказались совсем иными, чем рисовало наше воображение.

Мы, например, совсем не учли, что подпольщику надо какое-то время, чтобы приглядеться и привыкнуть к новой обстановке, что ему придется переоценивать даже близких людей, по-иному строить с ними отношения. Не учли мы и того, что подпольщик впервые увидит немцев, впервые должен будет скрываться, впервые... да и не перечислить всего, что ему приходилось видеть и узнавать впервые.

Надо понять еще, что коммунисты, оставленные в подполье, в советское время занимали руководящие должности. Одни повыше, другие пониже, но все же большинство - люди заметные в районе, чуть что, детвора пальцами тычет, и не только детвора, колхозницы тоже запросто подойдут и прямо по имени...

Поэтому подпольщик на первых порах не столько работал, сколько переживал. И каждому человеку на переживания нужно было известное время. В зависимости от характера - больше или меньше. Если человек оставался с коллективом, переживания эти проходили легче. А если один - тяжелее. Некоторые просто заболевали... манией преследования.

Но оставим общие рассуждения. Свои переживания я уже описал довольно подробно. Признаться, мне они к тому времени успели надоесть.

Я стал разыскивать первого секретаря райкома, товарища Прядко, и бывшего председателя райисполкома, а ныне командира партизанского отряда Страшенко.

В селе Сезьки оказался бывший заворг райкома партии Беловский. Не стану описывать нашу встречу. Принял он меня сносно, рассказал, что сам знал. А знал он, увы, немного: всего лишь за день до меня прибыл сюда. Он где-то под Киевом попал в окружение и побрел в родное село повидаться с женой. Задерживаться Беловский здесь не собирался. Подобно Симоненко, он стремился на фронт.

Беловский уже пытался разыскать секретаря райкома. Люди сказали ему, что Прядко семью свою эвакуировал, квартиру бросил и на пару с предисполкома Страшенко кочует из села в село.

Партизанский отряд в районе, кажется, был, но о нем сейчас что-то не слышно.

"Кажется... может быть... где-то, куда-то..." Меня такие указания не устраивали. Я поблагодарил хозяина и пошел спать на сеновал.

Я был утомлен. Предыдущую ночь много ходил, перестреливался с "баптистом", спорил с Кулько, за день тоже не отдохнул. Казалось бы усну, как убитый. Но то ли сено плохо защищало от холода, то ли нервничал, злился. Куда это, в самом деле, годится? Прошел через четыре района и не встретил по-настоящему организованного подполья. "А что значит по-настоящему организованное подполье?" - задал я сам себе вопрос. В Чернигове-то все ключи, все пароли, все явки были согласованы со мной. Конечно, не мог я запомнить каждого человека, но секретарей районных организаций знал, а раньше, чем выйти в немецкие тылы, я наметил себе и примерный маршрут, по которому пойду к областному отряду Попудренко. В этом маршруте были и явочные квартиры и условные обозначения людей (не фамилии, а именно условные обозначения, понятные только мне).

Но маршрут свой мне пришлось несколько изменить, а заметки и еще кое-какие нужные для ориентировки памятки я похоронил вместе с планшетом на дне реки Много.

Это была моя личная неудача, непредвиденная случайность. Какое же право я имею сетовать на то, что не встречаю организованного подполья? А Бодько, а товарищи из Игнатовки, разве это не члены подпольной организации? Я возмущаюсь тем, как ведет себя Кулько, возмущаюсь, что ничего толком ему неизвестно. Но ведь и районное подпольное руководство знает, вероятно, о "семейных неурядицах" Кулько и потому держит его в неведении о своих действиях и планах.

Так размышлял я тогда, ежась от холода на сеновале. Много позднее я понял, что "непредвиденные случайности", неудачи отдельных людей и даже значительных групп не страшны, если большой план хорошо продуман.

В большом плане подпольного обкома было определено: в каждом районе столько-то низовых организаций, столько-то явочных квартир в таких-то населенных пунктах. Этот большой план был выполнен. Районные организации были, явочные квартиры были. И уж, конечно, не всегда подпольщик нарывался

на какую-нибудь семейную драму. Но полезно было узнать, что явочная квартира - это не станция железной дороги с буфетом, готовым кипятком, часами и прочими станционными атрибутами.

Умение не нарываться - это уж дело личного опыта каждого подпольщика и партизана. И опыт, который я приобрел на пути от фронта к областному отряду, сослужил мне впоследствии огромную службу. Я научился ходить, научился видеть и слышать. Я узнал, что искусство подпольщика в том и состоит, чтобы понять природу "случайностей" и чтобы "случайность" тоже обернуть на пользу большому плану борьбы с врагом.

То, что я затоптал в глинистое дно реки Много свой планшет, не сбило меня, конечно, с пути. Я хорошо знал, если не каждую тропку, - любой маленький проселок, любой хутор нашей Черниговской области. Будь у меня адреса явок, я быстрее нашел бы своих людей. Но задержка обернулась мне в пользу. Я близко познакомился с жизнью народа в оккупации, я узнал настроения людей, я научился подбирать ключи к разным людям...

Я еще долго ворочался с боку на бок и в конце концов начал подремывать, как услышал вдруг чьи-то шаги и голоса. Я насторожился. Вскоре понял, что разговор меня не касается, и надвинул кепку на уши, чтобы не мешали спать. Но не помогло, сон отошел, и я невольно подслушал... влюбленных.

Возле сарая, в котором я лежал, вилась среди кустов довольно живописная тропинка. Луна в эту ночь была чиста от облаков, только ветер бушевал по-прежнему. Влюбленные, судя по голосам, комсомольского возраста, сперва маячили возле моего пристанища, а потом уселись в непосредственной близости от меня.

- Какие же мы несчастные, - говорила девушка. - Не було б вийны, закончили б хату, та писля уплаты по трудодням и переехали б...

- Эге, - согласился парень. Он большей частью ограничивался такими короткими замечаниями. Да еще иногда прерывал свою подружку поцелуем. Это, впрочем, не мешало ей высказываться.

- Слухай, Андрию, - сказала она с какой-то сладчайшей интонацией, - а когда ты вернешься с войны зовсим, мы до загсу пидемо?

- А як же!

- А радиолу, як у Карпенки була, купемо?

- Эге.

- А учиться ты мене в педагогический институт пустишь?

- В Днипропетровск?

- Ни, в Чернигов.

- Тильви в Днипропетровск. Там металлургический техникум.

А педагогический в каждом городе есть. Я буду в металлургическом, ты - в педагогическом...

- Ни, Андрию, поидемо в Чернигов!

Казалось, у этих молодых людей чувство реальности совершенно отсутствует. Они говорили о своей будущей учебе с такой естественной уверенностью, будто нет ни войны, ни оккупации. Спор о том, ехать ли им в Чернигов или же в Днепропетровск, тянулся довольно долго. Он был, верно, давнишним. Стороны к соглашению не пришли, и девушка переменила тему. После очередного поцелуя она еще более сладким голосом спросила:

- Андрию, ты меня любишь?

- А як же...

- К себе возьмешь?

- Я тебе самолет вышлю.

- Ни, правда, Андрию, не шуткуй, пришли записочку, я сама к тебе приеду. Я же комсомолка, Андрию. Скажи командиру: есть у меня дивчина гарна. Стрелять умеет, борщ сварит, раненого перевяжет.

Разговор становился для меня все более интересным. Хотелось вылезти и спросить без обиняков, в какой отряд собираются влюбленные, где он дислоцируется, да, кстати, узнать, и как его успехи. Но, поразмыслив, я решил, что или очень напугаю, или, если парень смелый, могу и по шее получить. А то, что он не трусливого десятка, выяснилось на следующем этапе разговора.

То ли я шевельнулся, то ли еще какой-то посторонний звук достиг ушей влюбленных, только девушка вдруг встрепенулась и тревожным голосом стала умолять Андрея поскорее уходить.

- Ой, Андрию, неспокойно мое сердце. Как же они твоего дружка штыками толкали. Сами на конях, а он пеший. Як до хаты подойдут: "Шукай!" говорят, а сами под ребра штыками торк...

- Он мне не дружок. А если бы мне дали добрую плетку, так я бы его стеганул.

- Его же немцы расстреляли. Если бы он был ихний, они б его не стреляли.

- Так то со злости, что меня не разыскали. А если бы он меня к их коменданту доставил, не расстреляли бы...

Вот, оказывается, кто мой влюбленный. Теперь мне захотелось вылезти лишь для того, чтобы пожать ему руку.

Сегодня жена Беловского рассказала о случае, происшедшем в соседнем селе накануне утром. Я слушал ее не очень внимательно; рассказывает, дескать, чтобы напугать непрошенного гостя и поскорее избавиться от меня: мол, тут

небезопасно. Но оказалось, это она не выдумывала.

Некоторые подробности этой истории я извлек и из разговора влюбленных. Андрей, хоть и нарочно обходил эту тему по скромности или для того, чтобы не говорить о неприятном, но все равно кое-какие детали они с невестой вспомнили.

Так вот, в селе Ольшаны небольшой немецкий отряд захватил двух красноармейцев. Одним из них был Андрей.

Немцам в селе понравилось. Они проторчали там несколько дней, обжирались и опивались за счет населения. А задержанных пленных заставляли делать всю самую грязную, неприятную лакейскую работу. Напившись пьяными, били их, издевались. Но с глаз не спускали.

Вчера утром ефрейтор послал обоих пленных, а с ними и немецкого солдата, "за дровами" на чердак. Солдат дал Андрею топор и приказал рубить подпорки крыши. Вместо этого Андрей стукнул немца обухом по голове, схватил его пистолет и крикнул товарищу:

- Тикай!

Но тот схватил Андрея за руку и стал орать, звать немцев. Сильным ударом ноги Андрей освободился от "дружка" и выпрыгнул в слуховое окно. Пока немцы спохватились, седлали коней, Андрей пробежал с полкилометра за село. Там он увидел на току колхозников, молотивших пшеницу. Андрей скинул шинель и шапку, схватил цеп и стал работать. Преследователи проехали мимо, но не узнали его: впопыхах они не взяли с собой андреева "дружка".

Потом-то они сообразили. Связали "дружку" руки за спиной и, как рассказывала андреева невеста, отправились по хатам. Они кололи "дружка" штыками, били поминутно по щекам и ногами в живот. Пройдя два или три села, немцы, не разыскав Андрея, в бешенстве расстреляли "дружка" посреди улицы.

Теперь же Андрей собирался в Ичнянский отряд. "Хороший для меня попутчик", - подумал я. Но как я был рад, что не вылез из сена и не попытался заговорить... Андрей непременно всадил бы в меня пулю. В его положении иначе поступить было невозможно. За ним ведь гнались, его преследовали... Но замечательно, что после таких потрясений он мог говорить о будущем, об учебе, да и не только об этом...

Влюбленные щебетали еще очень долго, долго не давали мне уснуть и мучили еще тем, что заставляли лежать неподвижно.

Сеновал был открытый. Скрываясь от ветра, влюбленные зашли в сарай. Беседа продолжалась на самые различные темы. Определяли сроки окончания войны и сошлись на том, что через два-три месяца немцев с Украины выгонят. Оценивали мощь

уральской промышленности; спорили о том, скоро ли англичане откроют второй фронт. Я лежал и думал. Как это писатели наши изображают разговор влюбленных: птички, луна, закат. А вот, оказывается, любовь ни политики, ни экономики не чурается.

Очень трогательно мои влюбленные распрощались. И парубок обещал дивчина на этом настояла: как только дойдет он до отряда, даст о себе знать. Тогда и она туда проберется.

"Ну, из этого, положим, ничего не выйдет", - скептически подумал я. Но ошибся. Впоследствии я встречал в партизанских отрядах много влюбленных пар. Иные юноши и девушки рисковали жизнью, чтобы соединиться и воевать вместе.

*

Утром кто-то постучал в хату Беловского. Хозяин пошел отворять. Из сеней донесся знакомый голос. Смотрю - входит Кулько.

- Разрешите, - говорит, - доложить: задание ваше выполнил, жену обезвредил. Какие будут дальнейшие указания?

Появление Кулько было для меня совершенной неожиданностью. Я думал, что избавился от него. Думал, что и он был рад избавиться от меня. Но вот пришел и просит работы.

- Измучился, пока вас нашел. Три села пришлось обойти. Я считал, что вы пойдете, как мы условились, в...

- Подождите, товарищ Кулько. Расскажите сперва, что значит "обезвредил"?

Кулько покосился на Беловского, потянулся было к моему уху, но махнул рукой и сказал:

- Неважно, Олексий Федорович, потом скажу. Она жива, здорова. Но молчит и будет молчать. Это уж точно.

От Беловского мы вышли вместе с Кулько. Он попросился в провожатые. По его предположениям, Прядко и Страшенко находились в Пелюховке - селе, отстоящем от Сезек километрах в двенадцати. По пути он рассказал, что оставил жене все имущество; пусть прячет и закапывает, как и куда хочет. Соседкам своим - трем гарным, здоровым дивчинам - наказал следить за женой и никуда из села не выпускать. В случае чего - связать.

- Она теперь от своих тряпок никуда не тронется, ей никто не нужен, заключил он с горечью, и я понял - страдает человек.

Кулько довольно подробно обрисовал положение в районе: оказывается, в первые дни оккупации небольшой партизанский отряд стал лагерем в леске, что возле села Буда. Немцы пронюхали об этом и послали не то роту, не то взвод автоматчиков с собаками. Тогда партизаны решили изменить тактику. Секретарь райкома дал указание: разойтись по домам,

принять облик мирных жителей, попрятать оружие, а потом, по мере надобности, группами совершать набеги и диверсии.

Когда мы добрели до Каменского лесничества, Кулько отправился в Пелюховку искать секретаря райкома. Я его ждал на опушке. Вскоре он вернулся. На явочной квартире ему сказали, что вчера ребята подразумевались Прядко и Страшенко - были, а где теперь - неизвестно.

Мы зашли к леснику. Он тоже вчера видел и Прядко и Страшенко. Посоветовал сходить в Буду. Быть может, они там. Но и в Буде руководителей Мало-Девицкого подполья не оказалось. Так и повелось: куда ни придем, нам говорят: "Были незадолго до вашего прихода. Куда держали путь - не докладывали". Создавалось впечатление, что народ их от нас прячет. Видно, так это и было. Возможно, кое-кто думал, что мы немецкие агенты, посланные на розыски подпольщиков и партизан. Так с Кулько мы бродили четверо суток, пока на хуторе Жлобы не встретились с давним моим знакомым - Васей Зубко.

Встрече этой я очень обрадовался. Наконец-то человек, которого я лично знаю, которому вполне могу довериться.

Василий Елисеевич Зубко был в Малой Девице секретарем райкома комсомола, потом работал помощником секретаря райкома партии. Его послали учиться. После учебы направили для работы в органы НКВД.

О действительном положении в районе Вася Зубко был осведомлен не лучше меня. Он служил где-то под Киевом в специально сформированной из работников НКВД части. Часть эту противник сильно потрепал, из окружения выходили небольшими группами. После долгих мытарств и приключений Вася остался один.

- Мне сказали, что на Черниговщине вовсю действуют, потому-то я и пришел сюда...

Мы долго перебирали с ним общих знакомых, делились впечатлениями, наблюдениями. Зубко, подобно мне, долго бродил в одиночку по оккупированной земле. И самое главное: думал не о своей личной судьбе, а о народе, о том, как организовать народное движение сопротивления. Он рассуждал, как настоящий боец-подпольщик. Я почувствовал в нем боевого товарища.

Теперь мы уже втроем стали искать Мало-Девицкий райком. Чтобы не терять время попусту, мы разделились: Кулько направился в Малую Девицу, я и Зубко пошли в большое село Петровку. Там у Васи жил кум.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ОБКОМ ДЕЙСТВУЕТ

Кум Васи Зубко, некто Семен Голобородько, - полуинтеллигентный мужчина лет сорока пяти. В прошлом директор совхоза, а в последние годы рядовой колхозник, жил он, однако, пошире и покультурнее, чем средний крестьянин. По каким мотивам он остался в тылу у немцев, не знаю. Не знал этого и Вася Зубко.

Бывший директор совхоза, вероятно, - и бывший член партии, исключенный. Впоследствии это подтвердилось.

- Он хоть и кум мне, а вы, пожалуй, не раскрывайтесь, - предупредил меня Зубко.

Я надвинул кепку поглубже и, пока Вася обменивался с хозяином горячими приветствиями, сидел на скамье в позе очень утомленного человека.

Вскоре хозяйка собрала кое-что на стол. Мы с Васей поели фасолевого супа. Вася плел какую-то довольно хитрую историю; сочинял, надо признать, мастерски. Я же тем временем приглядывался к хозяевам и по их поведению чувствовал: что-то они от нас скрывают, волнуются, слишком часто переглядываются...

Улучив момент, я шепнул Васе:

- Пойду-ка я во двор покурю, а ты спроси напрямую: если засада, лучше поскорее пустить в ход оружие.

Через минуту Вася меня позвал, и Голобородько с таинственным выражением лица подвел нас к небольшой двери. Он постучал особым способом, дверь отворилась, и мы увидели высокого чернобородого субъекта в шинели, с винтовкой на ремне, и другого дядю, обросшего рыжей щетиной; он держал в руке наган.

Я окинул быстрым взглядом помещение. Это была просторная, сильно захламленная кладовая. На ящике горел каганец, в углу же светился зелененький глазок...

Вдруг человек с наганом кидается вперед с криком:

- Федоров, Алексей Федорович!

Он обнимает меня и крепко, по-мужски, троекратно целует.

- Стой, да кто это? Дайте хоть взглянуть!

Долго, при тусклом свете каганца, разглядывал я рыжебородого и с большим трудом признал в нем старого знакомого - Павла Логвиновича Плевако. Я встречался с ним в Остерском районе. Когда-то Павел Логвинович занимал там должность уполномоченного Комитета заготовок.

Темнобородый оказался работником Черновицкого обкома - Павлом Васильевичем Днепровским. С ним я раньше не сталкивался, но слыхал о нем; кто-то из друзей рассказывал, что есть такой весьма дельный человек.

- Ну, вот и хорошо! - Это было первое, что сказал Днепровский. Мы с ним тоже расцеловались, после чего Днепровский так же спокойно, баском, добавил:

- Це дуже гарно! - И, не меняя интонации, ворчливо продолжал: Гарно-то воно гарно, секретаря обкома вижу. А знает секретарь обкома, что у него в районах творится? Самое время развертывать силы, пока немцы с гестапо, с гаулейторами, с бургомистрами не подтянулись. Самое время!

Но я его плохо слушал. Меня манил к себе мигающий зеленый глазок и сухое потрескивание в углу кладовой. Определенно, там стоял радиоприемник. Я кинулся к нему, схватился за рычажки:

- А ну, давайте, товарищи, где тут Москва? Давайте Москву!

Я просто вцепился в приемник, вслушиваясь в его разряды и хрипы. От нетерпения я едва не бил по нему кулаком и без особого стеснения подталкивал под ребра Плевако и Днепровского:

- Давайте же!

Но вот, наконец, магические слова:

- Говорит Москва!

- Дальше, дальше! - но диктор с невозмутимой членораздельностью перечислил станции, сообщил, на каких волнах идет передача, и, когда я уже вспотел от ожидания, сказал:

- Передаем концерт легкой музыки...

- Выключайте! Давайте, ищите на другой волне! Да поймите же, товарищи, я третью неделю ничего не знаю. Просто слепо-глухонемой! Ни одной сводки, ни одной статьи о том, что делается в мире...

Но в душе у меня поднималась уже огромная радость. Говорит Москва!

- А нельзя ли, - попросил я неуверенно, - настроиться на Ленинград?

Днепровский ухмыльнулся.

- Понимаю, дружище. Я тоже вот так, пока не знал ничего, ужасно волновался. Но будьте спокойны. Ленинград - незыблемо наш, и вот вам сегодняшняя сводка...

Но я хотел сам услышать, только сам. Ведь даже в кино, если кто-либо наперед рассказывает, просишь замолчать. А тут дорвался до приемника, и вдруг слушать пересказ сводки...

Концерт продолжался. И я смирился: музыка все-таки была из Москвы. Если же в Москве посылают в эфир марши и песни, стало быть, мы уверены в себе.

Днепровский же под веселую музыку из Москвы продолжал

монотонно ворчать.

- Медлят у нас, действуют единицы, а переживают сотни. Здесь кругом леса, здесь бы армию партизанскую можно развернуть, ни одного моста немцам не оставить...

- Вы же ничего еще не знаете. Идите со мной в Корюковский район, заметил я. - Там Попудренко с областным отрядом, и я уверен...

Меня перебил Голобородько. Он тоже зашел в кладовую.

- Товарищ Федоров, - сказал он, - есть сведения, что Попудренко бросил отряд и бежал...

- Попудренко... сбежал? Да вы в своем уме? Откуда эти "сведения"? Я за Попудренко ручаюсь, как за самого себя.

Зубко, стоявший до сих пор молча, тихо сказал:

- И до меня такие слухи доносились, Алексей Федорович. Люди передают, что областной отряд распался. Говорят, что Попудренко...

- Не верю! Никому не поверю! Про меня же самого мне говорили, что я старостой стал...

- Алексей Федорович, обождите, - остановил меня Плевако. - Сообщение Советского Информбюро.

Все помнят - трудное было время. Наши войска вели тяжелые оборонительные бои на дальних, а кое-где и на ближних подступах к Москве. Вот сводка Совинформбюро, которую мы тогда услышали:

"ВЕЧЕРНЕЕ СООБЩЕНИЕ 13 ОКТЯБРЯ

В течение 13 октября наши войска вели бои с противником на всем фронте, особенно упорные на В я з е м с к о м и Б р я н с к о м направлениях. После многодневных ожесточенных боев, в ходе которых противник понес огромный урон людьми и вооружением, наши войска оставили город Вязьму.

За 11 октября уничтожено 122 немецких самолета, из них 16 в воздушных боях и 106 на аэродромах противника. Наши потери - 27 самолетов.

В течение 13 октября под Москвой сбито 7 немецких самолетов.

В течение всего дня на ряде участков Западного направления фронта противник, используя большое количество мотомеханизированных частей и авиации и не считаясь с огромными потерями, пытался развить наступление против наших войск. Атаки немцев на наши позиции наталкивались на упорное сопротивление частей Красной Армии.

Весь день сильные удары по врагу наносила наша авиация. Непрерывными атаками с воздуха самолеты активно содействовали операциям наших наземных частей и успешно

бомбили продвигающиеся к фронту резервы противника и его мотоколонны с боеприпасами.

За каждую пядь земли фашисты расплачиваются горами трупов солдат и большим количеством вооружения. За 13 октября только на одном из участков фронта немцы потеряли больше 6000 солдат и офицеров убитыми и ранеными, 64 танка, 190 автомашин с пехотой и боеприпасами, 23 орудия и несколько десятков пулеметов.

На Юго-Западном направлении фронта немцы продолжают вводить в бой новые силы, используя итальянские, румынские и венгерские войска и бросая их главным образом туда, где неизбежны тяжелые потери. Противодействуя атакам врага, наши части сдерживают наступление противника и наносят ему значительный урон. На одном из участков этого направления авиационная часть капитана Мелихова за три дня уничтожила 2500 солдат и офицеров, 6 танков, 7 бронемашин, 9 орудий, 122 пулеметные точки, 120 автомашин с войсками и 20 повозок с боеприпасами. В воздушных боях на этом секторе фронта сбито 7 немецких самолетов и 21 самолет уничтожен на земле.

В окрестностях города Днепропетровска идет неутихающая партизанская война против фашистских захватчиков. Здесь оперируют сильные подвижные партизанские отряды. Отряд под командованием тов. М. неутомимо преследует и истребляет мелкие подразделения противника. Вот краткий обзор действий бойцов отряда только за три дня. Бдительные разведчики донесли, что в районе села Л. должна пройти группа немецких солдат численностью в два взвода. Начальник разведки повел партизан кратчайшим путем навстречу фашистам. Партизаны замаскировались и приготовились к бою. Подпустив немцев на дистанцию в 15 - 20 метров, партизаны забросали фашистов гранатами. Только очень немногим немцам удалось бежать. На другой день разведчики перерезали в 30 местах провода телеграфной линии, которую немцы лишь накануне восстановили. На обратном пути в свой лагерь партизаны задержали и уничтожили одного связиста, мотоциклиста и немецкого чиновника.

Небольшая группа партизан во главе с тов. Ч. проникла в Днепропетровск. Под покровом темноты они подошли к зданию общежития металлургического института, в котором разместилась немецкая воинская часть, и бросили в окна несколько связок гранат. Убиты и ранены десятки фашистских солдат".

Пока мы слушали радио, в кладовую зашел еще один человек. Он остановился у двери. Я не сразу разглядел его: был увлечен

передачей, да и свет был плохой. Днепровский поднялся, пошептался с вошедшим; он, видимо, его уже знал.

Последние известия кончились.

Новый товарищ шагнул ко мне, крепко пожал руку. Он был костистый, согнутый, седой. Он сразу стал говорить со мной доверительно и как-то поспешно, увлекаясь. То ли ему сказали, кто я, то ли он сам узнал меня, но без обиняков называл меня Федоровым и обращался на "ты":

- Вот и хорошо, что ты прибыл. А то наши коммунисты растерялись. Иные конспирацию так поняли: как бы получше схорониться. А теперь верю, дело пойдет. Люди в свою силу поверят: секретарь не боится, ходит, руководит...

Назвался он коротко:

- Чужба!

Отрекомендовавшись, он продолжал:

- Прядко и Страшенко я нашел. Завтра сюда придут... Идемте-ка домой, то есть ко мне, - пригласил он. Однако Голобородько Чужба к себе не позвал.

Видимо, и у него Голобородько не вызывал особого доверия.

По пути, на улице Чужба с восторгом в голосе несколько раз повторил:

- Ах, друзья, друзья! Дело пойдет, дело обязательно двинется. Я вам говорю: раз областное руководство на месте, - значит, будет порядок!

Даже неловко было его слушать. Но в восторженности его был вызов: он как бы поддразнивал; глаза смотрели лукаво: "Мол, как-то еще ты будешь работать?".

Он поднял с постели свою старуху, заставил печь растопить, вареников приготовить. Потом весь вечер молча слушал наш разговор с Днепровским и Зубко.

Перед уходом от Голобородько было решено, что завтра в 11 утра Прядко и Страшенко придут сюда, к Чужбе, послушаем их доклад.

Весь вечер мы были под сильным впечатлением сводки Совинформбюро. Я говорил, что завидую днепропетровским партизанам.

- А ведь им труднее, чем нам. Около города нет больших лесов. А сколько смелости в этом налете на общежитие! Нет, и мы должны немедленно развертывать наши силы. В каждом районе создать не меньше чем партизанский полк. Слухи же о том, что Попудренко сбежал, могут распространять либо враждебные нам элементы, либо люди, которым нужно оправдать свое безделие! - Так говорил я, но у самого сердце щемило.

На ночь устроили меня хозяева в сухом месте, на мягком сене

и укрыться дали, и белье подарили - я помылся, переоделся... Несмотря на все эти блага, я ворочался, не мог уснуть.

Особенно растревожило меня радио. Я очень ясно представил себе гигантские масштабы той битвы, которую вела Красная Армия. Еще раз наново понял, какая страшная угроза нависла над нашим социалистическим государством. И зародилось сомнение: уж не остался ли я в стороне от войны? Чувствовать свою бесполезность - отвратительно. Будь я на нашей, советской, стороне фронта, стал бы, наверное, командиром Красной Армии. Уж во всяком случае не зря бы ел народный хлеб. А здесь... "Неужели и вправду это могло случиться?" Снова мысли мои обратились к областному отряду. Ну никак не мог я допустить, что Николай Никитич Попудренко распустил отряд или даже применил малодевицкую тактику. Я знал его как человека чрезвычайно смелого, воинственного. Он увлекался книгами о партизанах гражданской войны, жалел, что родился поздно и не пришлось ему воевать; дома его даже прозвали - задолго до нападения Германии - "партизаном".

Вспомнилось, с какой лихостью водил он автомашину.

Однажды ехал он на "газике" возле железной дороги и заметил, что проезжавший паровоз зажег в поле полову. Огонь быстро распространялся. А на паровозе есть вода, есть насос. Попудренко свернул с шоссе и понесся прямо по траве, по рытвинам вслед за паровозом. Гнался за ним минут пятнадцать. Догнал, вернул, заставил машиниста потушить пламя... Но, конечно, рессоры на машине поломал и набил шишки на лбу.

Порывистый человек, увлекающийся, смелый, но, может быть, это всего лишь показная смелость? Нет, неверно. Перед расставанием мы долго разговаривали. Фронт уже был рядом. Люди неустойчивые, болтуны и трусы так или иначе уже проявили себя. Попудренко держался по-прежнему просто, так же упорно стремился в бой. Я перебирал мысленно все, что знал о Попудренко, мельчайшие детали характера, поведения, чтобы найти, так сказать, ахиллесову пяту. Вспомнил я его нежную привязанность к семье мы, его товарищи, подчас даже подшучивали над ним. Может быть, очень соскучился он по жене и детям?.. Нет, опять не то. Пришел мне на память такой случай. Как-то в первые дни войны Николай Никитич вошел ко мне в кабинет хмурый, чуть только не злой. Спрашиваю: "Что случилось?" Оказывается, дома у него жена справляла именины и подняла тост: "Чтобы нам с папочкой не расставаться всю войну". "Папочка" рассвирепел: "И ты можешь допустить, чтобы я, коммунист и здоровый физически человек, не пошел воевать..." Он тотчас же ушел. И ведь серьезно расстроился: "Неужели в моей

семье могут быть такие настроения?"

И в последнюю нашу встречу Попудренко с таким увлечением, так горячо говорил о развертывании широкой сети отрядов, о том, как эшелон за эшелоном будут лететь под откос немецкие поезда...

Закончились мои тогдашние ночные размышления вот нем. Я заставил себя отбросить в сторону все сомнения, мечтания, заняться, так сказать, реальной действительностью. Я определил для себя точно, какие завтра сделаю предложения, какие вопросы задам руководству района, и наметил в уме проект решения обкома. Пусть обком представлен здесь одним лишь мною, районные комитеты нуждаются в руководстве, им необходимо показать, что они по-прежнему объединены, связаны.

На следующий день в хате старика Чужбы состоялось заседание не то подпольного Черниговского обкома, не то Мало-Девицкого райкома, не то просто группы коммунистов. Хозяин и его жена завесили, чем могли, окна, а сами вышли: он на крыльцо, она в огород - Охраняли нас. Прядко - первый секретарь райкома - рассказал о работе, проделанной за месяц оккупации.

К сожалению, старик Чужба оказался прав. Руководители района явно растерялись. Именно поэтому заботу о конспирации они сделали чуть ли не главной своей целью. Потому и партизанский отряд был распущен по домам. Продовольственную базу роздали под тем предлогом, что она может попасть в руки врага. "У своих людей и продукты, и одежда, и оружие лучше сохранятся, чем в лесу", - так сказал Прядко. И с ним соглашался командир отряда Страшенко. Он говорил примерно следующее:

- Люди будут сидеть по домам, вроде обычные крестьяне, а в известный час, по сигналу, соберутся в назначенном пункте. Проведем операцию: разобьем немецкий гарнизон, взорвем склад или разгромим обоз - и опять по хатам. Пусть-ка нас обнаружат немцы!

Но когда у Прядко и Страшенко мы спросили, сколько в районе коммунистов, сколько бойцов в отряде, - они не смогли ответить. И главное, это их не огорчало: "Раз неизвестно, где они и сколько их, - значит, они хорошо конспирируются".

Прядко даже потерял из виду своего второго секретаря. Между тем этот второй секретарь - Бойко - понял призыв к конспирации весьма своеобразно. Ему удалось так хорошо спрятаться, что за два с половиной года немецкой оккупации его никто ни разу не видел. Лишь по приходе Красной Армии он вылез из подполья. И тогда выяснилось: он выкопал за огородом глубокий склеп, соединил его подземным ходом со своей хатой. В этом склепе, пока люди воевали, он и жил. Когда же в 1943 году

выбрался на поверхность, то на пятый день вольной жизни... умер. Увы, это не досужая выдумка, а прискорбный факт.

Тогда, в хате у Чужбы, мы еще не имели такого разительного примера. Но за увлечение "конспирацией" Прядко и Страшенко попало.

Зубко с возмущением говорил:

- Где мы находимся - у себя на родине или в чужой стороне? Почему мы прячемся от своего народа и даже друг от друга? Пока мы связаны между собой, пока мы держимся коллективом - мы сила. Вокруг нас, коммунистов, сознательно оставшихся в тылу у врага, будут собираться все способные на борьбу! Поодиночке же нас немцы выловят и уничтожат!

Я был вполне согласен с Васей Зубко, но менее сдержан в выражениях. Под конец совещания страсти разгорелись. Хозяйка потом рассказывала, что соседка спросила: "Чи у вас хто пьянствуе?"

Прядко, вообще человек мягкий и неразговорчивый, был очень удручен и молчал. Кто-то из присутствующих сказал, что избранная в Малой Девице тактика равносильна самороспуску организации и граничит с предательством. Страшенко - более темпераментный и словоохотливый, чем его товарищ, возмутился.

- Разве тем, что мы сознательно пошли работать в тыл, мы не доказали своей преданности партии? Я утверждаю, что и такая тактика... имеет право на существование. Меньше рискуя, мы большего добьемся!

Прядко остановил его:

- Товарищ Страшенко, надо признать, что мы растерялись.

Решили в ближайшие дни созвать партийно-комсомольский актив и подготовить районное собрание всех коммунистов.

*

Нам стало известно, что в Малую Девицу - районный центр - прибыл немецкий комендант и организует районную власть. Конечно, одновременно пришли сведения и о том, что там произведены аресты. С приходом немецких властей были сопряжены аресты, расстрелы, конфискации, грабеж, насилие. Надо было спешить и воспользоваться тем, что немцы не в каждом селе имели своих ставленников; следовательно, система шпионажа и доносов была еще плохо организована.

Днепровский, Плевако и Зубко теперь присоединились ко мне, решили пойти со мной в Корюковский район, к Попудренко. Пока же они составили обкомовскую группу.

Не подберу другого названия. Днепровский и Плевако не состояли в Черниговской организации. Но в тот момент я и сам

не знал, где другие члены подпольного обкома. Мне же нужны были помощники именно для областной работы; на первых порах - для собирания информации о том, что делается в районах.

Как потом выяснилось, в Корюковский район, на место дислокации областного отряда, в то время пробирались многие коммунисты. Указание Никиты Сергеевича Хрущева - создать помимо районных отрядов еще и областной - дало очень большой организационный эффект. Некоторые районные отряды по разным причинам распадались, и наиболее сильные, преданные партизанскому движению люди отправились искать областной отряд. Люди узнавали, что во главе отряда стоят руководители области, и тянулись к ним.

Я же считал своим долгом не просто идти к отряду, но и собирать областные силы. Вот как это выглядело на практике: вместо того, чтобы идти прямо в Корюковский район, я петлял, кружил, старался захватить в поле зрения возможно больше районов. Многие из тех товарищей, что вместе со мной вышли из Пирятина, давным-давно уже были на месте. А я все еще бродил. Теперь я нашел себе спутников, товарищей по работе.

Я им сказал:

- Одни вы, конечно, быстрее дойдете. Но если хотите помочь, оставайтесь со мной, будем как бы передвижным обкомом.

Товарищи согласились. Большую часть времени мы проводили в походе.

Все рассказать немыслимо, да и читать скучно. А без скучной, однообразной, будничной работы не обойдешься даже в подполье. Мы хотели узнать возможно подробнее, что происходит в районах, какие там люди остались, чем занимаются коммунисты и комсомольцы.

В каждом селе мы находили несколько помощников, чаще всего из молодежи, которые веером рассыпались по соседним селам и приносили оттуда нужные сведения. Получалась как бы эстафетная разведка.

Покрутившись в Лосиновском районе, мы вернулись в Петровку к Чужбе. Он за это время кое-где побывал, раздобыл даже для нас пять гранат и браунинг; от него мы отправились на хутор Жовтнево на собрание актива Мало-Девицкого района. На этом собрании был оформлен новый подпольный обком, куда вошла вся наша группа.

Наши разведывательные "экспедиции" по районам сослужили нам хорошую службу. Мы уже довольно ясно представляли и недостатки в работе подпольных организаций, и где какие люди имеются, и каковы настроения народа. Ясно нам было поэтому, с чего начинать, как развертывать деятельность подполья, чтобы

оно было тесно связано с народом, чтобы народ чувствовал, что партия по-прежнему существует, защитит его, подымет на борьбу. Именно этой мыслью и были проникнуты первые партийные документы обкома: "Директива секретарям городских и районных комитетов партии" и "Обращение к трудящимся Черниговской области". Это обращение наши посланцы распространили в тридцати шести районах.

В Жовтневе приютила нас пожилая беспартийная колхозница Евдокия Федоровна Плевако - однофамилица нашего товарища. Гостеприимная хозяйка предоставила нам свою хату, делилась с нами безвозмездно своими небольшими запасами; мы предложили ей денег, но она решительно отказалась, и видно было, что это, предложение ее оскорбило.

Нужно ли говорить, что Евдокия Федоровна за свое гостеприимство могла поплатиться жизнью? Если бы немцы или их ставленники узнали, что у нее собирался актив коммунистов района, они бы ее, конечно, повесили. Между тем Евдокия Федоровна и виду не подавала, что наше присутствие для нее опасно. Она спокойно продолжала заниматься своими домашними делами в избе или на огороде, будто немцев и в помине нет, будто ничто ей не угрожает.

Как-то раз я взял лопату и пошел к ней на огород - предложил помочь. Она отказалась.

- Вы лучше радянськой влади да Червоной Армии помогите! А колы прийдет наша перемога, так я вам у телычку зарижу, будемо праздновать.

Я хорошо помню, как взволновали меня тогда ее слова. Произнесла она их спокойно, буднично. Я почувствовал в них большую душевную силу, твердую уверенность в том, что "перемога", победа, "прийдет", готовность сделать все возможное, чтобы ускорить наступление этого дня, помочь всем, кто поднялся на борьбу с ненавистным врагом.

С каждым днем все больше людей навещало гостеприимный кров этой замечательной женщины. Приходили коммунисты и комсомольцы, получали от нас задания и шли работать: распространять листовки-обращения, передавать по эстафете директиву обкома, готовить общерайонное собрание.

Мы же, члены обкома, занимались не только инструктажем и составлением листовок. Размножать свои листовки нам надо было самим. Но как размножать, если нет бумаги? Раздобыть же ее было совсем непросто. Спасибо учителю Иваненко. Он обошел ребятишек и вручил нам десятка два тетрадей, а какая-то добрая душа принесла нам несколько листов копирки.

Труд переписчика давался нелегко. Почерк у меня неважный,

а надо писать не только разборчиво, но и экономно - ведь каждый листок бумаги был на вес золота.

Вскоре наша обкомовская группа пополнилась новыми людьми: бывшей учительницей комсомолкой Надей Белявской и "сапожником" Федором Ивановичем Коротковым.

"Сапожник" Коротков - первый секретарь Корюковского райкома партии в подполье был оставлен как член обкома. После долгих мытарств и скитаний товарищ Коротков "устроился" неподалеку от нас, на хуторе Вознесенском.

Он прибыл на этот хутор под чужим именем, с чужими документами. В юности он учился сапожному ремеслу и теперь решил выдавать себя за сапожника. Как только в хуторе стало известно, что появился сапожник, народ повалил к нему, но Федор Иванович успел сшить только одну пару чобот - сшил довольно коряво: чоботы никак не хотели стоять, кренились на сторону, падали. Рассказывая об этом, Коротков смеялся, хотя оснований для этого было мало: будь за ним малейшая слежка, такие сапоги могли оказаться против него серьезной уликой.

Мы очень обрадовались "сапожнику", но недолго побыл он с нами. Коротков ушел вместе с другими коммунистами распространять по районам наши первые партийные документы. Федор Иванович должен был обойти четырнадцать районов. Икры его ног были обмотаны двадцатью восемью экземплярами директивы и обращения обкома. Впоследствии Коротков стал командиром большого отряда, три года партизанил, но и теперь утверждает, что за девятнадцать суток, в течение которых был связным обкома, пережил больше, чем за три года партизанской борьбы.

Связной! Все три года немецкой оккупации десятки и сотни большевистских связных пробирались, рискуя жизнью, часто по неведомым им дорогам, полям и лесам из города в села, из сел в партизанские отряды, а оттуда на какой-либо хутор, только что захваченный карательным отрядом. Случалось, и в концентрационный лагерь проникал наш связной и в тюрьму, где гестаповцы терзали его товарищей.

И напрасно некоторые думают, что дело у связного чисто техническое: иди себе да иди. Точнее будет сказать: гляди да гляди! За каждым углом, за каждым деревом или кустом тебя подстерегает смерть. Хорошо еще смерть от пули или штыка. Нет, вернее, мучительная смерть после пыток.

Сколько наших связных погибло! И сколько раз, узнавая, что связной убит, мы первое, что делали, - ругали его. Да, ругали, ругали потому, что он нам заваливал дело, ставил организацию под удар. Потом, конечно, мы находили доброе слово, поминали

товарища чаркой и скупой слезой большевика. Но дело у большевиков всегда на первом месте, и поэтому связной не имеет права даже на геройскую смерть. Его обязанность - жить.

Трудно пришлось поначалу. Не было опытных людей, не у кого было поучиться. Позднее появились определенные явки, условные обозначения, "почтовые ящики": дупло дерева или печь сожженной хаты... А вначале просто: устный адрес - почти как у чеховского Ваньки Жукова "на деревню дедушке" - "Сосницкий район, секретарю райкома". Ведь он прячется, этот секретарь райкома, и время от времени меняет села, а то и в лес уходит. И сам связной тоже не может открываться. Предположим, он узнал, что в селе есть коммунист. С какой стати этот коммунист укажет ему конспиративную явку?! У связного с собой даже партбилета нет.

*

Мы усиленно готовились к предстоящему районному собранию - всех, кого возможно, рассылали по селам, чтобы оповестить коммунистов. Возвращаясь на хутор, наши связные рассказывали нам подробно обо всем, что видели и слышали. Чувствовалось, что в районе неспокойно, что народ не подчиняется захватчикам. Особенно обрадовал нас один случай, происшедший в районном центре, - селе Малая Девица. Рассказал нам об этом Кулько, посланный туда с той же целью - оповестить коммунистов о предстоящем собрании.

Дело было так. Кулько сидел в хате одного подпольщика, слесаря машинно-тракторных мастерских.

К хозяину постучались и зашли двое каких-то чужих, неместных парней с повязками на рукавах и с парабеллумами. Парни эти приказали и хозяину и Кулько сейчас же отправляться к театру, там на площади будет сход: надо "выбирать" бургомистра и общинных старост.

Пришлось им пойти. Как тут откажешься, когда полицаи стоят над душой?

На площадь согнали человек триста.

Кулько стоял где-то в задних рядах. Подкатила машина. Из нее выбрался и полез на трибуну немецкий полковник, за ним адъютант. Они поманили к себе из толпы учительницу немецкого языка и троих русских. В одном из них Кулько узнал бывшего работника райисполкома.

Полковник, не глядя на людей, монотонно и безразлично бормотал нечто вроде речи. Вначале говорил он о великой Германии, о новом порядке, о том, что-де с большевизмом и марксизмом покончено; были в его речи и какие-то посулы, в заключение же перечислил кандидатуры старост, бургомистра,

начальника райполиции, назначенных комендантом.

Толпа слушала молча, безучастно. Вдруг слесарь толкает Кулько локтем под бок. И рядом соседи тоже друг друга толкают. Толпа оживилась, послышался шепот, затем смешок, другой и, наконец, кто-то громко и восторженно крикнул: "Вот здорово!"

Позади трибуны, между деревьями, подобно флагам на корабле, стали подниматься два больших портрета - Ленина и Сталина.

Те, кто стоял на трибуне, довольно долго, может быть, минут пять не могли сообразить, что случилось. Немецкий офицер исподлобья поглядывал на толпу, потом стал озираться по сторонам и, наконец, обернулся, а за ним обернулись и все, кто стоял с ним рядом. Этим воспользовались в толпе, и юношеский голос крикнул:

- Хай жыве Радянська Украина! - И несколько голосов довольно внятно крикнули:

- Ур-ра!

Немецкие солдаты, охранявшие машину, стали стрелять из автоматов. Но люди прорвали цепь полицаев и быстро разбежались. Рядом с Кулько бежал тот самый юноша, что крикнул. Кулько спросил его: "Кто это, кто поднял портреты?" Парень, оглядев Кулько, признал, видимо, в нем своего и сказал: "Пионеры! Ну, теперь держись!" - добавил он и свернул за угол хаты.

Кулько не стал, конечно, дожидаться, пока его схватят. Он прятался на леднике у слесаря, а вечером скрылся из села. Вообще Кулько прямо не узнать - работает, видимо, с увлечением.

Оказывается, с того самого времени, как он догнал меня, ни разу не зашел домой.

- Опять начнем ругаться. Лучше уж и не ходить! Дайте мне, Олексий Федорович, задание потруднее, чтобы не думалось, - попросил он.

Мы охотно удовлетворили его просьбу и направили для связи в Яблуновку.

*

В хату Евдокии Федоровны приходили не только коммунисты и комсомольцы, но и беспартийные. Всех людей я сейчас не помню. В память врезался один человек. Назвался он агрономом совхоза. Пришел будто бы затем, что, по слухам, здесь можно получить моральную поддержку и направление. Да, так он примерно выразился.

Надо заметить, что мы себя от посетителей особенно не ограждали. Хутор окружен болотами, дорога к нему только одна, просматривается хорошо. Если бы направлялся в эти места какой-

нибудь отряд полицаев или немцев, мы бы увидели его издалека и успели бы принять меры. А идет по дороге один человек да еще безоружный, бояться его нечего.

Так и пришел агроном, постучал в дверь, хотя она не была закрыта, попросил кого-нибудь выйти к нему. Вышел я. Он протянул руку.

- Здравствуйте, - говорит, - товарищ Федоров.

Немного покоробило, что опять меня узнали. Но виду не подал.

- В чем дело? - спрашиваю.

- Пришел, - говорит, - посоветоваться и вам кое-что посоветовать. Разрешите быть откровенным?

- Пожалуйста.

И понес этот человек такую ахинею, что я усомнился: не больной ли. Разговор был длинный. Сидели мы на ступеньках крыльца, покуривали, и "откровенный" излагал мне свою точку зрения на текущий момент.

Ход его рассуждений был таков. Он-де вполне советский человек, уверен в победе над Германией и понимает, что оккупация - явление временное и даже кратковременное. Он-де знает, что коммунисты собирают силы сопротивления, чтобы ударить по немецким тылам. И вот он пришел к нам со своей "откровенной" точкой зрения.

- Зачем будоражить людей, товарищ секретарь обкома? Зачем восстанавливать против безоружного населения немецкую военную машину? Ведь это приведет к дополнительному кровопролитию. Так немцы будут нас только грабить, а если мы начнем сопротивляться, - они нас станут убивать.

- Совершенно верно, станут!

- Но ни я, ни мои дети не хотим, чтобы нас убивали.

- Так сопротивляйтесь, идите в партизаны, отвечайте на выстрел пятью выстрелами!

- Нет, товарищ Федоров, не согласен. Придет время, Красная Армия сломает немецкую машину, это неминуемо. А что мы со своими жалкими силами? Это самоубийство. Ведь такой человек, как вы, нужен будет нам и после войны. Вы же лезете с голыми руками против танков, да еще тащите с собой под гусеницы немецких машин все самое храброе, самое задорное, самое честное и здоровое! Но я, видите, тоже человек не из робкого десятка и решаюсь говорить вам откровенно - опомнитесь! Я просто прошу вас, объясните областным коммунистам...

Я не выдержал, сунул руку в карман и пошевелил там свой пистолет. "Откровенный" заметил мое движение, побледнел, пожал плечами.

- Я не предатель, - сказал он. - Стрелять в меня не за что.

Тогда я чуть вытащил пистолет из кармана.

- Я, пожалуй, пойду, - сказал "откровенный". - Вы меня, видно, не можете понять. Но все-таки подумайте над моими словами.

Тем наша беседа и окончилась. Агроном ушел. Я позднее справлялся о нем, мне говорили: "Так, безобидный. Ехал с семьей, эвакуировался и, как это с некоторыми случалось, отстал от обоза и застрял". Такие вот "безобидные" имели на первых порах кое-какой успех в своей пропаганде. Надо было противопоставить им наше, коммунистическое влияние.

Наступали последние дни перед собранием. Активисты разбрелись по селам с разными заданиями, связанными с подготовкой собрания. Наша обкомовская группа опять стала кочевать, собирать информацию. Да и пора было место менять. Если появились пропагандисты непротивления злу, то за ними, чего доброго, и немцы нагрянут.

Вася Зубко и Михаил Зинченко - начальник штаба Мало-Девицкого отряда - отправились в село Буды, где предполагалось провести собрание. Надя Белявская и я остановились в селе Грабове, чтобы подготовить проект приказа; Днепровский и Плевако направились в сторону Лисовых Сорочинц. Днепровский хорошо знал Егора Евтуховича Бодько, хотел его повидать да, кстати, и пригласить на собрание.

*

Днепровский вернулся с ужасной вестью: Бодько убили.

25 октября в Лисовые Сорочинцы приехала легковая машина. В хату Бодько вошли: староста, два эсэсовца и два полицая. Жене и всем домашним приказали покинуть дом. Через минуту раздалось несколько выстрелов. Немцы и староста уселись в машину, полицай выбросил труп председателя колхоза на огород. Хоронить запретили. Не собирая сходки, ничего не объясняя, палачи уехали. Немцы оставили трех огромных злых псов; подняв шерсть, они свирепо кидались на всех, кто пытался приблизиться к телу Бодько.

Вот, значит, как это бывает!

Жил человек, служил своему народу честью и правдой, все силы отдавал, а теперь лежит его тело, и собаки, привезенные из Германии, не подпускают к нему родных.

Днепровский рассказал так же коротко, как тут написано. Он не плакал, был молчаливее обычного: с юности, с комсомольского возраста знал он Егора Евтуховича, был другом ему.

Я тоже долго не мог слова сказать. А хозяйка упала на кровать и разрыдалась.

- Ой, лыхо нам, лыхо! - причитала она. - Що ж воны зробылы,

каты, за що ж воны людыну таку добру згубыли...

Мне стало не по себе, я вышел на улицу - в хате показалось душно. На память мне пришел костромской кулачок, "баптист". Уж не его ли это рук дело?

Днепровский вышел вслед за мной. Некоторое время стоял молча. Потом, не глядя на меня, как-то монотонно, глухим голосом начал рассказывать. Да, собственно, это был не рассказ, он как бы думал вслух:

- Это какой человек? Особая формация. Мир, всякая там заграница, да и прошлая Россия таких людей никогда не видели. В гражданскую войну партизанил. Ну, это ладно, это не ново. Партизанили многие... А потом как-то привыкли мы замечать лишь тех наших товарищей, которые получали образование и двигались вверх. А Бодько - из других. Как поставила их революция на волостную да на уездную работу, так они и до сих пор на ней, то есть в масштабах района, да и то на вторых да на третьих ролях...

Я перебил Днепровского:

- Ты ведь хорошо его знал. Как случилось, что его из партии исключили?

- Подождите, Алексей Федорович. Я и об этом думал, я до этого дойду... Так вот, на вторых да на третьих ролях. То есть не первый, не второй секретарь райкома, а завкоммунхоза или председатель суда, или немного раньше председатель комнезама*, или в отделе социального обеспечения. А сколько, Алексей Федорович, у нас такого народа в председателях колхозов! Они, так сказать, без образования, но ведь не без знаний же. Копните такого Бодько, заденьте за живое. Сколько он передумал, сколько перевидел и сколько накопил в себе самых разнообразных знаний. Он, разумеется, передовой сельский хозяин, а что касается советского строя, его законов и обычаев, будьте уверены - Бодько так изучил, так познал душу этого нашего, нового строя, что его никто не собьет. Нет, ни один профессор... Революция застала его деревенским неграмотным мальчишкой, и революция, партия из него человека сделали. И не было у него ничего дороже партии, ничего, Алексей Федорович, то есть дела партии, строительного, созидательного духа нашей партии. Был он долгие годы председателем колхоза... Шел я сейчас, Алексей Федорович, оттуда, где Бодько жил и работал и где его в собственном доме убили... Шел я и думал. Председатель колхоза - это ведь не только должность. Новый тип деятеля. Никогда еще не виданный в истории тип общественного деятеля, поднятый из гущи народной. Но это так, вообще. Я на такую вышину забрался, может быть, потому, что убит мой друг.

Признаться, до войны я полагал, что он и подобные ему люди маленькие. Люди же эти - опора и основа всего нашего советского строя.

_____

* Комитет незаможников, т. е. комитет бедноты.

Этими ли точно словами говорил Днепровский - не поручусь. Я попытался возможно полнее передать его мысли и настроение. Пока он говорил, я вспоминал наши встречи, разговор с Бодько. Сильный, очень сильный, большой души человек! Представил я и себя на его месте. Вынужденная игра, которую он согласился вести: староста, а в душе коммунист. И все эти сволочи, приводившие к нему, будто к единомышленнику. Ой, нет, не способен был бы я на такое, я бы, верно, взорвался...

Днепровский продолжал говорить:

- У меня перед самой оккупацией так получилось, Алексей Федорович. Я был прикомандирован к политуправлению армии. Все время в движении, шагали по болотам, и скрутил меня жесточайший приступ ревматизма. Политуправление расположилось в Прилуках. Госпиталя рядом не было. Врачи посоветовали устроиться в каком-либо колхозе. Отвезли меня в Лисовые Сорочинцы и там после многих лет - встретился с Егором Евтуховичем. Он меня, конечно, к себе взял. Я тоже - малодевицкий. Мы вместе, чуть не в один день, в партию вступили... Три дня я у него прожил, и только на четвертый Егор сказал, что из партии исключен. Знаю, что трудно будет поверить, вы же его видели, - он рыдал. Плакал со слезами: "Что же мне, Павло, делать? Ведь я же, Павло, без партии не можу. Меня еще Ленин словом своим привлек к делу народному. И весь путь колхозный я с партией шел. А тут накрутили на меня такого... Была моя вина, не спорю я, так я ж человек коммунистический, я своей вины не чураюсь, накажите, но без партии нияк не можу!" Сказал я ему, что если произошла ошибка, восстановят. Время нужно, разобраться нужно. "Так что ж, Павло, разбираться сейчас? Нимець давит, ворог - вот он, а я беспартийный! И що мени робыть? До Червоной Армии не пускають, броню выпысують. В партизаны хочу, тоже не пускають, райрада колхоз не велить кидать. В райкоме был, Прядко говорит: "Надийся, не теряй веру, дело в обком ушло!" В Чернигов ездил к Федорову, там бомбы нимцы кидают, он заводы и государственные ценности спасает. Колы уж тут мою партийну справу шукать. Ох, Павло, тяжко мне без партии..."

Тут я перебил Днепровского:

- Мне Бодько сказал, что в старосты он попал по указанию райкома.

- Ну, конечно, Егор в райком пошел. Какой же он беспартийный? Он только временно лишился партийного билета. Куда же коммунист пойдет, если трудно ему? Ясно, к товарищам своим.

Подумав, я сказал Днепровскому:

- Да. Партийность, конечно, осталась при нем... С исключением его что-то не то. В обкоме мне его дело не попадалось. Не помню... - так сказал я тогда. Однако на память пришел тот случай, когда в коридоре обкома, во время бомбежки подошел ко мне человек и спросил насчет своего заявления. Фамилия короткая и тоже украинская. Может быть, это и был Бодько?

- Товарищ Днепровский, 25 октября в Лисовых Сорочинцах погиб коммунист, член партии большевиков. Будем навечно, как героя, считать его в списках нашей черниговской организации!

Мне хотелось, чтобы эти слова звучали поторжественнее.

Первоначально районное собрание коммунистов предполагалось провести в хате учительницы-комсомолки Зины Кавинской, в селе Буды. Но Вася Зубко, вернувшись оттуда с разведки, рассказал, что сын учительницы заболел скарлатиной. Кавинская, несмотря на болезнь сына, взялась было подыскать в селе другое помещение для собрания, но возвратилась встревоженная: в Будах появились чужие люди; о ней расспрашивают, по-видимому, взяли под наблюдение.

- Я это дело проверил, - сказал Вася. - Думал, может, Кавинская просто сдрейфила. Оказалось, что действительно шныряют по селу какие-то людишки с длинными носами, выспрашивают. Один даже ко мне на улице подошел. Противный такой, лет сорока пяти, вроде дьячок в отставке. Голосок сладенький, бородка реденькая...

- Баптист? - вырвалось у меня.

- А что такое баптист, Алексей Федорович?

- Хороший разведчик, Вася, и с религиозными вопросами должен быть знаком. Неважно, что такое баптист, а важно, Вася, тот ли это тип, о котором я думаю. Что он там делает?

- Он ко мне на выходе из села подошел. "Куда, - спрашивает, - хозяин, путь держите?"

- Так и сказал "хозяин"?

- Точно!

- Ах, Вася, Вася, это же ведь тот, костромской кулак. Это он, определенно он к Егору Евтуховичу немцев подослал. Ну, и что же ты? Он один там бродит?

- Он-то один, да еще два похожих на него, бедненьких таких, бродят по селу. Между собой будто не знакомы, а даже бабы и те

говорят, что это одна шайка. Немцы должны приехать, власть оформлять, так этих заранее подослали общественное мнение готовить и разведать, нет ли партизан в округе. Боятся.

Мне так хотелось выловить этого предателя, что я чуть не предложил Днепровскому, Плевако и Зубко идти тотчас же втроем в Буды, поймать предателя и кончить. Но сдержался.

Тяжелая все-таки штука - осторожность. Не хотелось мне быть тогда осторожным. Знать, что в нескольких километрах от тебя безнаказанно бродит человек, погубивший Бодько, и ничего не предпринять... Сколько я ни думал, сколько планов ни строил, - нет, не можем мы в нашем положении охотиться за этим типом, не имеем права ставить под риск предстоящее собрание. Себя тоже не имеем права обнаруживать.

- Значит, Буда отпадает, - сказал я, тяжело вздохнув. - Собрание надо перенести в Пелюховку.

Но и в Пелюховке наша разведка обнаружила подозрительных людей. Пришлось опять менять место, и уже в день собрания, 29 октября, несколько наших товарищей (среди них и комсомольцы, и пионеры; была, впрочем, одна дряхлая старушка) разошлись по дорогам, ведущим к Пелюховке, стали на дозор. Им был дан пароль. Тем прохожим, которые отвечали правильно, наши дозорные говорили:

- В Пелюховку не ходите. В одиннадцать вечера в Каменское лесничество.

*

Впервые подпольный обком созывал такое обширное собрание коммунистов. Правда, масштабы пока районные, но значение этому первому собранию мы придавали очень большое. Оно должно было показать нам, каковы наши организационные силы, показать сплоченность большевистских рядов.

Лил дождь. Хоть и глубокая осень, а дождь сильный. Вообще в последние несколько дней дождь почти не переставал. Земля кругом набухла, дороги превратились в отвратительное месиво. Куртка из домотканной, крестьянской шерсти, что была на мне, давно не высыхала. Весила она, без преувеличений, пуда полтора. Кто-то из товарищей назвал ее влагомером. Я иногда ее снимал и выкручивал, - вода текла, как из губки.

Вспомнил я о куртке потому, что все так же вот мокли и, конечно, мерзли, даже в хатах не могли отогреться. Помню, я сделал чернильным карандашом заметки к собранию, что-то вроде тезисов. Засунул их как можно глубже, к самому телу. Идти мне надо было всего километров пять. Заметки эти насквозь промокли, буквы отпечатались на груди.

А многие товарищи шагали из дальних концов района,

километров за тридцать. Ни один не ехал - все пешком и большинство без спутников. В те дни вероятность столкновения с немцами была меньшая, чем впоследствии, но страх был больше. Совсем недавно прошел здесь фронт.

Лесник, - может, и хороший человек, но не могли мы его заранее посвящать. Когда уже стемнело, несколько человек постучались, попросили, чтобы он открыл контору.

Переговоры с лесником вел Вася Зубко, ему было поручено подготовить "зал заседания". Он быстро уговорил лесника. Обнаружил у него две коптилки и поставил на стол. Нашел несколько листов фанеры, попросил у хозяина одеяла, завесил окна, тщательно замаскировал свет.

Контора лесничества была в новом доме. Светлые бревенчатые стены, самодельная мебель, скамья и стол, еще не испачканный чернилами. Внесли несколько скамей с улицы и даже не стали вытирать.

А дождь все лил и лил, однообразно стучал по стеклам и по крыше. Народ собирался медленно. Я, помню, сидел довольно долго в конторе, но ничуть не согрелся и опять вышел наружу; дождя уже не боялся - одежда больше впитать не могла. Хоть и знал я, что вокруг лес, но темень такая непроглядная, что деревья угадывались только по легкому постукиванию мелких веток. Как находили люди этот дом, какое чутье им помогало? Нет-нет, да и услышишь чавканье глины, плеск лужи и приглушенную, досадливую брань.

Крикнешь в темноту:

- Сюда, сюда, товарищ! Держи на мой голос!

Лесник - чернобородый мужчина неопределенного Возраста - безучастно выполнял распоряжения Васи Зубко, шлепал из своей хаты в контору, шарил по саду (возле конторы был разбит садик), наощупь искал скамейки. Он ни о чем не расспрашивал, и ему ничего не объяснили.

Наконец, в комнату набилось человек пятьдесят. Расселись. Члены обкома и члены райкома заняли места за столом. А лесник стоял, опершись на косяк двери, и, казалось, дремал. Надо бы его, конечно, отсюда удалить.

Я поднял руку, призывая к тишине, хотя и без того люди говорили шепотом.

- Товарищи, собрание коммунистов Мало-Девицкого района разрешите считать открытым!

Взглянул на дверь: лесника нет, смылся. Ну, и хорошо. Я не закончил еще вступительного слова, как вдруг дверь отворилась и вошел лесник. В руке у него был длинный белый сверток. Лесник стал пробираться вдоль стенки... Он обогнул стол президиума и,

на виду у всех, раскатал сверток. Это был большой красочный портрет товарища Сталина. Помните - тот, где Иосиф Виссарионович изображен за письменным столом: слева от него лампа с абажуром. А на фоне, за окном, кремлевская башня с часами.

Все мы поднялись, сняли шапки. Лесник воспользовался тем, что и я встал, влез на мой стул и повесил портрет на стену. Вероятно, на то самое место, где он находился до немецкой оккупации.

- Спасибо, товарищ! - пожал я леснику руку. - От всех нас спасибо!

- Нема за що.

- Вы коммунист?

- Та я зараз пиду. Мешать не буду. Прыкажу бабе. На всех не мае посуды, - сказал он извиняющимся тоном, - а уж президиуму чайку горяченького обязательно сварим.

Он опять протиснулся вдоль стенки и скрылся за дверью.

Незадолго перед тем пионеры в Малой Девице подняли над селением, как знамена, портреты Ленина и Сталина, теперь вот беспартийный лесник принес спрятанный им портрет товарища Сталина. Разве это - не свидетельство глубочайшей преданности народа коммунистическим идеям и советской власти?

Уже позднее мы узнали, что в каждом селе, даже почти в каждой хате хранились портреты вождей. Стоило партизанам занять какой-либо населенный пункт - люди сейчас же вытаскивали из заветных уголков портреты Ленина, Сталина, Хрущева и помещали на самом видном, почетном месте. Прятали не только портреты - и красные флаги, и плакаты, и кумачевые полосы с лозунгами. Все, что связано с представлением о советской власти, народ бережно прятал, берег.

Ушел лесник. Я зачитал директиву обкома, приказ областного штаба партизанского движения, тот самый, что был написан накануне в селе Грабово. Этот приказ сохранился. Вот он:

ПРИКАЗ No 1

п о о б л а с т н о м у ш т а б у р у к о в о д с т в а

п а р т и з а н с к и м д в и ж е н и е м

н а Ч е р н и г о в щ и н е

от 31 октября 1941 года.

Разбойничьи войска немецкого фашизма, вторгшиеся на территорию нашей священной советской земли, оккупировавшие и территорию нашей Черниговщины, при помощи продажной националистической сволочи, проводят массовый террор

расстрелы, насилие, грабят наш народ.

1. 25 октября 1941 года в селе Лисовые Сорочинцы гестаповцы

и полиция из местного кулачества убили лучшего сына - патриота

советской Родины - председателя колхоза Бодько Егора Евтуховича.

2. В октябре 1941 года в м. Ичня гестаповцы подвергли

невиданным пыткам и зверским издевательствам товарища Царенко,

бывшего партизана, дважды орденоносца.

3. В с. Заудайка организованной из кулачества полицией 14 октября убит красноармеец, который укрывался от немецких оккупантов, не желая сдаться в плен.

4. В октябре 1941 года, якобы за нежелание выдать партизан, были зверски казнены советские работники в гор. Прилуки.

5. Под видом запрещения работать в воскресные дни и в религиозные праздники немцы и их агенты убивают лучших представителей советского народа.

6. Немецкие коменданты предлагают коммунистам и

комсомольцам являться на регистрацию с тем, чтобы их потом

уничтожить.

Штаб партизанского движения на Черниговщине назначает

руководство партизанским движением по Мало-Девицкому району:

командир отряда Страшенко Д., комиссар товарищ Прядко, начальник

штаба Зинченко М. И.

и п р и к а з ы в а е т:

1. Создать единый партизанский отряд в районе из коммунистов, комсомольцев, советского актива, колхозников, интеллигенции.

2. Задача отряда: немедленно вывести из строя железную

дорогу Прилуки - Нежин, для чего взорвать мост между станциями

Галка - Прилуки. Уничтожать немецкие поезда, автомашины, склады.

Развернуть всестороннюю борьбу против немецких оккупантов.

3. Для преследования и наказания изменников родины

утвердить чрезвычайную тройку в составе: Страшенко, Прядко,

Зинченко.

4. Утвердить созданные группы по уничтожению изменников родины, ставших на службу немецким фашистам. С 3 по 10 ноября провести в районе по уничтожению изменников родины такие операции:

а) уничтожить районного старшину Неймеша, заместителя старшины Лысенко;

б) Лисовые Сорочинцы - уничтожить старосту и помещика Домантовича;

в) уничтожить старосту села Редьковка.

5. Для проведения повседневной политической работы среди населения района оставить в каждом селе по одному коммунисту в по два комсомольца, для этих же целей использовать оставшийся на местах советско-колхозный актив.

6. После выполнения заданий 11 ноября всему отряду собраться в назначенном месте для движения по назначенному маршруту, который будет указан.

7. С настоящим приказом ознакомить всех командиров, политработников, бойцов отряда, групп, коммунистов, комсомольцев.

8. Проверку исполнения этого приказа возложить на т. Павловского.

Начальник областного штаба руководства партизанским движением на Черниговщине

ФЕДОР ОРЛОВ

Приказ есть приказ. Его не обсуждали. Его приняли к руководству. Но собрание продолжалось. Поговорить, конечно, было о чем. Наконец-то коммунистам района опять удалось сойтись вместе. Они попробовали некоторое время жить и работать врозь. И все теперь признавали, что тактика, избранная руководством района, была ошибочной.

- Вот если нас окружат, хоть сейчас, тут, в лесничестве, - говорил молодой комбайнер Ильченко, - так мы все вместе и прорваться можем. А що один, як Бодько...

За окном все так же шумел дождь. Вдруг я различил в шуме дождя какие-то посторонние звуки, - будто кто-то шевелится у окна. Все насторожились. Я, конечно, сразу подумал о "баптисте".

- А ну, давай! - скомандовал я оратору.

Тот вытащил из-за пазухи пистолет и выбежал.

Через минуту мы услышали такой разговор:

- Ах ты, дурень, що ж ты тут робишь. Я ж тебе застрелыты

мог, - это говорил наш комбайнер-оратор.

- Так я ж тильки послухать. На дозори никого не мае.

Оказывается, один из наших постовых, которые охраняли подступы к лесничеству, не выдержал одиночества, да и послушать очень хотел - и покинул пост.

Этот случай с постовым послужил поводом, чтобы поговорить о дисциплине.

Сейчас трудно восстановить в памяти это собрание во всех подробностях, деталях. Помню, что оно отнюдь не было чинным, спокойным. Люди подчас перебивали друг друга, каждому не терпелось излить свою душу. Ведь за месяцы оккупации у людей накопилось много вопросов, наблюдений, мыслей, чувств, а такой большой сбор был созван впервые. Собрание, правильнее назвать его товарищеским собеседованием, продолжалось всю ночь. Лесник принес нам ведро кипятку; те, кто уж очень замерзли, получили по кружке.

Выяснилось, между прочим, что среди нас профессиональных военных нет и даже командиров запаса только трое. Остальные - люди сельских профессий: трактористы, комбайнеры, бригадиры-полеводы, животноводы, конюхи, секретари и председатели сельсоветов и уж, конечно, председатели колхозов. Хотя большинство и проходило военные сборы, но даже винтовку не все знали хорошо.

- Придется учиться. И помните, что пользоваться главным образом будем трофейным оружием.

Кто-то задал такой вопрос:

- Немецкие власти берут на учет специалистов: и агрономов, и финансовых работников, и механиков, - хотят, верно, использовать в своем аппарате, многих насильно заставят. Как к ним относиться?

Тема эта нашла горячий отклик, высказывались разные мнения. Вопрос был вскоре поставлен шире - товарищи рассказывали, как живут советские люди, какую политику проводят захватчики и т. д.

Немцы, конечно, постараются проникнуть во все стороны жизни народа, станут создавать аппарат по выкачиванию ценностей, будут и просто тащить, но будут и ушваривать, всячески отравлять сознание. Мы, коммунисты, ушли в подполье. Но ведь немцы захватили только территорию. Душу народа, его убеждения, его национальное достоинство и самосознание немцы захватить не смогли. Народ по-прежнему верит нам, коммунистам, идет за нами, ждет нашего слова. Партизаны - наша подпольная армия, армия в тылу врага. Коммунистам, оставшимся на захваченной немцами земле, не следует

ограничиваться партизанскими делами. Мы обязаны видеть, знать все. Наши люди должны быть везде. Чтобы успешно бороться с врагом, нужно изучить его оружие.

В мирное время обком, райком, низовые организации коммунистов были тесно связаны с народом, возглавляли все участки социалистического строительства. Теперь, в оккупации, мы, коммунисты, также должны знать решительно обо всем, что происходит на территории наших действий. И тогда мы сможем повсеместно организовать противодействие немецким приказам, немецкой агитации и пропаганде. Немцы будут пытаться наладить сельскохозяйственное и промышленное производство, транспорт, связь. И вот тут-то наши мирные профессии очень и очень пригодятся. Врач, фармацевт, агроном, тракторист, секретарь-машинистка, актер, уборщица - все нам нужны, всех мы зовем на борьбу и с фашистами, и с фашистской идеологией, и с так называемым "новым порядком", который немцы будут внедрять. Саботаж, диверсия, нападения из-за угла - законное оружие народа, который хотят поработить. Мы можем не сомневаться: каждый подлинно советский человек внутренне ощетинился. Каждый советский человек хочет бороться с врагом. Мы, коммунисты, должны сделать так, чтобы люди не только хотели, но и могли бороться. Мы должны им показать, что они не одиноки, что существует мощная подпольная организация коммунистов; она ведет народ к освобождению.

Окончилось это первое большое собрание коммунистов, подпольщиков Черниговщины, в пятом часу утра. Стоя, пропели "Интернационал". Прощаясь, обнимались; некоторые товарищи и целовались. Каждый знал, что идет на смертельный риск. Но о риске, о смерти, об опасности не говорили.

Наша обкомовская группа - Днепровский, Зубко, Надя Белявская, Плевако и я - решила, как только рассветет, отправляться на поиски Ичнянского партизанского отряда.

До света мы позволили себе немного отдохнуть, в селе Пелюховка одинокая красноармейка предоставила нам свою хату. В хате было холодно, но сухо. Мы рядком улеглись на пол и проснулись только часов в девять утра.

И опять начались наши странствования. Наша задача: найти Ичнянский отряд, ближайший действующий партизанский отряд Черниговской области.

Вот как это выглядело.

Четверо мужчин и одна молодая женщина идут по осенней, очень грязной дороге. Сами они тоже весьма неприглядны. Один из мужчин коренастый, бородатый, с палкой в руке, на ногах огромные, с загнутыми носами, насквозь мокрые башмаки, оба на

левую ногу. На нем куртка из домотканной грубой шерсти, опоясанная чересседельником; карманы куртки оттопырены. На голове старая толстая кепка; за пазуху что-то засунуто, поэтому живот выпирает острыми углами... По-моему, нетрудно догадаться, что за пазухой ручные гранаты. Но, странное дело, встречные не догадывались. Впрочем, кто их знает, встречных, что они думали. Коренастый человек - я, Федоров, в то время Федор Орлов, а по документам Алексей Костыря.

Второй - темноволосый, высокий, довольно плотный человек в бобриковом пальто, в солдатских сапогах, кепке, надвинутой на самый лоб. Солидный, насупленный, даже сердитый вид. Шаги делает большие. У глубоких или широких луж высокий останавливается, он ждет коренастого. Коренастый лезет к нему на закорки, и высокий молча, не откликаясь на шутки своей ноши, перетаскивает коренастого на другую сторону. Это Павел Васильевич Днепровский, он же Васильченко.

Третий - молодой человек в стареньком ватнике, галифе и порыжевших хромовых сапогах. И хотя галифе заляпаны глиной, ватник местами порван, а лицо давно не бритое, каким-то чудом молодой человек сохраняет изящество, молодцеватость, будто он на прогулке. Кажется, что под ватником у него хорошо сшитый китель с начищенными пуговицами. Так как дорога проходит тут большей частью по лесочкам и кустарникам, молодой человек то и дело отходит вправо, влево, забегает вперед, поднимается на холмики, осматривается и опять возвращается к основной группе: он определяет, нет ли опасности. Этот ободранный щеголь - наш разведчик и прекрасный товарищ Вася Зубко.

Женщина - в темной бумажной юбке, кожанке и красном платочке. У нее давно запечатленный в литературе облик женделегатки. Вероятнее всего, она с превеликим трудом раздобыла себе такой наряд именно для того, чтобы приобщиться к этому типу. Она - чернявая, среднего роста, лет двадцати трех или двадцати четырех, но оттого, что пострижена и так одета, - можно дать и больше. Серьезность она считает главным признаком большевика, озабоченность - главным признаком серьезности. В руке она держит белый узелок, абсолютно белый, будто накрахмаленный. Как она сохраняет его всегда чистым, - ее тайна. Что в этом узелочке - тоже ее тайна. Молодая женщина ревностно охраняет свою тайну, хотя никто из ее спутников и не пытается в нее проникнуть. Часто женщина, отделившись с кем-нибудь одним, отстает или обгоняет группу и, что-то доказывая, укоризненно качает головой. Вероятно, она недовольна кем-нибудь из товарищей и другому объясняет свою точку зрения. Когда впереди на дороге появляются люди, женщина в кожанке

обгоняет своих товарищей, первая встречает чужих. Если это немцы или подозрительные люди, женщина перекидывает свой узелок через плечо и тем самым дает знать: берегись. Эта женщина - Надя Белявская, наша верная спутница.

Пятый - в прошлом полный, теперь почти тощий, рыжеватый, удивительно веселый человек. В любое время он и сам готов и других призывает "спиваты". Всегда шутит и кого-нибудь поддразнивает. Надя, конечно, такое поведение не одобряет. Одет он в серый длинный пиджак и кирзовые сапоги. Это Павел Логвинович Плевако.

Со стороны передвижение нашей группы выглядит так: она кружит, петляет, возвращается на старое место, члены ее расходятся в разные стороны, вновь собираются... При встречах с людьми - то подолгу сидят и разговаривают, то вдруг поворачивают и быстрым шагом идут назад, скрываются в кустарниках или в лесу. Заходя в село, раньше чем постучаться, внимательно присматриваются к хатам. Выходят из хаты неожиданно, среди ночи. А днем зарываются в стог сена или в скирду пшеницы и спят.

Странная, можно сказать, дикая жизнь. Мы огрубели, обветрились, натерли толстые мозоли на ногах. В общем в этих бесконечных передвижениях мы закалялись. Никто не простужается, не пьет капель и порошков, даже не хандрит. Приучились мы спать в любых условиях и, просыпаясь, мгновенно приходить в бодрое состояние духа.

Вася Зубко уже несколько дней пытается через двух коммунистов из Ичнянского района установить местонахождение отряда. Но ни тот, ни другой ничего определенного сообщить не смогли, хотя потратили на поиски немало времени. Меня это выводило из себя: "Что же это за разведчики, в своем районе не могут ничего сделать!" Единственное, что они твердо выяснили: отряд существует, действует, носит название "имени Хрущева".

Еще до оккупации, в Чернигове, мы знали, что Ичнянский отряд первоначальным местом дислокации избрал Омбишский лес. Мы и решили начать поиски с этого самого леса.

Утром первого ноября наша группа перешла в Ичнянский район и тогда же невольно стала участником какой-то странной, очень запутанной игры. Нам известно было, что отряд где-то неподалеку, быть может, всего километрах в пятнадцати. Мы искали отряд, а командование отряда, через наших связных, посланных еще с хутора Жовтнев с директивой обкома, знало, что мы бродим поблизости, в свою очередь, искало нас. Немцы со своими националистическими прихвостнями искали и нас и отряд. Все обманывали, все следили, заметали свои следы, в

общем, как в добротном детективном романе.

Девять дней кружили мы по району, и, надо сказать, приключения наши нас не увлекали, а раздражали; трудности же... да были случаи, когда трудности нас даже радовали...

Но лучше по порядку.

К этому времени в большинстве районов оккупанты уже организовали кое-какую власть. Коменданты привезли из западных, ранее захваченных областей разную националистическую сволочь и уголовников. Из этих "кадров" формировались полиция и старостат.

И если всего каких-нибудь две недели назад население довольно радушно относилось к бродячим русским людям, то теперь уже начало их остерегаться.

На одном из участков Омбишского леса мы зашли к старику-леснику. Спросили его о партизанах. Он в ответ стал расспрашивать, кто мы.

- Пленные, пробираемся в свой родной Репкинский район.

- Ну и пробирайтесь, чего ж вы о партизанах пытаете.

Зашел сын его - парень лет двадцати пяти. Этот просто сказал, что не верит нам.

- Бросьте вы дурака валять. Что, я не вижу, какие вы пленные. Скажите, зачем вам партизаны?

Мы дали понять, что имеем отношение к партизанам, хотим к ним попасть, связаться. Парень обрадовался, попросил мать накормить нас. Сам стал хлопотать, ухаживать за нами. Затем побежал куда-то, сказал, за самогоном, и пропадал минут сорок. Самогону не достал, но зато узнал самое для нас важное!

- Идите по этой дороге через реку Удай, мимо села Припутни, спросите там хутор Петровское, а на том хуторе разыщите лесника-объездчика Гришу. Он должен знать, где партизаны.

Мы долго благодарили папашу и сынка, жали им руки. Но с этого момента... нам стало ужасно не везти.

Мы шли по указанной дороге и через некоторое время увидели реку и мост. Возле моста скопились люди. Вперед отправилась Надя Белявская.

Так как узелок на плечо она не поднимала, мы пошли к мосту.

Оказалось, что мост сорван еще частями Красной Армии при отступлении. Из воды торчали лишь сваи. А народ, что здесь собрался, - это жители ближних сел. Их пригнали районные власти, приказали настелить на сваи доски, построить пешеходный мостик.

Работало тут человек пятнадцать женщин, только бригадир - паренек лет двадцати двух, плотник.

Колхозницы обрадовались случаю отдохнуть и расселись на бережку, окружили Надю. Она им что-то горячо говорила. Мы тоже уселись. Надя уговаривала женщин саботировать все указания и распоряжения новых властей.

- Зачем вы строите мост, ремонтируете дороги? Вы устанавливаете связь между селами и городами, налаживаете транспорт. Это же немцам нужно. Вот разойдитесь Сейчас же. Бросьте все! А еще лучше - сорвите доски, которые вы прибили. Вот и покажете, что вы с Красной Армией, с партизанами!

Женщины жадно слушали Надю. В большинстве они были молодые, увлекающиеся. А парнишка, бригадир (мы уже знали, что его зовут Миша Гурин), прямо в рот ей смотрел. Он то и дело повторял:

- О це верно, це дуже верно! Здорово!

А на той стороне реки, примерно в километре, виднелось село Припугни, то самое, к которому мы стремились. Мост был почти закончен. Положить досок десять на сваи, прибить их, и пешеход может идти.

Я незаметно дернул Надю за рукав, взглядом хотел дать понять: "Говоришь ты хорошо, однако нам-то нужно на ту сторону. Опомнись!". Но она продолжала.

Парнишка подал пример. Он первый побежал с топором к мосту и раз-два-три - сбил доску, другую, сбросил их ногами в воду.

- А ну, девчата, берысь! Хай йому черт! Будем гуртом отвечать.

Девчата не заставили себя долго ждать. С криком, шутками, смехом они в полчаса разбросали весь мостик. Парнишке и этого показалось мало. Он велел своей бригаде весь запас стройматериалов, что лежали на берегу, тоже скинуть в реку.

Я отвел Надю в сторону:

- Что ж ты, голубушка, начудила?!

Она нисколько не смутилась, ее даже удивил мой вопрос.

- Но, Алексей Федорович, ведь мы призываем крестьян к жертвам, должны же мы показать пример.

Что ж, это, конечно, логично. Но я предпочел бы, чтоб Надя начала свою агитбеседу уже на той стороне реки... Вода была ужасно холодная. Мы по пояс промокли, переходя реку вброд.

*

В Припутни мы не зашли. Зубко успел там побывать и, вернувшись, сказал, что в селе что-то случилось.

- Народ волнуется, собирается, бабы размахивают руками...

После невольного купанья мы выглядели так, что показываться на люди не хотелось. Решили, хотя дело было уже к

вечеру, двигаться прямо в хутор Петровское. Узнали, что он всего километрах в четырех. А там, в Петровском, и Гриша-лесник.

Было уже темно, когда мы постучались в бедную, покосившуюся, крытую соломой хатенку. Хозяйка нас впустила неохотно. Однако Павел Логвинович своими шутками довольно быстро развеселил хозяйку, и та заметно подобрела, предложила даже сварить картошки. Мы, конечно, не отказались. Горшок с картошкой она поставила на какой-то очень низкий стол. Каганец горел такой маленький, что мы и друг друга не видели.

Я ткнул ногой - под столом плетеная корзина. Оказалось, что стол наш - большой соломенный кош, сверху покрытый доской.

- Что же это у вас, хозяюшка, - сказал я, - даже стола-то нет?

- Бедность. Мужа у меня не мае. Сама шью... так иголкою стола не зробишь...

Нам нужно было здесь непременно задержаться хоть на день, два. И вот представился естественный повод.

- Так это мы можем, - сказал я хозяйке. - Почему бы для хорошего человека стола не сделать?! Я как раз плотник. Вот с Павлом Логвиновичем мы вам за один день такой стол срубим, что хоть пляши на нем. А Надя тем временем постирушкой займется. Услуга за услугу: вы ей, хозяюшка, воды согреете.

На этом и порешили. Где-то у соседей хозяйка разыскала плотничный инструмент, и мы с утра приступили к работе. Надя и в самом деле принялась за стирку. А Вася Зубко пошел искать Гришу-лесника.

Вернулся хмурый. Гришу-то он нашел. Это оказался юноша лет семнадцати-восемнадцати, но удивительно несговорчивый, скрытный паренек.

- Ничего я из него вытянуть не смог, Алексей Федорович, - рассказывал Вася. - Поверьте чутью разведчика: по-моему, не только он, и мать его и сестренка - все знают, где партизаны. Я уж ему всякие намеки делал, сказал, что коммунист. Божится: "Ничего, дяденька, не знаю!"

Доски хозяйка нашла на колхозном дворе. Стол наш успешно мастерился. Плевако стучал молотком и шуршал фуганком. К окнам прилепились мальчишки, за ними появились бабы. Нашлись заказчицы:

- Приходите и ко мне. Треба двери к зиме починить...

- А у меня кровать дуже плоха. Чи не можете вы нову зробыть? Гроши у меня есть, но на хуторе где столяра взять?

Пришел и какой-то хмурый дядько, чуть не допрос учинил:

- А давно вы этим ремеслом занимаетесь?

- Это моя основная специальность. Работал в Чернигове на мебельной фабрике. Да вот война... А теперь из плена...

Столяром-то я в действительности никогда не был, но плотничал неплохо. Еще когда на туннеле работал - приходилось. Крепильщик - это ведь, в сущности, тот же плотник. Плевако тоже умело орудовал молотком и стамеской.

Дядько хоть и сделал вид, что поверил, однако мы поняли, что долго тут нам подвизаться не стоит.

Пошли мы с Павлом Васильевичем Днепровским к Грише-леснику. Надеялись, что сумеем лучше Васи его обработать. Не тут-то было. Упорный мальчишка! В глаза не смотрит. На вопросы отвечает так, будто мы не коммунисты, а немецкие следователи. У меня даже закралось подозрение, что нас к нему с того берега и послали, чтобы сбить со следа.

Днепровский сгоряча возьми да и скажи:

- Чудак ты, парень! Ведь нам точно известно, что ты комсомолец, что ты у партизан бываешь. А мы - коммунисты, нам во что бы то ни стало надо их найти, иначе немцы... - и Днепровский затянул воображаемую петлю вокруг шеи.

Гриша задумался. Мы не мешали. Видно было - трудно ему. Действительно задача такая, что и многоопытному большевику сразу не решить. Потом-то мы узнали - дело осложнялось еще тем, что вчера партизаны в Припутнях казнили одного предателя, а в хуторе Петровском сорвали немецкую пломбу со склада и унесли в лес восемь мешков муки... Пойди-ка вот теперь и определи, кто эти пришлые: действительно ли коммунисты или подосланные немцами полицаи.

- Вот что, товарищи... Есть в Припутнях голова колгоспу по фамилии Диденко. Вин зараз дома. Он, пожалуй, кое-что вам и скажет... Третья хата злива. Тольки вы не йдить прямо по вулыци, а зайдить з стороны огородив...

Мы с Павлом Васильевичем признали, что Гриша поступил правильно, чем самому решать такую сложную задачу, лучше нас послать к старшему товарищу. Фамилию этого председателя я помнил, встречался с ним. И отправились мы по указанному Гришей направлению.

Но и в Припутнях нам не повезло. Диденко не оказалось дома, еще вчера куда-то ушел. Жена встретила нас ласково, даже чрезмерно, говорила каким-то сладким голосом. Но в глаза не смотрела, слово "товарищ" не произносила, двери хаты не затворяла, садиться не предлагала: по всему видно - боялась нас.

Когда вышли от нее, сказал я Днепровскому:

- Не иначе - принимают нас с тобой за полицаев. Да, паршивое у них, у этих полицаев, положение. А ведь здорово народ партизан оберегает от постороннего глаза. Попробуй, пригрози пистолетом, думаешь, скажет?

- Гриша тут уже, видно, побывал и их предупредил. А мы, два старых дурня, ему и поверили.

Что было делать? Потолкались немного по сельской улице и направились было обратно в Петровское, как вдруг заметили, что возле конного двора толпятся люди. Пошли туда. И что же, там среди местных мужиков и Гриша. Стоит возле своей лошади, а лошадь мокрая от пота. Подозвал я его к себе и, сказать прямо, очень разозлился:

- Что же ты, малый, с нами делаешь? Что же ты это брешешь, водишь нас за нос, будто дурачков?!

- Расстреляйте - ничего не знаю! - с решимостью в глазах и очень дерзко ответил Гриша.

Лицо у него открытое, глаза сверкают - такой и под угрозой расстрела ни слова бы не сказал. Теперь мне стало ясно - он партизан и крепкий, надежный малый.

Я ему на ухо шепнул:

- Я Федоров, секретарь обкома, понимаешь? Мне сегодня же нужно связаться с командиром отряда!

Гриша оглядел меня с головы до ног, тень улыбки Скользнула по его лицу, потом с какой-то преувеличенной серьезностью он сказал:

- Я, товарищ Федоров, сам ничего не знаю. А ось Колы хочете, то тут колхозный счетовод, Степан Погребной, той, може, вам що и скаже.

- Ну, смотри, если опять обманешь!..

Но он, конечно, нас опять обманул. То ли предупредил Счетовода, то ли тот действительно ушел... Жена счетовода сказала:

- Вы, мабуть, Диденку шукаете, он на зибрании старост в школе. Там районный бургомистр прыихал и старост со всех сел созывает.

Зол я был ужасно. Третий день крутимся, и никакого толку. Ведь не выходить же на середину улицы и не орать, что я Федоров, покажите мне дорогу к партизанам! Раньше, когда не надо было, находилось сколько угодно людей, которые меня узнавали, а теперь... Неужели я так переменился? В Припутнях я до войны бывал уж никак не меньше пяти раз... Неужели так не солоно хлебавши возвращаться в Петровское? Право, даже стыдно. И вдруг пришла мне в голову на первый взгляд дикая, нахальнейшая мысль.

- Слушай, Павло, - обратился я к Днепровскому. - Давай-ка мы... Давай-ка мы, Павло, пойдем в школу. Да, да, на собрание старост! Была не была! Уж там-то мы, наверное, кого-нибудь из наших людей увидим... Да и надо же нам когда-нибудь

познакомиться с бургомистром, посмотреть на эту сволочь.

Днепровский не сразу ответил. Опасения его были основательные: предприятие рискованное, в случае провала можем поставить под удар всю областную организацию.

- Смотрите, Алексей Федорович, если найдете нужным... я, конечно, от вас не отстану.

Я нашел нужным. Решили в случае чего действовать гранатами. У нас их было по пять штук на брата. Кроме того, еще пистолеты - у меня два, у Днепровского один.

*

У входа в школу стоял рессорный экипаж на резиновых шинах, запряженный парой довольно сытых, но не подобранных по росту лошадей. На сиденье этого допотопного дрондулета лежали красные диванные подушки. На козлах дремал, закутавшись в тулуп, бородатый старикашка. Экипаж этот, по всей вероятности, был изъят из районного музея.

- Папаша, - обратился я к старику. - Что, староста тут?

Он хитро улыбнулся, подмигнул и с комической важностью произнес:

- Який тоби, хлопче, староста, це сам заступнык районного бургомистра Павло Глебович Гузь прибыл на инспекцию.

В коридоре до самого потолка были навалены пыльные парты. Двери классов закрыты. За одной из них мы услышали голоса и постучались. Вошли преувеличенно смиренно, сняли шапки.

За большим столом, предназначенным, вероятно, для физических опытов, сидел, развалясь в кресле и пощипывая ус, человек лет пятидесяти. Лицо ничем не примечательное, а вот одежда... он, видимо, к ней не привык. Пиджак из черного блестящего сукна, вполне возможно, тоже из музея; вышитая украинская рубашка. А на спинке кресла раскинута меховая шуба. Определенно, тип этот играл роль барина, - если не помещика, то во всяком случае крупного дореволюционного чиновника. Нас он, конечно, добрых пять минут не замечал. Держал перед глазами в вытянутой руке пачку бумаг и важно хмурил брови.

Были тут в комнате еще трое. Толстая девица с поразительно глупым лицом. Напудрена до самых глаз. Она, видимо, исполняла роль секретарши. Но делать ей было решительно нечего. Она рисовала на столе цветочки.

Позади "важного чиновника", возле окна, сидел на стуле пожилой немецкий солдат. Он безучастно посмотрел в нашу сторону, зевнул и отвернулся. Какова была его роль? Охрана или представительство - кто знает? Он скучал.

Четвертым же был, верно, местный человек - ярко

выраженный тип старого пьяницы. Налитой нос, чуб, свисающий из-под шапки. Мутные с похмелья глаза. Ничего, кроме желания выпить, на этом лице прочитать было невозможно. Он стоял, опершись руками о стол, ждал, наверное, распоряжений. В общем все это было похоже на глупейший водевиль.

Парт в классе не было, вместо них скамьи, посредине и вдоль стен. В дальнем углу топилась круглая железная печка.

Мы стояли молча, переминаясь с ноги на ногу. Люди эти вызывали во мне брезгливость и вместе с тем горечь.

Наконец "пан" заступник бургомистра соизволил обратить на нас внимание.

- Що треба?

Хотелось б ответ схватить его за шиворот, вытащить на улицу и при всем честном народе набить морду. Но я смиренно сказал:

- Шукаем старосту. Есть кимецький закон, чтобы отпущенным плинным оказывать помощь. Ось мы и прийшли до старосты...

Напыщенный глупый позер, он просто упивался своим положением. Он даже не стал нас расспрашивать, да и не разглядел как следует. Его распирало желание поучать.

- Який же я староста? Ось це староста, - и он указал на пьянчужку, он знает законы, он вам усе и зробе.

- Добре, - буркнул староста.

Но, раз начавши говорить, "пан" уже не мог остановиться. Говорил он напыщенно, величественно жестикулируя.

Днепровский задал ему несколько вопросов. Сказал, что вот мы бредем домой и не знаем, что делается на фронтах, как дальше жить.

- Непобедимая доблестная армия великой Германии добивает последние части Червоной Армии в предгорьях Урала. Москва и Петербург сдались на милость победителя. Украина вызволена... - От восторга перед собственным красноречием "пан" даже встал, закинул голову и при этом то и дело оглядывался на немецкого солдата, сидевшего у окна. Но тот невозмутимо барабанил по стеклу, позевывал.

Начал собираться народ. Гузь предложил нам с Днепровским остаться на совещании.

- Послухайте, як треба строиты нове життя!

Мы, конечно, охотно согласились. Я сел на краешке скамьи возле печки, Днепровский - шагах в трех от меня. Только мы так устроились - смотрю, входит Диденко. Он узнал меня и в первую минуту так растерялся, что побелел. Затем совладал с собой и довольно безразличным голосом спросил у старосты, что за люди. Узнав, кто мы, он сказал, что пристроит нас на ночь по соседству с собой.

К школе то и дело подъезжали подводы. Это было нечто вроде "актива" ближайших сел. На совещание Гузь созвал, кроме старост и председателей колхозов, учителей, агрономов. Большинство держалось скованно. Никто громко не разговаривал, ни один человек даже и не улыбался. Я обратил внимание еще на то, что люди избегали глядеть друг другу в глаза - будто стыдятся. Да, большинству было, верно, стыдно, что подчинились, приехали слушать этого типа.

Тут произошла безобразная сцена. К зданию школы подкатила очередная подвода. Мы услышали громкую брань, потом началась возня, борьба.

- Ох! - приглушенно кричал кто-то. - Ох, не бейте, люди добры!

Еще долго возились в коридоре, затем распахнулась дверь, и несколько возбужденных, раскрасневшихся селян с силой втолкнули в зал связанного человека.

Это был высокий детина лет тридцати. Голову он по-бычьи наклонил, взглядом уперся в пол. Руки, стянутые за спиной сыромятным ремнем, посинели от напряжения. Всклокоченные волосы закрывали лоб; из углов рта стекали струйки крови. На вспухшей щеке виднелся след каблука.

Гузь сделал повелительную гримасу.

- Що, що таке?

Связанный было рванулся к нему, и Гузь поднял к лицу руки, как бы ожидая удара.

- Ах ты, шкура! - крикнул один из сопровождавших и дал связанному такой тумак, что тот повалился на колени. Подбежал еще один селянин, ударил его ногой в бок, какая-то старуха с узлом в руке несколько раз плюнула ему в лицо. Вообще разобрать ничего нельзя было.

Когда страсти немного стихли и связанного оттащили в угол, Гузь с надеждой в голосе спросил:

- Хто такий, партизан?

Отвечать хотели все гуртом, снова поднялся шум, Гузь брезгливо поджал губы. Лишь минут через десять стала ясна суть дела.

После отступления частей Красной Армии на хутор Глуховщина вернулся Спиридон Федюк, по прозвищу "Кабан". Давно уж он, лет, верно, восемь, не появлялся в родном селе. Знали о нем, что человек он пропащий - вор, бандюга, что засудили его в Ворошиловграде за ограбление прачечной на семь лет и отбывает он наказание где-то в лагере. Как только появился на хуторе Кабан, он прежде всего завел самогонный аппарат. Пил он без просыпу и всем грозил, что может, мол, на чистую воду вывести. А вчерашней ночью люди услышали крик в крайней избе, где жила жена командира Красной Армии Калюжного. Женщина выбежала из хаты навстречу подоспевшим крестьянам с ножом в спине. Рухнула замертво. В хате же нашли задушенную дочку Калюжного, семилетнюю Настю, и сильно ушибленного и перепуганного трехлетнего мальчонку Васю.

Крестьяне бросились на поиски в лес и схватили там Кабана.

Гузь начал допрос. Все слушали с напряженным вниманием Даже немец - и тот вылупил глаза и открыл рот. А затем он подошел к Гузю, шепнул ему что-то. Гузь с готовностью вскочил и крикнул в зал:

- Чи есть тут вчитель нимецького языка? Треба переводчика.

Нашлась старушка. Ее усадили рядом с немцем.

- Ну, шо ты скажешь? - спросил Гузь с наигранной строгостью.

Бандит мотнул Гузю головой на карман своего пиджака. Гузь полез в карман Кабана, достал оттуда измятую бумажку, долго разглядывал, потом подал немцу. Немец кивнул головой и вернул бумажку.

- Так... - сказал Гузь. - Так-так, - повторил он и сильно наморщил лоб. Он был явно растерян. - Дело такое! Этот гражданин, по фамилии Федюк, уполномоченный немецкой комендатуры. - Повернув лицо к связанному, Гузь сказал:

- Это - недоразумение, сейчас вам развяжут руки.

Бандит поднялся, нагло обвел всех взглядом.

- Я, - сказал он громко, - пан бургомистр, проследил: Мария Калюжная была связана с партизанами Ее муж - коммунист. Весь хутор, господин бургомистр, партизанский!

- Брехня, вин бреше! - закричали хуторяне.

Волнение передалось всему залу. Все шептались, переговаривались. Кто-то крикнул:

- Повесить убийцу!

Немец, внимательно следивший за всем, вскочил и разрядил свой парабеллум в потолок. Мгновенно наступила тишина. Немец опять сел и дернул за рукав переводчицу.

- Я полицай, - повторил Федюк. - К Марии Калюжной ежедневно приходили партизаны...

- Если порядок наводил, зачем это добро забрал?! - с этими словами старуха кинула на стол большой узел.

- Это конфискация, - немало не смутясь, заявил бандит.

Слово "конфискация" произвело магическое действие на немецкого солдата. Он заволновался, стал торопить переводчицу. Она поднялась и прерывающимся голосом, заикаясь, сказала:

- Господин немецкий солдат просит напомнить вам, пан заступник бургомистра, что по действующей инструкции из конфискованных муниципальными властями предметов все драгоценные металлы, а также каменья и произведения живописи и ваяния должны быть сданы в фонд имени Геринга... - пока старушка говорила, солдат несколько раз подгонял ее злобными окриками.

В зале царило напряженное молчание. Я конвульсивно сжимал за пазухой ручку гранаты. Несколько раз взглянул на Днепровского. Никогда я еще не видел его таким. Если бы Гузь или немец, или этот связанный полицай не были так заняты своим "делом" и обратили бы внимание на Павла Васильевича... Он побледнел, его била лихорадка. Правую руку он держал в кармане. Он бросал на меня умоляющие взгляды. "Начнем, да начнем же, Алексей Федорович!" - только так можно было понять его сигналы. Соблазн был, действительно, страшный. Швырнуть гранату, а потом... Как же трудно было сдержаться! Но нельзя, нельзя терять здравый рассудок.

Я заметил, что узнал меня не только Диденко. Человек восемь, не меньше, то и дело поглядывали в мою сторону. Возможно, и они ждали моего сигнала. Но в комнате собралось не меньше тридцати человек, почти одни мужчины. Я, признаться, был крайне взволнован, нервы ходуном ходили. Я оглядывал тех, что были со мной рядом. Что они думают, вооружены ли, на чьей стороне будут в случае схватки?.. Немец хладнокровно

перезарядил свой парабеллум... Как распределятся силы? А если двадцать пять из тридцати вроде этого Федюка?

Гузь медлил. Наконец с важностью Соломона произнес:

- Снимите оковы с этого защитника нового порядка! Каждый должен знать, что большевики, а также все их родичи - вне закона!

Узел он снял со стола и передал немцу. Красноносый староста развязал бандиту руки.

- Теперь, - продолжал Гузь, - приступаем к повестке нашего собрания.

Один из селян внезапно закричал:

- Эскадрон, по коням!!! - и рухнул на пол. У него начался жесточайший эпилептический припадок.

Немец что-то бешено заорал, затопал ногами, Федюк и староста схватили несчастного за руки и выволокли в коридор. Односельчане его вышли вслед.

Ни Федюк, ни красноносый староста в зал не вернулись. Через минуту мы услышали стук подков: припадочного, по-видимому, увезли.

Гузь начал речь. Он кричал, гримасничал, брызгал слюной, грозил по адресу партизан кулаком, истерически хохотал. Образцом оратора для него был, несомненно, Гитлер.

Рядом со мной уселась отпущенная немцем старушка-учительница. Ее трепал озноб. Она тянулась к огню. Мне она была неприятна; я отвернулся. Вижу, у двери стоит тот самый юноша-плотник, который с женщинами развалил мостик через реку Удай, - Миша Гурин - и крутит цыгарку. Я поднялся, подошел к нему и громким топотом сказал:

- Дай-ка, хлопче, бумаги.

Он оторвал мне кусок газеты. Я стал крутить папиросу, а тем временем сильно сжал его ногу коленями и сдвинул брови. Он еле слышно прошептал:

- После собрания у Диденки!

Я вернулся на свое место возле печки. Когда садился, неловко зацепил карманом куртки за скамью, а карман этот был у меня чуть не доверху набит патронами для пистолета. Один из них вывалился. Быстро я глянул вниз, старушка-переводчица уже прижала патрон ногой. Взгляд же ее ничего не выражал, с тупым равнодушием, как и все, она глядела на Гузя. "Эге, подумал я, - да здесь немало хороших людей". Гузь скоморошничал, верно, не меньше полутора часов. Подконец перешел от патетической истерии к "деловой части". Он стал требовать, чтобы ремонтировали дороги, мосты; чтобы все регистрировались у старост, чтобы трудоспособные не выезжали без разрешения.

Возмущался, почему в начальной школе еще не приступили к занятиям.

- Програмы та учебны планы уже е, треба завтра начаты заняття!

Кто-то наивно спросил:

- Как же так, завтра же седьмое ноября, праздник.

Гузь побагровел, вскочил:

- Какой такой праздник? Это что, большевистская агитация?..

Обошлось без арестов и без выстрелов. Но Гузь воспользовался этим случаем, чтобы поговорить еще минут пятнадцать.

Закрыв собрание, Гузь поманил меня и Днепровского. Свел нас с Диденко:

- Вот этот гражданин устроит вас на ночлег.

Когда мы с Днепровским выходили из зала, нас окружали плотным кольцом человек десять. В темном коридоре мы не могли понять, что за народ так тесно прижался к нам. И только выйдя на улицу, облегченно вздохнули. Оказалось, что это добровольная охрана.

Мы разбрелись по двое, по трое. А через час собрались, но не у Диденко, как сперва предполагалось, а на отшибе села в заброшенной хате, где жили в то время два узбека-пастуха.

Это были два красноармейца, которым при отступлении поручили охрану довольно большого стала коров и овец. Вместе со стадом они очутились в окружении, а потом и в тылу. И вот месяц с лишним бродят они по лесам и перелескам Ичнянского района. Немцы приписали их к Припутнянскому старосте. Но пастухи-красноармейцы не всегда ночевали в селе, а порученное им стадо постепенно уменьшалось.

- В лесу бар командир, якши командир, - объяснил мне с улыбкой один из пастухов. - В Узбекистане волков ек. Тут волков - ой много! - с комической серьезностью говорил он.

Пастухи обещали завтра же через Диденко связать меня с лесным командиром и с "волками".

В хату узбеков собралось не менее половины тех людей, что были на совещании у Гузя. Здесь люди стали другими: говорили оживленно, просто, свободно. Как же я жалел, что тогда, в школе, не знал еще, сколько хороших людей там было! Можно было бы на месте решить и Гузя и его телохранителей. Но их судьба уже была с этого момента ясна. И за Гузем, и за Федюком, и за красноносым припутнянским старостой решено было установить наблюдение.

В тот же вечер мы с Днепровским направились обратно к своим товарищам в хутор Петровское. Диденко условился с нами

завтра, и никак не позднее чем 9 ноября, придти на хутор к Грише-леснику и проводить в отряд имени Хрущева.

Теперь нам стало совершенно ясно: Гриша нас морочил, путал, да не только он - все нас остерегались. В селах уже сложилась своя, внутренняя, конспирация. Бродячего люда много, селяне понимали, что большинство "бродяг" - люди советские, но сразу их не распознаешь. Поэтому к каждому приглядывались, он становился объектом изучения. Позднее мы узнали, что в селах, крепко связанных с партизанами, о каждом таком новичке, а тем более о группе новичков, ставили в известность командира отряда или комиссара.

*

Теперь, когда все выяснилось, казалось, что не возникнет больше препятствий. Завтра же мы будем в отряде. А ведь завтра - годовщина Великой Октябрьской революции. Быть может, в отряде есть радиоприемник, послушаем Красную площадь, Сталина, проведем праздник среди своих людей.

Когда мы вернулись "домой", то есть в хутор Петровское, к вдове, стол уже был закончен. Павел Логвинович начал вырезать на ножках какие-то финтифлюшки. Надо же было создать видимость работы.

С утра мы уселись за починку обуви. У всех сапоги и ботинки сильно потрепались. Но главное: надо было протянуть время, дождаться Диденко.

Мы заметили, между прочим, что в этот день на улице появлялось мало людей. Только выбегала изредка детвора. И мальчики и девочки были чисто одеты. Никто, оказывается, не работал. Демонстрации не устраивали, но все праздновали: в этом, собственно, и состояла демонстрация. От нашей хозяйки мы узнали, что даже в тех домах, где к немецким властям относились с боязнью или подобострастием, все-таки в этот день не работали, чтобы не идти против общества.

Мы тоже устроили небольшой пир за новым столом. Хозяйка с Надей наварили жирного борща, откуда-то раздобыли домашней браги и свекольного вина. Во время обеда пришел тот самый дядько, что спрашивал нас, откуда мы и что тут намерены делать.

Он, оказалось, тоже был вчера на собрании у Гузя.

- Пора и честь знать, - сказал он сперва строго, - погостили - и хватит. - Потом объяснил: - Проехали трое верховых. Один из районной полиции, другой, хоть и в крестьянской одежде, но по всему видать - немец, а третий - тот самый Федюк-бандит. Не иначе, собирается облава.

А Диденки все нет, и, как назло, нет и Гриши, ушел,

вероятно, на связь в отряд. Оставаться больше невозможно. Мы поблагодарили хозяйку и отправились в соседний хутор Глуховщина за пять километров. Сказали, чтобы Диденко нас там искал.

По дороге мы идти не решались. Двинулись тропками и залезли в такую чащу, что еле ноги из трясины выволокли. Блуждали мы по болотам весь вечер и часть ночи. Промокли, измазались, ужасно устали и замерзли. В Глуховщину попали только наутро. И, оказывается, нам повезло, что так вышло.

Уже светало, и мы увидели, как на хутор въезжает большая конная группа. Через минуту началась стрельба, мы услышали немецкие возгласы. Очень возможно, что отряд этот выехал по нашему следу.

Мы опять углубились в болота. Вскоре наткнулись на полотно заброшенной узкоколейки. Начинается она в хуторе Петровское, а куда ведет, не знаем. Но выбора нет: кругом болота и топь - решили идти по насыпи.

Вася пошел вперед на разведку. Вскоре возвращается от поворота.

- Там, - говорит, - одинокий всадник едет.

Мы спрятались в кустах. Когда лошадь поровнялась с нами, выскочили из засады. Всадник растерялся и поднял руки. И, хотя был он в крестьянской домотканной куртке, сразу залопотал что-то по-немецки. Мы его стащили с лошади, обезоружили и отвели в сторону; лошадь тоже свели с полотна.

- Тельман, Тельман, - повторял немец.

Но когда мы сняли с него верхний "овечий" его покров и ткнули стволом пистолета в эсэсовские значки в петлицах, он сразу перестал поминать имя Тельмана и упал на колени.

Стрелять в этой обстановке было рискованно. Я припомнил совет вятского шофера: "Иногда лучше, товарищ комиссар, втихую!"

Впервые за все мое путешествие я сел верхом на коня. Казалось, приятная перемена, но увы, конь вел себя беспокойно, поминутно ржал, пытался меня сбросить. Пришлось спешиться. Мы с Васей Зубко повели его в глубь леса, привязали к дереву: может, потом пригодится.

Вернулись к условленному месту минут через двадцать. Смотрим: горит костер и около него не три человека, а пять. Если бы не надина косынка, решили бы, что чужие. Подходим, а возле костра, кроме наших, еще два парня. У каждого по большому мешку. Мешки промокли; в них видно мясо.

Разговор довольно странный:

- Вы кто такие?

- А вы кто такие?

- Да мы с войны.

- И мы с войны.

- А чего здесь делаете?

- А вы чего сюда приперлись?

Я слушал, слушал, надоели эти бесконечные пререкания.

- Вот кто мы! - сказал я и вытащил из кармана свой пистолет ТТ, подержал его на ладони. - Сычова знаете? (Сычов был командиром Ичнянского партизанского отряда).

- Знаем Сычова.

- А Попко знаете? (секретарь Ичнянского райкома партии).

- Мы-то знаем, а вы откуда этих фамилий понабрали?

- Так я Федоров, слыхали такого?

Но они все еще не верили. Пришлось подробно описать внешность и командира и комиссара. Кроме того, я припомнил деталь, которая и рассмешила и окончательно убедила товарищей. Сычов имел презабавную привычку повторять слово "хорошо".

- Товарищ Сычов, у вашего соседа корова сдохла.

- Хорошо-хорошо.

- Товарищ Сычов, ваша жена заболела.

- Хорошо-хорошо-хорошо!

Вот когда я сообщил эту подробность, ребята признали в нас своих. Посидели мы еще немного у костра. Вася Зубко сходил за немецким конем. Потом поджарили на деревянном вертеле по куску мяса из мешков наших новых товарищей. Подкрепились, отдохнули и пошли по путаным партизанским тропам.

*

Впоследствии я перевидал десятки отрядов и соединений, мог сравнивать их, оценивать. Но 9 ноября 1941 года я впервые столкнулся с действующим партизанским отрядом, впервые познакомился с этим чрезвычайно своеобразным человеческим коллективом.

За последние несколько дней мы очень устали, можно сказать, измучились. Мокли в болотах, дрогли, голодали. С того самого момента, как мы попали в расположение отряда, и у меня, и у моих спутников впервые появилось чувство личной безопасности. Мы смогли "отпустить нервы", то есть не напрягать зрения, слуха, не приглядываться с недоверием к каждому человеку. Мы попали в поселение единомышленников, поселение, имеющее вооруженную защиту, внутренний порядок, законы.

Итак, нервное напряжение у нас ослабло, а держались мы, конечно, нервами. Сразу почувствовали желание отдохнуть, умыться, поспать по-настоящему... Встречали нас радушно. Да что

там радушно, встречали восторженно, обнимали, целовали, долго трясли руки. Каждый старался поскорее затащить в свой шалаш. Знакомых было много, искренность чувства была вне всяких сомнений. Однако...

Да, было и "однако". Пришлось поумерить немного пыл встречающих, взять иной тон, так сказать, приосаниться. Внешность свою я описывал уже довольно подробно, а к этому времени я еще больше обтрепался. Так что слово "приосанился" звучит, вероятно, комично. Но это было необходимо, и вот почему.

Я прибыл в Ичнянский отряд не для отдыха и не для того, чтобы почувствовать личную безопасность. И, как бы ни выглядел внешне, как бы ни нуждался в поддержании своих сил, ни на минуту я не имел права забывать о своих обязанностях. Я не боюсь быть понятым ложно. Каждый командир знает, о чем я говорю.

Как начальник областного штаба партизанского движения я потребовал рапорта по форме и, раньше чем отдыхать, прошел по лагерю с инспекционной целью.

Двенадцать шалашей из веток были расположены под деревьями на расстоянии нескольких шагов друг от друга. В шалашах бойцы устраивались по своему вкусу и по тем возможностям, какие у них были: кто на сенниках, кто на плохо просушенном мху, кто на разостланном тулупе. В трех или четырех местах горели костры. На одном из них женщины варили в большом котле кашу. У других костров люди просто обогревались. Кстати, было уже морозно. Градуса четыре ниже нуля; снег еще не выпадал.

Оружие каждый боец держал при себе. Я проверил несколько винтовок и пистолетов. Вычищены были плохо. Многие ни разу свое оружие даже не опробовали.

В совершенном бездействии, заброшенным стоял ротный миномет. Никто им, оказывается, не умел пользоваться, и никто и не пытался научиться. Мы его тут же, в первый обход, проверили; выпустили несколько мин.

Когда стали обходить посты охранения, ближние заставы, я увидел вдруг того самого полусумасшедшего старика, которого мы с Симоненко встретили месяц назад невдалеке от Лисовых Сорочинц, да, именно того, который пас тощую корову и ночью грозил кулаком немецким бомбардировщикам. Он сидел на пеньке и вел протокол допроса пленного. На немецком солдате шинель, мундир и брюки были расстегнуты. Он стоял, поддерживая штаны, руки по швам, и дрожал. На земле с пистолетами наготове сидели два партизана. Увидев командира,

старик вскочил, взял под козырек и довольно браво отрапортовал:

- Товарищ командир отряда, боец-переводчик Садченко. По приказу комиссара отряда веду допрос пойманного бандита, именуемого солдатом германской армии...

По вычурности слога можно было безошибочно определить, что это именно тот старик. Он же меня либо не узнал, либо не пожелал узнать.

- Что за человек? - спросил я командира, когда мы отошли. - И где его корова?

- Откуда вы, товарищ Федоров, знаете про корову? Да, он, действительно, прибыл к нам с коровой. Назвался учителем немецкого языка из Полтавы. История интересная, повторяет он ее безошибочно, не сбивается - так что пока нет оснований не верить.

Сычов стал мне ее подробно излагать.

Дом его в Полтаве немцы разбомбили, при этом была смертельно ранена жена - умерла у него на руках. Сын в Красной Армии, дочь учится в институте в Москве. Немцы, как только захватили Полтаву, взяли на учет преподавателей немецкого языка. Ему предложили работать в комендатуре. Той же ночью он забрал с собой единственно оставшееся имущество - корову - и ушел из города.

Куда бы старик ни приходил, всюду он должен был регистрироваться. Немцы узнавали, что старик владеет немецким языком, и требовали: идите работать переводчиком Старик забирал свою корову и шел дальше. Он стал избегать людей, обходить села и города. Так он набрел на партизанскую заставу.

- Очень он нам пригодился: единственный в отряде человек, знающий по-немецки.

После инспекционного обхода я еще выслушал официальный отчет командования. Затем пошли обедать.

За столом нас забросали новостями...

Узнал я, что Капранов и Дружинин живы и здоровы, подобно мне, благополучно прошли от Пирятина. Они были здесь, пробыли недолго и отправились к Попудренко в областной отряд.

Узнал я и о том, что областной отряд действует, а слухи о его самороспуске распространяла ничтожная кучка дезертиров.

Попудренко уже стяжал себе известность своей храбростью и дерзкими налетами. Тянутся в областной отряд люди со всех сторон. Отряд расширяется, строится, но... И тут пошли разговоры на всякие спорные темы. Споры же следует решать в присутствии обеих сторон; мы их коснемся позднее.

- Как же это все-таки получилось, - спросил я командование отряда, что вы послали мне навстречу в Мало-Девицкий район

своих людей и они не сумели найти нас? Мы там большое совещание провели, стягивали людей со всего района. Ай да разведчики! Покажите, что за народ.

На зов командира явился худой высокий парень лет двадцати трех, в красноармейской форме. Назвался Андреем Корытным. Голос его мне показался знакомым.

- Что же это вы, товарищ Корытный, в своем родном районе не сумели нас найти?

Его, оказывается, схватили немцы. Да ведь это тот самый Андрей, который в Сезьках возле сеновала вел разговоры со своей милой!

- Слушай, друг, - сказал я ему, - может быть, немца ты и в самом деле стукнул топором, может, и храбрый ты парень, но ходил ты не меня встречать, а свою нареченную.

Он ужасно покраснел, стал было протестовать, но я продолжал:

- Так как же, в Днепропетровск вы поедете учиться или в Чернигов? Вызвал ты сюда свою красавицу? - Парень счел меня, верно, колдуном. Он так ошалело смотрел, что все расхохотались. - Ну, уж коли ты обещал, так забирай ее сюда в отряд. Командира мы уговорим.

Увидел я еще здесь и девушку-бригадира из Лисовых Сорочинц, а на следующее утро какой-то парнишка подал мне письмо. Впервые я получил в подполье письмо. Парнишка говорит:

- Просили передать лично вам, в собственные руки.

Аккуратно сложенный треугольник. Я его распечатал, взглянул на подпись - Яков Зуссерман.

- Где же он сам?

- Ушел к Попудренко. У нас уже человек пять ушло.

Вот что писал мне Яков:

"Алексей Федорович! Вы, может быть, подумаете, что я обидчивый и чересчур капризный и нервный. Я действительно стал безобразно нервный. Я был в Нежине, но, как Вы сказали, напрасно туда пошел. Там евреев согнали в гетто, за колючую проволоку. Насчет своей жены и сыночка я через людей выяснил, что они, может быть, уже убиты. Я ходил около проволоки два раза по ночам, меня чуть было не поймали, в меня стреляли. Что делать дальше? Я пять дней прятался у знакомых и не мог больше выдержать. Я видел через окно немцев, как они ведут себя нахально, как они хозяйничают. Били на улице старика прикладами и грабили магазин. Тогда я вспомнил, что Вы меня звали в партизаны, но еще надеялся узнать о семье.

Я встретил своего знакомого слепого Яшу Батюка. Он узнал

мой голос и повел к себе. Это, Алексей Федорович, произвело на меня такое впечатление, что я был пристыжен и очень потрясен. У меня есть много физических сил, я здоровый, а Яша Батюк с детства слепой. И он и его сестра Женя и их папа сочиняют прокламации, разносят по городу. К Яше по ночам собираются комсомольцы. Вы, наверное, знаете: он остался работать подпольщиком. Он такой энергичный; не боится смерти, все считаются с его авторитетом. Я очень хотел остаться в Нежине помогать, но Яша приказал уйти из-за моей национальности. Яша объяснил мне, что я больше годен в партизаны. В городе меня узнают и скоро арестуют. Когда он выяснил, что я шел вместе с Вами и знаю, где Вы будете, Яша обрадовался, что есть возможность связаться с секретарем обкома партии. Он даже размечтался, что сам пойдет вместе со мной до Вас, но его папаша и товарищи отговорили. Тогда Яша составил письмо, и мне было приказано отправляться. Мне дали оружие, и со мной пошел еще один мальчик, которому я оставляю для Вас это письмо.

То, что писал до Вас Батюк, я здесь, в отряде, не показывал, но, может быть, Вы сюда тоже попадете. Так имейте в виду, я пошел дальше, как Вы мне советовали, в областной отряд. Здесь, по-моему, люди руководят неправильно, очень слабохарактерно. Я уже видел такие ужасы от немцев, что я не могу смотреть, как целый отряд только прячется в лесу или делает один-два маленьких наскока в неделю. Слепой Яша Батюк со своими комсомольцами больше работает и смелее, чем здешнее руководство.

Это, может быть, не мое дело, я пошел себе дальше, как связной. Я бы написал Вам подробнее, но оставляю это письмо только на всякий случай если не увижусь с Вами у Попудренко. Тогда я Вам еще подробнее все расскажу.

До свиданья, товарищ Федоров, если меня не убьют в дороге".

Я спросил парнишку, передавшего письмо Зуссермана:

- Давно ушел Яков? Что у него здесь произошло с командованием, поругались?

Нет, оказывается, Зуссерман вел себя сдержанно, ни с кем не ругался, объяснил, что у него есть поручение в областной отряд. Ушел примерно неделю назад.

Парнишка сказал:

- Я тоже из Нежина. Сюда прибыл вместе с Зуссерманом. Но мне в городе больше нравится, хочется с нашими комсомольцами. С товарищем Батюком так интересно работать! В городе его все знают, его все там уважают. Он до войны был уже юристом... Как вы считаете, товарищ Федоров, можно мне уйти обратно в

Нежин?

*

О Якове Батюке я слышал еще до войны от секретаря Нежинского райкома партии Герасименко. Он рассказал как-то, что в Нежин приехал к отцу слепой молодой человек комсомолец и кандидат партии. Это и был Яков Петрович Батюк. Незадолго до того он окончил с отличием юридический факультет Киевского университета, назначение на работу получил в Нежин. За полгода практики двадцатидвухлетний юрист завоевал в городе широкую популярность. Он уже стал членом коллегии адвокатов. Даже опытные, пожилые работники юстиции признавали, что Батюк весьма способный защитник.

Меня, признаться, очень удивило, что он не эвакуировался. В числе коммунистов, отобранных для работы в подполье, Якова Батюка не было. Подпольный обком партии его кандидатуры не утверждал. Но возможно, что его оставил в тылу врага обком комсомола. Мне показалось такое решение не очень обдуманным.

Чем больше я об этом размышлял, тем больше возникало у меня недоуменных вопросов. Слепой... Допустим даже, что у него великолепная, просто феноменальная память... Герасименко рассказывал, что на судебных разбирательствах Батюк без запинки цитировал любую статью уголовного кодекса, что детали каждого дела он знал назубок, не брал на заседание ни одной бумаги, свидетелей безошибочно называл по имени и отчеству... Допустим, что у него великолепный слух и, опять же, отличная слуховая память. Это нередко у слепых. Но руководить подпольной организацией, опираясь только на эти данные...

Я вообразил, как впервые слепой юноша встречается с немцем. Ведь он только слышит его, не знает даже, какая у него форма... А если входит в комнату человек и молчит. Как узнать, что это враг? С Яковом отец, сестра, товарищи - они ему помогают... Зуссерман пишет, что подпольщики собираются ночами. У Батюка ведь всегда ночь...

Продолжая свои размышления, я постарался представить себя на месте Батюка. Закрыл глаза. Каким маленьким стал окружающий меня мир. Он кончается у протянутой руки. Для меня, зрячего, Родина огромна. Это и бескрайние колхозные поля, и река, и море, и пароход, и красивая картина; завод с его сложными, умными станками, поезд, автомобиль, самолет в небе... Театр, кино... Яркая волнующая демонстрация Первого мая... Лес, зеленый луг...

Я закрыл глаза, но я все это помню. Даже если бы я и в самом деле ослеп, - все виденное сохранилось бы у меня в памяти...

Вечером я подозвал к себе парнишку, сопровождавшего

Зуссермана.

- Ты хорошо знаешь Якова Батюка? Расскажи все, что тебе известно.

Не очень много знал этот парнишка. Я спросил:

- Как ты считаешь, может слепой Батюк быть действительно руководителем подпольной организации?

Мальчик посмотрел на меня чуть ли не с презрением. Ответил резко, с обидой в голосе:

- Да вы знаете, какой он? Вы думаете - он слепой? Как начнет спрашивать, черные очки наставит на тебя, получается гораздо пронзительнее, чем у вас, товарищ Федоров, честное слово! Он, когда на пишущей машинке печатает, еле успевают диктовать. И ни одной ошибки. Он по улице ходит без палочки и, знаете, как быстро. Женя, сестренка его, рассказывала и Петр Иванович тоже, что в Киеве Яков Петрович тоже по всем улицам свободно без палочки может пройти!.. Кто такой Петр Иванович?.. Ну отец Яши и Жени, конечно. Он тоже подпольщик, но не думаю, чтобы он знал всех. Яков Петрович так поставил работу, что рядовые члены организации знают только свой участок. Я, например, только держу связь с двумя селами. Я был только на одном собрании... И вовсе не ночью, а вечером. Еще было светло. Мне дали знать, что надо придти. Подхожу на улицу Розы Люксембург, туда, где Батюки живут, слышу патефон и голоса: громко поют какую-то украинскую песню. Я даже решил, что не туда попал. Оказывается, действительно там поют. Окна открыты, сидит молодежь, и даже вино стоит. Я уже потом узнал, что вино только для вида...

Все это парнишка выпалил единым духом. А потом замолчал, и мне стоило большого труда его раскачать.

- Яков Петрович тоже пел со всеми?

- Пел. У него сильный голос. Бас.

- И танцевали на этой вечеринке?

- Да, танцевали, и у некоторых девушек были накрашены губы. Но это все нарочно, чтобы соседи думали, что настоящая вечеринка.

- Много собралось людей?

- Человек двенадцать. Но некоторые уходили, а другие приходили.

- А ты долго пробыл?

- Минут двадцать.

- С Яковом говорил?

- Он меня подозвал, нас загородили в углу. Его сестра Женя шепнула мне: "Протяни брату руку". Яков Петрович поздоровался со мной за руку и сказал: "Слабовато. Молодой большевик должен

быть крепким!" и так больно сжал, что мне хотелось крикнуть. Потом спросил: "Присягу принимал?" Я кивнул головой, а Женя мне шепнула: "Надо не кивать, а отвечать, брат не видит". Но он, Яков Петрович, не стал переспрашивать. Еще задал такой вопрос: "Партизаном хочешь стать, леса не боишься?" Я сказал, что хочу. "Завтра пойдешь с этим человеком. Все, что он прикажет, - для тебя закон. Ясно?" Я ответил, что ясно, он опять пожал мне руку, и я ушел. Меня проводила Женя. Она уже на улице рассказала, где встретиться с Зуссерманом и все остальное.

- Чем сейчас занимается Батюк, его официальное положение?

- Председатель артели слепых. Это веревочная артель. Там вьют из конопли и льна вожжи и канаты. Но там работают не только слепые. Петр Иванович у них заведует хозяйством. Артель получила разрешение от комендатуры нанимать людей. Я знаю, что там несколько наших комсомольцев на подсобных работах. Слепые ведь не могут все делать. Яков Петрович нарочно держит своих людей...

- А как уладили с немецкой комендатурой? Кстати, Батюк говорит по-немецки?

- Говорит. И Женя тоже говорит и даже хорошо пишет. Комендатура дала свой заказ на конскую сбрую. Но им Яков Петрович такие сделает поставки, только держись!

- А что можно сделать со сбруей?

- Как это, что? Можно протравливать кислотой. Пока веревка сухая ничего. А когда попадет под дождь - вся сразу развалится. Это мне рассказал один наш парнишка... Он меня очень хорошо знает. Не беспокойтесь, товарищ Федоров, уж я-то не проговорюсь.

- Ну, а что же, все-таки, конкретно сделала ваша Нежинская организация?

Мой собеседник долго молчал, собирался с мыслями, может быть, подытоживал в уме все, что знает. Вероятно, только через минуту ответил:

- Товарищ Федоров, вы, по-моему, не должны меня про это спрашивать. Я если и знаю, то через разговоры с товарищами. Это у партизан все на виду, а у нас, подпольщиков, не так. Я знаю, что есть пишущая машинка, а может быть, и две. Знаю тоже, что есть радиоприемник, потому что сам расклеивал листовки со свежими сводками Совинформбюро. Мне тоже известно, что есть у нас диверсионная группа и на перегоне Нежин - Киев недавно взорвался поезд. В душе я уверен, что это наши ребята устроили взрыв. Но официально не могу вам доложить. Я отвечаю за свои действия, ведь правда? Вот, например, Шура Лопотецкий, член нашей группы, я его как-то спросил, где он пропадал три дня. А

он мне ответил, что если я еще раз спрошу, так он скажет Якову Петровичу. "А на первый раз, - говорит, - получай" - и как дал мне в ухо. И ничего не скажешь, правильно. А вы как считаете, товарищ Федоров?

- Так, пожалуй, если я тебя еще о чем-нибудь спрошу, и ты мне влепишь в ухо?

- Нет, что вы, товарищ Федоров, вы ведь все-таки секретарь обкома партии...

На этом и закончился разговор с парнишкой, сопровождавшим Зуссермана. Не очень-то много я узнал от него о Нежинской организации. Но скоро я буду в областном отряде. Тогда Зуссерман расскажет мне все подробно. Однако даже из отрывочных сведений, которые я получил, складывалось впечатление, что в Нежине у руководства комсомольским подпольем стоят серьезные, деятельные люди. А сам Яков Батюк, видно, весьма незаурядный человек.

На общем собрании в Ичнянском отряде я прочитал письмо Зуссермана и рассказал кое-что о Батюке. Это произвело сильное впечатление. Кое-кому из руководителей отряда было не очень-то приятно слышать, что "слепой Яша Батюк со своими комсомольцами больше работает и смелее, чем здешнее руководство".

*

Положение, которое создалось в то время в Ичнянском отряде, объяснялось тем, что тут, как и во многих отрядах, люди еще искали правильный путь.

Не только Зуссерман и его товарищ из Нежина нервничали. Был в отряде бежавший из плена красноармеец по фамилии или по прозвищу (теперь уже не помню) Голод. Очень шумный, нетерпеливый, отчаянный парень.

- Что мы тут валандаемся, под козырек берем, кашу варим, строем маршируем? - кричал он. - Помирать - так с музыкой! Назвались партизанами - так, давай, будем рубиться, гулять будем!

Он был представителем самой крайней группы. Это были ребята, жаждавшие "вольницы". Бесшабашность, лихость, отчаянный наскок, а потом пей, гуляй, - вот как они представляли себе партизанскую жизнь. До них уже дошло, что мы с Днепровским были вдвоем на совещании старост. Голод решил поэтому, что и я приверженец такой бесшабашной линии. Он пришел ко мне, жаловался и на командира и на комиссара.

- Завели муштру...

Противоположная крайность: надо собраться с силами, надо выждать, надо подучиться, надо внимательно приглядеться к

противнику, а уж потом, сообразуясь с возможностями, совершать нападения. Группа, исповедующая такую точку зрения, не имела своего вожака, но была многочисленна. Командование же - Сычов и комиссар Горбатый - держалось середины, лавируя между этими крайностями. И внутренние трения, споры, митинги отнимали массу времени.

У командования не было четкого плана действий. Куда и когда направить удар? Где у противника наиболее слабое место? В каких селах народ крепче поддержит партизан? На эти вопросы никто ответить не мог. Связь с крестьянством была налажена, почти в каждом населенном пункте имелись свои люди, но роль этих людей была пассивная. Примут связного отряда, накормят, спать уложат. Ну, еще расскажут, когда проходили немцы. Но агитационно-пропагандистской работы люди эти не вели, даже подлинной разведкой не занимались.

Не понимало еще руководство Ичнянского отряда и того, что их районная партизанская группа есть часть большой подпольной армии, что надо наладить повседневную связь с соседними отрядами, с областным штабом, что надо согласовывать планы.

Правда, отряд существует всего два месяца и кое-что он сделал. Снял три раза вражеские заставы, казнил нескольких предателей, заминировал шоссе. Помог отряд укрыться шести бежавшим из немецкого плена красноармейцам; они вошли теперь в его состав. Да и самый факт существования отряда кое-что значит. Право командование и в том, что организация отряда требует времени, и немалого.

Но все же Ичнянский отряд больше походил на убежище, в лучшем случае на группу людей, лишь обороняющихся от врага. Командование явно затянуло организационный период. Пора было изменить положение. Многие в отряде это понимали, и они ждали от нас, в частности от меня как руководителя, решительных мер. Наш приход подействовал на людей ободряюще, они почувствовали, что отряд не одинок.

На следующее утро перед строем был прочитан приказ.

ПРИКАЗ

п о о б л а с т н о м у ш т а б у р у к о в о д с т в а

п а р т и з а н с к и м д в и ж е н и е м

Ч е р н и г о в с к о й о б л а с т и

(О м б и ш с к и й л е с)

от 9 ноября 1941 г.

Областной штаб партизанского движения отмечает, что

руководство Ичнянского отряда, командир отряда т. Сычов П. П.,

комиссар т. Горбатый В. Д., секретарь подпольного РК КП(б)У

т. Попко, провело организационную работу, в результате чего создан крепкий костяк партизанского отряда для разворота боевых эффективных действий против немецки-фашистских захватчиков. Но этих возможностей руководство партизанского отряда еще не использовало, не развернуло широко партийной и массово-политической работы среди населения, не развернуло широко работу по вовлечению лучших людей в партизанский отряд, не организовало хорошей разведки; отряд не ведет всесторонней беспощадной борьбы против немецко-фашистских захватчиков, не взял инициативы в свои руки в борьбе против немецких оккупантов, не ответил на террор, проводимый фашистами и их агентами, красным террором и мощными ударами по фашистским захватчикам, которые уже убили в Ичнянском районе десятки ни в чем неповинных людей: политрука т. Ярошенкова в с. Буромка, колхозника в с. Рожновка, красноармейца в с. Заудайка.

Областной штаб партизанского движения командованию Ичнянского партизанского отряда п р и к а з ы в а е т:

Немедленно вывести из строя железную дорогу Киев - Бахмач, взорвать железнодорожный мост между Кругами и Плисками, непрерывно пускать под откос немецкие поезда, уничтожать автомашины, склады вооружения, боеприпасов, оружия, уничтожать немцев и их агентов. Уничтожать немецкие отряды в Ичне, Парафиевке, Кругах.

Изъять список регистрации коммунистов. Уничтожить в с. Заудайка старосту и украинских националистов. Провести совещание коммунистов по кустам на протяжении декады, на котором поставить задачу по борьбе с немецкими захватчиками.

Немедленно развернуть широко работу по вербовке лучших людей в партизанский отряд.

Организовать систематическую и глубокую разведку и связь с каждым селом района и с соседними районами, для этого иметь при

отряде двух женщин-связных, если есть возможность, мальчика и

старика. Иметь в каждом селе 2 - 3 человек для разведки и связи,

чтобы знать каждый день и каждый час, что делается в селах и

районе.

Каждый партизан является проводником директив партии и

правительства, отсюда и задача каждого партизана - проводить

массово-политическую работу среди населения, заботиться о

материальных интересах трудящихся, защищать их и помогать в

вопросах материальных интересов.

Чтобы обеспечить проведение всех мероприятий,

систематически практиковать движение отряда в боевом порядке по

селам района, если потребуется, и по другим районам, осуществляя

на ходу все задачи, стоящие перед отрядом: уничтожать все

враждебные элементы, уничтожать базы врага, мосты, поезда,

автомашины и т. д., проводить массово-политическую работу среди

населения, организовать материальную помощь трудящимся, чтобы

трудящиеся реально чувствовали эту помощь, и т. д.

Основным правилом работы партизан должно быть выполнение

боевых задач в сочетании с проведением политвоспитательной

работы среди населения: повышение идейно-политического роста

партизан, тесная связь с населением, всесторонняя помощь

населению, везде и всюду беспощадная борьба против немецких

оккупантов.

О выполнении данного приказа доложить областному штабу

руководства партизанским движением на Черниговщине.

Начальник областного штаба руководства

партизанским движением на Черниговщине

ФЕДОР ОРЛОВ.

*

От Гузя сбежала секретарша. Эту новость принес Гриша-лесник. Он сам ее видел, даже разговаривал с ней. Сначала не

хотелось и слушать Гришу. Подумаешь, пухленькая, напудренная девица ушла от заместителя бургомистра. Нам-то что до этого? Но оказалось, что история достойна внимания. Девица не ушла, а именно сбежала. Она стала жертвой шантажа. То ли ее отец был ответственным работником и коммунистом, то ли она сама была до войны комсомолкой-активисткой, Гриша как следует не разобрал. Его позвали соседки, приютившие девушку. Девушка ревмя-ревела, говорила очень путано, многое, видимо, скрывала. Но плакала искренно: так показалось Грише. Этот Гузь был когда-то преподавателем в школе, где она училась. После прихода немцев он вызвал ее и предложил работать в управе. Она пыталась отказаться, тогда он пригрозил, что посадит ее, выдаст, и девушка испугалась. Теперь же, увидев всю мерзость немцев и их ставленников, испугалась еще больше. А тут еще выяснилось, что Гузь ее "любит".

- Не могу, не могу, я лучше утоплюсь, но с ними не останусь. Спрячьте меня от них, пожалуйста, спрячьте!

Партизанам же она хотела передать, что завтра Гузь поедет по дороге Припутни - Ичня.

- Убейте его, захватите его, - говорила она. - Я бы сама, но я слабая. Вы не поверите, знаю, я теперь подлая уже, я предательница. Но вы увидите, что я не лгу. Проверьте и тогда судите, делайте со мной все, повесьте, расстреляйте!..

Но это могло быть и провокацией, девицу немцы могли подослать. Я стал вспоминать, как вела она себя на собрании. Видел, что рисовала что-то. Да припомнил еще, что перед началом собрания, когда Гузь говорил с нами на "общие темы", рассказывал, какой будет Украина под покровительством немцев, девица спросила его:

- А как же с высшим образованием женщин?

Он повернулся к ней весь красный и, брызгая слюной, заорал:

- Довольно повозились с вами! Какое женское образование? Муж, дети, печка! Будете кончать начальную школу, да еще швейные и кулинарные курсы.

Секретарша тогда сделала попытку улыбнуться, но скривила такую жалкую, подобострастную гримасу, что тошно было глядеть. И это существо теперь бунтует?

Гришу спросили:

- Почему не привел ее сюда? Тут бы и выяснили, что за птица.

- Она сама пойти побоялась, а силком тащить, ну ее, заорет еще...

Взвесили все "за" и "против", решили, что хоть и есть риск нарваться на провокацию, однако заставу на дорогу выдвинуть надо. А в соседнем лесочке спрятать хорошо вооруженную группу.

На следующее утро старший лейтенант Глат, красноармеец Голод и еще трое автоматчиков битых четыре часа понапрасну лежали на мерзлой земле возле дороги. Гузь не проезжал, не появлялся и отряд немцев.

Конец этой истории стал мне известен гораздо позднее. Тогда же мы негодовали, ругали Гришу: "Развесил уши, поверил". Грише попало основательно и попало напрасно.

Гузь, обнаружив, что секретарши его нет, организовал поиски во всех ближайших селах. Застрял в районе на несколько дней... Но люди, которые решили помогать девушке, были и вернее и сильнее, чем сволочь, помогавшая Гузю. Девушке удалось скрыться. Примерно через месяц она пробралась сперва в Ичнянский, а потом и в областной отряд. Гузь же не избежал народной мести... Но это история последующих дней.

Наша обкомовская группа пробыла в отряде имени Хрущева три дня. Мы отдохнули, надели чистое белье, я наконец-то получил сапоги, скинул свои бутцы на одну ногу. Голенища у сапог были очень узкими, не налезали на икры. Брюки, сшитые в Лисовых Сорочинцах, нависали на голенища. Бороду я сбрил, но оставил усы. Надя Белявская, оглядев меня, с неприязнью заметила, что я стал походить на куркуля, т. е. на кулака. Что ж, удобный грим!

Нам надо было пройти еще километров сто, чтобы добраться до места дислокации областного отряда. К нашей группе присоединились Степан Максимович Шуплик, партизанский поэт, и молодой партизан Вася Поярко. В провожатые нам дали двоих автоматчиков: они должны были довести нас до Десны.

*

Недавно я получил в подарок от Степана Максимовича Шуплика книжечку стихов, изданных в Киеве: "Писни партизана дида Степана". В книжечке этой есть такие стихи. Привожу их, не переводя на русский язык:

ГАРНО ПЕРЕНОЧУВАЛИ
Наступила темнота,
Появилась дрімота.
Із далекої дороги
Заболіли у нас ноги.
Мы зайшли в село до хати,
Попросились ночувати,
Нас хозяйка не пускае.
Зайшли в хату - вигоняе.
Ми до неї усурйоз,
Кажем: - на дворі мороз,
Та їй добре розказали,

Хто такие партизани,
Прочитав я свої вірші,
И зробилась вона тихша.
Піч і грубку затопила,
Нам вечерять наварила,
На стіл ставила тарілки,
Унесла нам і горілки.
Гарно пройшла у нас ніч,
Дехто злазив і на піч,
Нам хозяечка й на ранок
Приготовила сніданок,
А в дорогу проводжала,
Бить ворога наказала.

Изложено в этих стихах подлинное наше приключение в селе Воловицы.

В село Воловицы мы пришли, как и написано в стихах, затемно. Намерзлись за день, проголодались и устали ужасно. Разморил нас чуть ли не всех сон. Казалось, - сядь и уж не встанешь. Постучались мы в первую попавшуюся хату. Хозяйка приоткрыла дверь, и тут же в щель я сунул ногу. Прихлопнув мой сапог, хозяйка довольно громко заорала. Но из щели потянуло чудесным теплом натопленной хаты, в нос ударил запах борща и только что испеченного хлеба. Это придало мне сил, я потянул дверь, вошел, а следом за мной и семеро моих спутников.

Какой крик подняла хозяйка! Можно было подумать, что мы разбойники. Впрочем, она приняла нас именно за разбойников, за отчаянных бандитов. Мы пытались объяснить, что, мол, дорогая хозяюшка, мы зашли к вам только обогреться, ни на ваше имущество, ни на вашу жизнь не посягаем. Она была глуха к нашим словам и продолжала истошно кричать. Это было тем более неприятно, что, по нашим сведениям, в селе располагался довольно значительный продовольственный отряд немцев.

Товарищи сняли свои автоматы - надоело таскать, - хозяйка же приняла это за угрозу и вдруг смолкла. И только замолчав, стала она понимать, что мы говорим. Говорили мы по очереди, объясняли, кто такие партизаны, как они защищают интересы народа, и совершенно неожиданно хозяйка спросила:

- Чого ж вы не роздеваетесь?

Немного погодя она предложила нам борща, а когда Степан Максимович почитал ей что-то из своих стихов, она прослезилась и сказала, что у нее и горилка есть.

- Спробуйте с мороза?

Все происходило, как видите, совершенно так, как описал поэт. Только Степан Максимович упустил существенную деталь.

Так как Днепровский водки в рот не берет, хозяйка специально для него поставила домашней наливки. А уж это, несомненно, свидетельствовало, что мы сумели расположить ее к себе.

Мы разговорились. Оказалось, что хозяйка - жена бывшего председателя сельсовета; скоро домой вернется "сам".

Рассказала она, что на том конце села ночуют немцы, и при этом выжидающе посмотрела на нас.

Дальше произошло то, что поэт почему-то забыл или не сумел зарифмовать.

Нас всего девять человек. Немцев, как утверждала хозяйка, никак не меньше полусотни, причем на вооружении у них не только автоматы, но и пулеметы. Нападать с нашими силами - безрассудно. Но и не сделать ничего тоже безрассудно.

- Повесили немцы объявление, - сказала хозяйка, - чтобы завтра 240 коров и 80 кабанчиков сдали.

- А где висят объявления? - спросил я. У меня возник замысел: слегка пугнуть немцев.

Хозяйка рассказала, что висят объявления и на столбах и возле бывшего правления артели.

- Вот что, хлопцы, - предложил я товарищам. - Давайте напишем приказ?

Я выложил перед ними свою идею. Хозяйка не совсем понимала, что мы собираемся делать, но охотно дала и чернила и перо. Спать уже никому не хотелось. Мы увлеклись, и вскоре "приказ" был написан и размножен в десяти экземплярах.

ПРИКАЗ

К о м а н д у ю ч о г о п а р т и з а н с ь к и м

р у х о м н а Ч е р н и г і в щ и н і

г е н е р а л-л е й т е н а н т а О р л е н к о

м. Чернигів, листопад 1941 р.

Только я продиктовал эти строки, хозяйка с восторгом в голосе спросила: "Так у вас, значит, большие силы есть?"

"Німецько-фашистські окупанти за допомогою їх слуг,

поліцаїв, куркулів, українських націоналістів і іншої сволочі

грабують український народ, наклали на селян контрибуцію: хліба,

скоту, картоплі і інших продуктів.

З метою усунення грабіжницьких дій німецьких фашистів

загарбників і їх слуг

П р и к а з у ю:

1. Категорично заборонити всім громадянам вивіз хліба,

скоту, картоплі і інших продуктів - контрибуції німецьким

окупантам.

2. Особи, які порушать цей приказ - повезуть хліб, скот,

картоплю і інші продукти німецьким фашистським окупантам,

будуть покарані суворою революційною рукою, як підлі зрадники

Радянської Батьківщини.

3. Командирам партизанських отрядів виставити секретні

пости на шляхах підвозу продуктів до пунктів.

4. Старости, поліцаі, які будуть виконувати розпорядження

німців про вивіз контрибуції (хліба, скоту, картоплі і інше)

німецьким грабіжникам, будуть негайно знищені з їхнім гадючим

гніздом.

Товарищі селяни і селянкиі Не дамо ні жодного кілограма

хліба, мяса, картоплі і інших продуктів німецьким фашистським

грабшіжникам!"*.

_____

* Немецко-фашистские оккупанты при помощи их слуг - полиции,

кулаков, украинских националистов и иной сволочи - грабят украинский

народ, наложили на крестьян контрибуцию: хлеб, скот, картофель и

другие продукты.

С целью устранения грабительских действий немецко-фашистских

захватчиков и их слуг приказываю:

1. Категорически запретить всем гражданам вывоз хлеба, скота,

картофеля и других продуктов - контрибуции немецким оккупантам.

2. Лица, которые нарушат этот приказ - повезут хлеб, скот,

картофель и иные продукты немецко-фашистским оккупантам, - будут

наказаны суровой революционной рукой, как подлые изменники Советской

Родины.

3. Командирам партизанских отрядов выставить секретные посты на

дорогах подвоза продуктов к пунктам.

4. Старосты, полицейские, которые будут выполнять распоряжения

немцев о вывозе контрибуции (хлеба, скота, картофеля и др.), будут

немедленно уничтожены с их змеиным гнездом.

Товарищи крестьяне и крестьянки! Не дадим ни одного килограмма

хлеба, мяса, картофеля и других продуктов немецко-фашистским

грабителям!

*

Хозяйка гвоздей не нашла, клею у нее тоже не было. Надя Белявская увидела на подоконнике коробочку патефонных иголок - решили их использовать. Сразу после ужина Вася Зубко и Плевако, а с ними как провожатая и сама хозяйка отправились; и всюду, где были немецкие объявления, посрывали, а на их место прикалывали наши приказы.

Хозяйка устроила нас всех очень уютно. Днепровский, которого мучил ревматизм, полез на печь. Спали мы прекрасно. Разбудила нас хозяйка, когда уже рассвело. Оказывается, вернулся ее муж и рассказал... что в Воловицах не осталось ни одного немца - удрали.

Признаться, когда мы сочиняли наш приказ, мы не рассчитывали на такой эффект. Просто хотелось показать, что партизаны не дремлют. И вот неожиданный результат. Значит, враги очень неуверенно чувствуют себя на советской земле.

Хозяин, правда, рассказал, что во главе продотряда стоял какой-то щупленький и трусливый интендантик. Как только ему сообщили о "приказе", он забегал, засуетился, сказал, что разведка давно ему докладывала о приближении большой группы партизан.

Утром всех нас прекрасно накормили, а потом хозяин довел нас до берега Десны и показал узкий, хорошо промерзший переход. Показал он нам и кратчайший путь в селение Рейментаровку, Холменского района.

- До побачения, товарыщи! - сказал он на прощание. - В Рейментаровке есть люди, що знают Миколу Напудренко... - так почему-то искажали фамилию Николая Никитича многие крестьяне окружающих сел.

Жаль, забыл фамилию наших воловицких хозяев. И он и она, несомненно, очень хорошие советские люди.

Здесь, у Десны, нас должны были покинуть и автоматчики; отсюда начинались довольно густые леса, прятаться было легко, и мы могли обойтись без них. Когда прощались, один из автоматчиков вдруг заявил, что он хотел бы поговорить со мной наедине.

*

Мы отошли в сторону, в кусты. Говорить товарищ начал не

сразу, и у меня было время повнимательнее разглядеть его. Признаться, шли мы вместе около трех суток, разговаривали, но особенно я ни к тому, ни к другому из наших провожатых не присматривался. Бойцы - партизаны - один помоложе, другой постарше. Теперь же, заинтригованный, я разглядывал его внимательно.

Передо мной стоял высокий пожилой мужчина в драповом, по-городскому сшитом пальто. На переносице след от пенсне. Вспомнил, что по пути автомат свой он то и дело перевешивал с плеча на плечо. Судя по всему, человек городской, интеллигентного труда. "Ну, - думаю, - хочет пожаловаться на руководство отряда".

- Товарищ Федоров, - начал он неуверенно, однако строго официально, я обращаюсь к вам как к депутату Верховного Совета, члену правительства. Дело в том, что меня могут убить...

- Кто? Почему?

- Я думаю, немцы или националисты, да и... вообще, знаете, война.

- Да, это, действительно, может случиться, - вынужден был согласиться я. - Только вы уж, пожалуйста, покороче. Кабинета, как видите, нет, закрываться негде. Давайте, выкладывайте ваш секрет.

Тогда он заторопился, стал расстегиваться и отвернул полу своего пальто. Пальцем он подпорол подкладку я вытащил плоский, довольно объемистый пакет.

- Вот, - сказал он и протянул пакет мне. - Здесь двадцать шесть тысяч четыреста двадцать три рубля. Деньги эти принадлежат Лесозаготовительной конторе Наркоммясомолпрома. Кассовая наличность на день эвакуации из Киева. Я старший бухгалтер, моя фамилия...

Я записал тогда фамилию этого товарища, но запись эту потерял - за три года партизанской жизни немудрено.

Назвав свою фамилию, бухгалтер продолжал:

- Я эвакуировался с группой сотрудников, по пути поезд наш разбомбили немцы, а потом я попал в окружение, а потом... сколько я пережил, раньше чем попасть в отряд. Я очень прошу вас - примите, в этих условиях я их не могу держать. Деньги государственные, а у меня не только сейфа, даже чемодана нет, а, кроме того, меня могут убить...

- Но почему вы не сдали командиру отряда? Если бы вас убили или даже ранили, товарищи стали бы осматривать ваши вещи... Вас бы сочли за мародера шли...

- В том-то и дело! Но командиру, товарищ Федоров, я не могу сдать. Надо подписать приемо-сдаточную ведомость, а он не

облечен...

- Слушайте, товарищ бухгалтер, не пойму я только, почему вы все это засекретили. Казалось бы, наоборот, при свидетелях...

- Нет, знаете, крупная сумма, а люди неизвестные, и такая обстановка.

- Ладно, давайте свою ведомость, где расписаться?

- Вот тут, но только, пожалуйста, пересчитайте.

- Зачем? Ведь я их все равно сейчас сожгу.

- Но пересчитать надо, товарищ Федоров. Вы не имеете права мне доверять.

- Вам больше доверили. Вам доверили оружие, охрану людей. Я же вижу, вы честный человек, зачем же тратить час, а то и больше на перелистывание бумажек?

- Товарищ Федоров! - воскликнул бухгалтер, и в голосе его появилось раздражение. - Я понимаю, но иначе не могу. Я тридцать два года имею дело с деньгами как кассир и бухгалтер...

Я пожал плечами, вздохнул и принялся считать. На это ушло действительно больше часа. Все, конечно, оказалось в точности до копейки. Должно быть, со стороны выглядели мы очень странно. На берегу замерзшей реки, в кустарнике, припорошенном снегом, сидят два пожилых человека и пересчитывают деньги.

Потом мы сожгли их, и я грел пальцы над этим своеобразным костром: пальцы замерзли, пока я считал.

Товарищи, ожидая нас, тоже продрогли. Зубко и Плевако особенно сильно. Обеспокоенные моим долгим отсутствием, они по-пластунски, прижимаясь к холодной земле, поползли к месту, где мы укрылись с бухгалтером.

- Нет вас давно, мы уж думали... Но когда увидели, что вы считаете деньги, - успокоились, - сказал Плевако.

Бухгалтер посмотрел на него удивленно, вероятно, не мог понять, как можно равнодушно относиться к деньгам. На прощанье он долго жал мне руку.

- Спасибо, товарищ Федоров! Теперь я буду свободнее себя чувствовать, воевать стану лучше, не так буду бояться, что убьют.

*

Еще в Ичнянском отряде мы узнали, что Попудреяко со своими людьми перешел из Корюковского в Холменский район. Поэтому-то мы и направились в Рейментаровку - село, расположенное на опушке большого леса. Что там есть люди, связанные с областным отрядом, было несомненно. Однако по опыту предыдущих поисков мы понимали, что найти партизан не так-то будет легко.

В Ичнянском отряде мы отдохнули, переоделись, сил теперь

было больше. Погода установилась приятная: небольшой мороз, изредка снежок - середина ноября. Идти было легко, ноги не вязли в грязи. Я заметил, что товарищи стали молчаливее. Всем нам было о чем подумать.

Два месяца я нахожусь на территорий, занятой немцами. Что же произошло в стране, каков ход войны?

За все время я только дважды слушал радио: в хате Голобородько и в Ичнянском отряде. Слушал жадно, стараясь по отрывочным сведениям, по двум-трем сводкам Совинформбюро составить себе представление о всем ходе войны. Бои шли на ближних подступах к Москве; над нашей столицей, сердцем нашей Родины, нависла серьезная угроза. И, может быть, нигде так тяжело, с такой болью не воспринимались эти известия, как в оккупированных районах.

У бойцов и командиров Красной Армии, у рабочих и руководителей производства в нашем советском тылу, у колхозников свободной советской территории - конкретная, ясная, совершенно определенная работа. А мы, подпольщики, еще только ищем пути и организационные форумы, еще только собираем силы, вооружение.

Что я увидел и чему научился за эти два месяца?

Видел я многое, встречался с сотнями, разговаривал с десятками самых разнообразных людей.

И я стал суммировать, обобщать наблюдения; оценивать встречи, разговоры, мысли; искать главное и типичное. Ведь без этого нельзя нащупать верную тактику подпольной и партизанской борьбы.

В памяти остались те эпизоды, о которых я уже написал. Впрочем, тогда я помнил гораздо больше, все было ближе и свежее. Но главные эпизоды именно эти.

На память свою, между прочим, пожаловаться не могу. Она отбирает факты и наблюдения наиболее нужные, типические.

Например: незадолго до оккупации немцами Чернигова я вместе с группой будущих подпольщиков проходил семинар по минно-подрывному делу. На одном из занятий в кармане у меня были термические спички. Я нечаянно стукнул по карману, спички вспыхнули и жестоко обожгли ногу, о чем, я разумеется, забыть не мог. А когда писал о последних днях пребывания в Чернигове, случай этот ускользнул все же из памяти.

Но вот другой эпизод запомнился во всех деталях. Это было в хуторе Петровском, я сидел как-то на крылечке хаты. Ко мне подошли две женщины, чем-то взволнованные.

- Вы, мабуть, партийный? - спросила одна из них.

Я ответил отрицательно. Обе разочаровались. Когда же я

попытался выяснить, в чем дело, они неохотно рассказали, что спорят из-за поросенка. Маруся будто бы украла у Пелагеи. Но Маруся утверждала, что поросенка этого, когда он еще был маленьким, сын Пелагеи украл у ее сестры.

- Так зачем же вам коммунист? - спросил я споривших с недоумением.

- К кому же обращаться, суда теперь не мае, милиции тоже нет. Есть староста, есть и полиция в районе, та то ж хиба судьи?!

Бухгалтер, о котором я рассказывал, сдал мне деньги не как Федорову, внушившему ему личные симпатии, а как депутату - доверенному лицу народа.

Вот этот случай со спорщицами вспомнился мне не столько потому, что он забавный, сколько потому, что он характерен для отношения народа к коммунистам.

В селе Борок мне рассказали о таком происшествии. Немцы захватили у дороги группу людей. Это не была организованная группа. Просто попутчики. Пробивались они в партизанские леса, сошлись случайно и знали друг друга мало. Были в группе: два бежавших из лагеря окруженца, оба члены партии; один председатель колхоза, - он поджег оклад зерна и заскирдованный хлеб, а потом правильно решил, что лучше ему из своего села уходить; был инструктор райкома комсомола; последним к группе присоединился дядька лет сорока, рядовой колхозник из ближнего села. О нем его товарищи почти ничего еще не знали.

Трое из членов группы - предколхоза, инструктор райкома и один из окруженцев - имели неосторожность сохранить при себе документы. Второй окруженец, хоть и спорол с петличек шинели лейтенантские "кубики", но от них остались темные следы - немцы поняли, что он офицер Советской Армии. Все, кроме последнего дядьки, были вооружены пистолетами. Патруль захватил группу спящей в придорожном кустарнике. Но товарищи все же попытались отбиться, ранили двух солдат.

Группу привели в село. Немцы объявили населению, что арестовали партизан. В центре села возвели дощатый помост и четыре виселицы. В день казни на площадь согнали население ближних сел и хуторов. Но казни оккупантам было недостаточно. Они решили устроить видимость суда. В то время немцы еще заигрывали с крестьянством, хотели показать, что бунтуют и нарушают "новый порядок" пришлые элементы. Комендант в своей вступительной речи оказал:

- Мы будем уничтожать коммунистических партизан, которые есть враги не только для германской империи, они есть враги тоже для украинских земледельцев. Мы будем показывать справедливый суд над комиссарами, партизанами и

политработниками.

Все видели, что на помост привели пятерых. Виселиц же было всего четыре.

Трое коммунистов и беспартийный председатель колхоза уже после допроса в комендатуре поняли, что пощады им ждать не приходится. Их привели со связанными за спиной руками, в разодранной одежде, с разбитыми, окровавленными лицами. Пятого их товарища привели позднее, тоже связанного, однако одежда его была цела, на лице - ни царапинки. Первые четверо держались с достоинством, гордо закинули головы, смотрели на своих мучителей с презрением. Пятый был явно растерян. Он бросал взгляды то на немцев, то на виселицы, то на собравшийся народ. Создавалось впечатление, что он предатель.

Немцы начали публичный допрос. Комендант по очереди обращался к каждому:

- Отвечай громко, кто ты есть.

- Я офицер Красной Армии и член партии! - твердо ответил первый.

- Я кандидат партии, работник комсомола, - ответил второй.

- Я беспартийный большевик, председатель колхоза, - ответил третий.

- Я сержант Красной Армии, коммунист, хотел стать партизаном и безжалостно уничтожать немецкую погань! - крикнул четвертый. - Товарищи колхозники, мстите без жалости этим гадам, уходите в леса, вооружайтесь...

Ударом кулака комендант сбил его с ног.

- Прекращайте агитация! - завопил он. - Довольно! Я объявляю приговор. Крестьяне все имели видеть, кто бунтовщики и бандиты. Эти четыре есть участники большевистского руководства. Для них нет пощада, для них мы производим виселица. Но мы справедливый суд, мы спрашиваем пятый, кто ты есть? Он есть простой крестьянин, скажи, я говорю правда? - обратился комендант к пятому.

- Да, - ответил пятый, - голос его дрожал, - я простой колхозник...

- Ахтунг! - подхватил комендант. - Всем слушать внимательно! Этот простой крестьянин получает помилование и свободу, чтобы копать земля, выращивать хлеб и плоды...

- Товарищи! - во всю силу легких закричал пятый. - Я не предатель, я тоже большевик...

Комендант задохнулся от злости, он был сбит с толку, он не мог поверить, что человек сам ищет смерти.

- Вас?.. Что, зачем?.. - прохрипел он.

Пятый продолжал:

- Я не член партии, я комсомолец. Да, да, не смейтесь, я был комсомольцем... Карпенко! - крикнул он кому-то в толпу, - подтверди, ты знаешь, я был комсомольцем с 1918 по 1926 год... - Он повернулся и плюнул в сторону коменданта: - кат, гнус, делить хочешь, предателем меня выбрал, не надо мне такой жизни. Заявляю - я комсомолец, коммунист, партизан, бунтовщик, революционер. Что взял? Купил?..

К нему подскочили солдаты. Одного из них он стукнул головой в зубы, другого сшиб с помоста ударом ноги в живот. На него навалились, он продолжал отбиваться и кричать. Из кучи тел вырывались слова:

- Нет, старого комсомольца не купишь!.. Ребята, хлопцы, бей эту сволочь!

И тогда четыре его товарища со связанными на спине руками кинулись в кучу и стали бить солдат сапогами, коленами, рвать их зубами.

Комендант расстрелял всю обойму своего пистолета в воздух. На помощь ему прибежал еще десяток немцев.

Целую неделю на сельской площади висело пять трупов. На четырех из них немцы прицепили таблички: "коммунисты", на пятом табличку: "старый комсомолец".

Припоминаю еще один эпизод. О нем мне рассказала Евдокия Федоровна Плевако, а позднее рассказывали и другие люди.

Некая колхозница в дни вражеского наступления пошла на реку полоскать белье. И вдруг слышит вопли тонущего человека. Она его вытащила на берег и только тут обнаружила, что спасла немецкого офицера. Он стал горячо благодарить. Но колхозница была страшно расстроена. И как только немец отвернулся, она стукнула его камнем по голове и сбросила в реку, да еще ногой для верности подтолкнула.

Такой случай, конечно, мог произойти. Но важнее, что о нем говорили в разных местах, он стал как бы народным сказом. Характерно, что конец этой история, где бы о нем ни рассказывали, был одинаков: колхозница пошла потом в партизанки.

На Украине не было тогда ни подпольных радиостанций, ни наших большевистских газет. О настроении народа, его жизни мы, подпольщики, узнавали только из встреч с людьми, из личных наблюдений. И как бы ни были наши наблюдения ограничены, а подчас и случайны, все же основное мы уловили.

Подавляющее большинство украинского народа ненавидит немцев. Ненавидят женщины и мужчины, подростки и дети. Ненавидят рабочие и колхозники, люди интеллигентного труда и домашние хозяйки.

Немцы опираются на развращенных, подлых, трусливых и ничтожных людей. А в слабых и в колеблющихся стараются раздуть темные стороны их души: алчность, властолюбие, невежество, антисемитизм, национализм, фискальство, раболепие. Но таких людей в нашей стране очень мало. Ничего немцы в характере нашего народа не понимают.

Я убедился на жизненных примерах, что народ в исключительно трудных условиях вражеской оккупации по-прежнему видит в коммунистах своих руководителей. И там, где коммунисты организованы, организовано и население.

Я убедился, что заблаговременная подготовка большевистского подполья и партизанского движения дала свои, несомненно, положительные результаты.

Коммунисты на Черниговщине действуют, организация существует. Меня окружают товарищи по работе, члены большевистской организации, мы здесь не случайно, мы выполняем волю партии, волю народа.

Теперь я уже твердо знал, что у нас есть отличные предпосылки для развертывания мощного партизанского движения.

*

Размышления мои прервал Вася Зубко. Он показал на перекресток дорог, что был впереди нас метрах в трехстах.

- Алексей Федорович, глядите, наши! Честное слово, наши!!

Пересекая дорогу, по которой мы шли, мчались на галопе человек десять, судя по всему, партизаны: кто в шинели, кто в ватной куртке; была среди них и женщина.

- Глядите, глядите, у женщины клинок привязан и автомат. Определенно, партизаны! - восторженно закричал Вася, свистнул в пальцы и побежал вперед.

Сомнений не могло быть. Я тоже крикнул, но сразу понял, что ни крик наш, ни свист партизаны не услышат. Выхватил пистолет и выстрелил троекратно в воздух. Надя Белявская тоже вытащила из кармана кожанки браунинг, нажала курок; пистолет на отдаче вырвался у нее из руки; она, оказывается, впервые из него стреляла.

Не могли, конечно, всадники не услышать выстрелов. Но не откликнулись, и ни один не свернул к нам. Видимо, они заняты своим заданием, им не до нас.

Досадно, но что делать? Побрели мы дальше. Случай этот дал пищу для разговора. Мне показалось, что в одном из всадников я узнал Васю Коновалова, актера Черниговской драмы, а Надя клялась, что в группе был сам Попудренко.

Потом стали спорить, правильно ли партизаны поступили,

что не обратили внимания на выстрелы.

- И хорошо, что так получилось, - буркнул Днепровский. - Когда б они обратили внимание, нам же было бы плохо. Кто стреляет? - ясно, немцы. Зачем же в воздух отвечать? И они так бы ответили, что будь здоров!

Да, и это могло быть. Но все же жаль было, что те не остановились. А вдруг они к нам навстречу высланы?

В Рейментаровку пришли поздно, затемно. Село показалось угрюмым. Ветер качал большие деревья, выла собака; людей не видно. Проходя мимо одной из хат, мы услышали монотонный старушечий голос. Старушка громко, старательно молилась. Я постучал в окно. Она смолкла. Постучал громче. Отворилась форточка, и я увидел протянутую руку.

- Возьми, - прошептала старушка.

Я взял. Это был большой кусок хлеба.

- Да нет, бабуся, нам бы переночевать, - сконфуженно сказал я.

- Це не можна.

Пошли дальше. Уже совсем стемнело.

- Посмотрите-ка направо, - оказал Шуплик.

В темноте, будто волчьи глаза, светились яркие точки.

- Так то ж курят мужики, - догадался Плевако.

Так и оказалось. Возле колхозной конюшни сидели старики, человек, верно, восемь, и курили. Они заслышали шум наших шагов и выжидающе замолчали.

Стали мы завязывать разговор. Спросили, когда были немцы, какие тут в селе дела. Отвечали нам из темноты уклончиво, советовали к старосте сходить. Один из стариков поднялся, выругался и пошел, а потом мы услышали, ускорил шаг и побежал.

Все это не предвещало ничего хорошего. Из-за леса поднялась луна. Я знал приблизительно, где расположена хата председателя колхоза имени Первого мая Наума Коробки.

Коробки дома не оказалось, а жена его открыть нам не пожелала. Тогда постучались в соседнюю хату. И так нас разморила к этому времени усталость, что голоса наши звучали просительно, неуверенно.

Хозяин вышел на крыльцо и довольно грубо предложил убираться.

- Много тут шляется!

В это время на улице затарахтела повозка. Ближе, ближе и остановилась возле нас.

- Картошку привезли, - ни к кому не обращаясь, сказал хозяин.

С повозки соскочили трое. Я и приглядеться к ним не успел, а они уже окружили меня, и один скомандовал:

- Руки вверх!

Но тут же, почти без паузы:

- Товарищ Федоров! Ребята, Федоров прибыл, Алексей Федорович!

И начались сразу объятия, Первым умудрился меня обнять и расцеловать хозяин хаты. У него, оказывается, была явочная квартира.

На повозке приехали из отряда актер Василий Хмурый, Василий Судак и Василий Мазур - три Василия. Тут, в Рейментаровке, колхозницы выпекали хлеб для областного отряда; повозка за ним и приехала.

- Готов, готов ваш хлеб, - сказал я и показал Хмурому еще теплый кусок, полученный от старушки.

И я не ошибся. Старушка действительно пекла для партизан. Все село было партизанским. Немцы сюда и нос-то сунуть боялись.

Партизаны стали нас уговаривать сейчас же ехать в отряд - тут всего пятнадцать километров.

Но мы предпочли сперва выспаться.

Утром, до света, уселись на повозку и потихоньку двинулись в лес.

*

На повозке лежали пышные, душистые караваи пшеничного хлеба. Их прикрывал брезент. Маленький мохнатый коняка тащил повозку по узкой лесной дороге, тащил не спеша и все время шевелил ушами, будто прислушиваясь к разговорам. А мы говорили без устали, говорили, захлебываясь, часто и весело смеялись, своими голосами будили птиц. Галки поднимались, недовольно кричали, ругали, верно, этих не в меру, совсем не по-лесному, шумных людей.

Из-за кустов и деревьев выходили строгие люди с автоматами, но как только узнавали, кто едет, кидались пожимать руки и норовили наспех что-то рассказать. Они ведь тоже из Чернигова.

- А помните, товарищ Федоров, как вы тогда в театре перед нашим выходом в лес давали напутствие?

- Помню, конечно же, помню.

- И один вас спросил, как быть с язвой желудка? Вы тогда сказали: "Оставьте язву здесь, а сами идите воевать"! Это я был, - рассказывает часовой заставы, - и вот воюю, язвы не чувствую...

Потом другая застава, и другой часовой спрашивает:

- Навсегда к нам, товарищ Федоров?

- До победы!

- Я с музыкальной фабрики, столяр, помните?

- Помню!

Только светало, когда повозка остановилась на лужайке, рядом с легковой машиной. Под густыми низкими ветвями елей видны холмики - крыши землянок. Возле одной из них возился с ящиком толстый маленький человек. Он поднял лицо, стал вглядываться.

- Капранов! - кричу я. - Василий Логвинович! Что ж, своих не признаешь?

Он кубарем подкатился к нам, взволнованно говоря:

- Вот, черти, что ж не предупредили. Я бы самовар, я бы закусочку приготовил... Дома мы тут, совсем дома, привыкли... А вот в той землянке Николай Никитич и комиссар там. Спят. Ну, да правильно, будите их!

Мы наклонили головы, вошли в землянку.

- Долго, долго спите!

Попудренко не сразу и узнал. А узнав, даже прослезился на радостях. Мы с ним, конечно, расцеловались. А потом поднялись все. Нас, прибывших, разглядывали, оценивали наши костюмы и бороды, хлопали, жали руки, обнимали. Подвели нас к большому столу. И вокруг стола собрались все черниговцы, горожане; знакомые лица, дружеские улыбки...

Над большим котлом стоит столб пара. Все тянутся туда, вытаскивают по картофелине. Василий Логвинович разлил по кружкам спирт.

- Скажите что-нибудь, Алексей Федорович!

Я был очень взволнован.

- Ну что ж, товарищи, - сказал я, подняв железную кружку. - Мы живы, и это уже хорошо! Ни вы меня, ни я вас не подвели и не обманули. Договорились встретиться в лесу - выполнили! Тут, пока я к вам пробирался, болтали мне, что вы разбежались. Я не верил. Говорили и вам, наверное, обо мне всякую ерунду. Но за эти два месяца мы подросли, кое-чему научились, на мякине нас немцы и всякая сволочь не проведут! Вы здесь учились, я - в пути. А теперь давайте как следует воевать. Воевать вместе с другими отрядами, вместе со всем украинским народом, вместе с Красной Армией!

Землянка была битком набита, и вокруг, на поляне, тоже стоял народ; все, кто мог, прибежали сюда. Мы с Николаем Никитичем вышли на поляну. Сам собой организовался митинг.